РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ).

СЕНТЯБРЬ.

1905.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Чей-же Герценъ?

I.

Въ іюлѣ этого года вышло въ свѣтъ собраніе сочиненій А. И. Герцена.

Давно пора, хотя нельзя не сознаться, что талантливый писатель появляется изъ-подъ спуда отчасти и не въ пору. Время для спокойной и безпристрастной оцѣнки литературной дѣятельности пламеннаго трибуна наступило давно. Личныя страсти, которыя загорались около его имени, давно погасли,—безотчетныя и безсознательныя симпатіи и антипатіи вошли въ свои границы,—историческій холодокъ обвѣялъ когда-то вулканическія и стихійныя бури и изверженія.

Но мысль за много лѣтъ не переходила въ слово и поэтому слѣды хаотическаго смѣшенія взглядовъ и понятій все еще остаются.

Герценъ ярокъ, красоченъ, но пестръ и при тенденціозномъ освѣщеніи можетъ быть представленъ какимъ-то хамелеономъ. Этого на самомъ дѣлѣ, конечно, не было: трибунъ-отбѣжчикъ говорилъ вполнѣ опредѣленно и ясно. Но онъ стоялъ такъ далеко, такой таинственной громадой поднимался въ туманѣ недоступности и запрещенія, что легенды, миѳы и басни появлялись, такъ сказать, сами собою.

„Герценъ—нашъ“, — говорили западники и славянофилы. Обѣ стороны приводили свои, повидимому, убѣдительныя доказательства. Больше правъ на Герцена имѣли по всѣмъ видимостямъ западники. Г. Милюковъ съ коварной улыбкой ехидничалъ: „знаемъ мы, какой онъ вашъ“. Такъ дѣло стояло и стоитъ до сихъ поръ. Покончить споръ—за отсутствіемъ текста и документовъ — было, конечно, невозможно.

И вотъ теперь, хотя бы въ видѣ тѣхъ семи томовъ, которые

только что появились, настало время полюбовнаго или судебнаго дѣлежа дорогой добычи, проскользнувшей сквозь Кавдинское ущелье.

Но, думается мнѣ, Герценъ пришелъ къ намъ не въ добрый часъ. За послѣднее время умственный и нравственный уровень передовой части нашего общества очень понизился. Герценъ, страстный и неукротимый политическій трибунъ, умѣлъ сдерживать политическія страсти и подчинять ихъ разуму. Теперь разумъ, какъ дешевый и безвольный рабъ, подчиненъ политическимъ страстямъ. Умственный, общественный и нравственный кругозоръ общества съузился и охватываетъ только крошечную территорію маленькихъ мечтательныхъ и метафизическихъ вопросовъ, схоластически поставленныхъ и схоластически рѣшенныхъ.

Худшій изъ видовъ соціализма — соціализмъ жидовско-нѣмецкій по формуламъ Маркса и Энгельса,—сдавилъ передовые мозги и пропиталъ ихъ мертвою рутиною и грубымъ обскурантизмомъ. Французскій соціализмъ куда шире и человѣчнѣе. Но онъ не пришелся по текущимъ передовымъ мозгамъ, такъ-какъ не давалъ узкихъ и тощихъ формулъ и не требовалъ холопскаго рабства. Онъ оставлялъ мѣсто для личности и самодѣятельности и именно поэтому не пришелся по душѣ нашей интеллигенціи, счастливой только въ темничныхъ узахъ и только подъ скорпіонами, а отнюдь не подъ бичами. Тюрьма и ссылка по рецептамъ и пріемамъ полицейскаго надзора съ одной стороны, одиночное заключеніе по формуламъ полнаго одичанія и рабства въ схоластическомъ подземельи марксизма, педантическаго, туманнаго и узкаго съ другой,—вотъ крайніе пункты той идейной свободы, которою такъ легкомысленно и глупо гордятся интеллигентные колодники, духомъ крѣпостные холопы.

Теперь мы переживаемъ эпоху такого дикаго и безпощаднаго обскурантизма, передъ которымъ средніе вѣка кажутся вѣками свѣта и свободы. Стадо передовыхъ умовъ загнано въ грязныя и тѣсныя стойла мечтательной, но грубо педантической доктрины и послушно пасется подъ кнутомъ фанатика-пастуха на тощей нивѣ фикцій и иллюзій.

Идеалы властителей думъ полетѣли въ грязь, упали на дно, поползли за стѣной, скрылись въ туманѣ и выдвинули на степень героическаго элемента проститутокъ, бродягъ, босяковъ, хулигановъ, воровъ, грабителей, конокрадовъ и поджигателей. Что всегда считалось свинствомъ и грязью, засіяло въ лучахъ противоестественнаго идеала.

Задичала мысль, задичала и совѣсть. Старый вопросъ о долгѣ и добродѣтели давно уже потерялъ всякую почву подъ ногами. Безграмотные вожди человѣчества въ распивочныхъ газетахъ подняли

такую переоцѣнку цѣнностей, при которой не оставалось и не остается мѣста ни здравому смыслу, ни порядочности, ни приличію. Порнографія изъ домовъ терпимости и подваловъ скабрезной лубочной предпріимчивости поднялась въ области философіи, въ области богословія, получила имя мистики и всенародно празднуетъ апоѳеозъ садизма, содомизма и другихъ видовъ противоестественной похотливости.

Умственный горизонтъ слишкомъ узокъ для крупнаго, свѣжаго и яркаго литературнаго явленія. Герцену слишкомъ тѣсно на грязной сценѣ захолустнаго балагана. Его хотятъ дѣлить, а ему и не повернуться подъ низкимъ досчатымъ потолкомъ, среди вонючихъ и засаленныхъ кулисъ, при свѣтѣ грошевыхъ плошекъ и подъ дикій грохотъ уличнаго балагана. Онъ слишкомъ аристократиченъ для этой безграмотной черни, слишкомъ литературенъ для разухабистыхъ болтуновъ съ построчной продажностью, слишкомъ уменъ для вождей человѣчества, вооруженныхъ только нигилистическимъ букваремъ, слишкомъ баринъ для этой періодической дворни, ютящейся въ періодической подворотнѣ.

И этого человѣка, который умомъ, знаніемъ, опытомъ, чистотою сердца, безкорыстіемъ помысловъ, прямотою и откровенностью рѣчи на много головъ поднимается надъ уровнемъ нашего полуграмотнаго вѣка, хотятъ раздѣлить и слопать изголодавшіяся и тощія „дѣти солнца“, выгнанныя изъ гимназіи съ двойкою по поведенію и съ единицею за успѣхи. Пигмеи кольями и дубинами вбиваютъ отдѣльные волоски богатырской шевелюры и хотятъ пригвоздить умную голову къ ихъ вонючему метафизическому болоту!

Но „спорить съ вѣкомъ“ современному публицисту — нельзя. Если надо дѣлить Герцена, такъ надо. Попробую принять участіе въ этомъ дѣлежѣ и я, заранѣе убѣжденный, что и послѣ дѣлежа отъ Герцена останется много такого, что не понадобится ни одной „изъ заинтересованныхъ сторонъ“.

II.

И я не скрою, что я до Герцена жаденъ. Много въ немъ лакомыхъ кусковъ, на которые такъ и разгораются зубы. Но то, что мнѣ особенно любо, не имѣло серьезной цѣнности для обѣихъ тяжущихся сторонъ. Я имѣю въ виду не общія основы міровоззрѣнія Герцена, которыя тоже не дразнятъ аппетита противниковъ, но общіе пріемы мышленія, логическую повадку Герцена, его житейскій тактъ и свѣжесть сознанія при постановкѣ общихъ и общественныхъ вопросовъ. Мнѣ по душѣ могучіе порывы этого Лаокоона, который

такъ гнѣвно и мощно рвалъ змѣиныя звенья всякой модной доктрины и площадной системы. Это первое и самое главное, что мнѣ дорого и цѣнно въ этомъ порывистомъ и страстномъ умѣ, который не терпѣлъ холопскаго рабства въ узахъ идейнаго вздора, задыхался въ схоластической кельѣ, рвался изъ душнаго подполья доктринъ, искалъ простора, раздолья и свѣжаго воздуха. Онъ хотѣлъ и умѣлъ стоять на своихъ ногахъ и думать своею головою, не боялся никакихъ, даже самыхъ крайнихъ выводовъ изъ своихъ посылокъ, не склонялъ своей головы ни передъ властью, ни передъ притязательностью партійной ограниченности, ни передъ кичливымъ самодурствомъ профессіональныхъ революціонеровъ. Онъ хорошо понималъ, что люди наиболѣе популярной партіи и модной идеи — это толпы интеллигентной черни, жалкое панургово стадо, бараны чужой мысли и чужой пастушьей плети. Имъ только кажется, что они „мыслящая Россія“, потому что имъ мыслить совсѣмъ не надо, довольно зазубрить тощій партійный катихизисъ и, величаясь чужимъ quasi-умомъ,—въ своемъ умственномъ обиходѣ, на свой собственный салтыкъ и счетъ оставаться тупицами и невѣждами. Щегольство послѣдними словами науки — вѣрный признакъ, что передъ нами человѣкъ пустой, безъ своей головы, съ разстроеннымъ и сиплымъ грамофономъ вмѣсто мозга. И бѣда странѣ, гдѣ почти вся интеллигенція торжественно шествуетъ „все впередъ и все выше“ въ этомъ дурацкомъ колпакѣ, оглашая страну дикими звуками колокольчиковъ и погремушекъ.

Правда, было время, когда и Герценъ послушно и слѣпо несъ на себѣ вериги школы и авторитета. Сенъ-Симонъ, Гегель, Фейербахъ, Прудонъ и многіе другіе фетиши междуплеменной часовни низко сгибали его умную голову. Но онъ, какъ упрямый быкъ, всегда умѣлъ сбросить позорное иго и угадать ошибки и крайности своихъ учителей. Сбросивъ съ пьедестала своихъ кумировъ, онъ увѣренно шелъ, какъ ему казалось, *впередъ*, хотя сплошь и рядомъ и самъ не зналъ, куда собственно онъ держитъ свой путь.

Но въ этомъ щегольствѣ западными авторитетами былъ и свой лукавый разсчетъ, основанный на глубокомъ знаніи суетной души нашей интеллигенціи.

„Наши друзья,—писалъ онъ въ „Быломъ и думахъ“,—не смотря на заносчивую позу, которую многіе изъ нихъ приняли относительно европейскихъ авторитетовъ, ихъ больше слушаютъ, чѣмъ своего брата. Оттого-то я и старался, когда могъ, ставить свою мысль подъ покровительство европейской нянюшки. Ухватившись за Прудона, я говорилъ, что у дверей Франціи не Катилина, а смерть; держась за полу Стюарта Милля, я твердилъ объ англійскомъ китаизмѣ,—и очень доволенъ, что могу взять за руку Кине и сказать: „вотъ и почтенный другъ мой Кине говоритъ въ 1867 году о латин-

ской Европѣ то, что я говорилъ обо всей въ 1847 и во всѣ послѣдующіе".

Здѣсь Герценъ съ присущими ему мастерствомъ и проницательностью смотритъ на самое дно души русской интеллигенціи. Приспособляясь къ ея психологіи, и теперь каждый газетный строчило, наговоривъ кучу построчнаго вздора, гордо заявляетъ, что это говоритъ не онъ, а наука. Въ этомъ младенчески-наивномъ литературномъ пріемѣ сквозитъ незыблемая увѣренность въ своей глупости, въ своей некомпетентности и неавторитетности. Безграмотный вождь человѣчества, въ вѣрномъ разсчетѣ на еще пущую безграмотность своихъ читателей, „мыслящей Россіи", прячется за блестящимъ и безотвѣтственнымъ анонимомъ научности, сознавая, что лично ему никто не повѣритъ, ибо по всей справедливости ему вѣрить нельзя.

Этотъ здоровый и умный ужасъ Герцена передъ доктринерствомъ, передъ приниженіемъ личной думы и совѣсти ради идолопоклонства передъ авторитетомъ, насиліемъ школы и партіи — такъ обаятеленъ, такъ глубоко захватываетъ наши симпатіи, что мы позволимъ себѣ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на этой свободолюбивой чертѣ герценовской психологіи и иллюстрировать ее примѣрами.

Въ предисловіи къ „Былому и думамъ" онъ съ грустнымъ чувствомъ отмѣчаетъ психологическую отрыжку постоянной отвлеченщины. „Дѣйствительно, человѣку подчасъ пусто, страшливо между безличными всеобщностями, историческами стихіями и образами будущаго, проходящими по ихъ поверхности, какъ облачныя тѣни" (II, 5).

„Ничего въ мірѣ не можетъ быть ограниченнѣе и безчеловѣчнѣе, какъ оптовыя сужденія цѣлыхъ сословій по надписи, по нравственному каталогу, по главному характеру цеха". „Я имѣю отвращеніе къ людямъ, которые не умѣютъ, не хотятъ или не даютъ себѣ труда идти далѣе названія, перешагнуть черезъ преступленіе, черезъ запутанное ложное положеніе, цѣломудренно отварачиваясь или грубо отталкивая. Это дѣлаютъ обыкновенно отвлеченныя, себялюбивыя, сухія, противныя въ чистотѣ натуры, или натуры пошлыя, низшія, которымъ не удалось или не было еще нужды заявить себя оффиціально; онѣ по сочувствію дома на грязномъ днѣ, на которое другіе упали" (II, 151).

Это сказано по частному поводу, по поводу офицера, который при арестѣ пощадилъ польскаго повстанца, — но имѣетъ, конечно, и общее значеніе. Судить вмѣсто живыхъ людей категоріи, рубрики, вѣдомства и классы — дѣло рѣдкаго скудоумія и педантизма. Нынѣ у насъ на отвлеченномъ понятіи о бюрократіи хотятъ выиграть всю революцію. Люди забыты и оставлены въ тѣни, къ учету призвана система. На самомъ же дѣлѣ это явная передержка на почвѣ игры въ понятія, т. е. попытка грѣхъ и вину цѣлаго, т. е. всей интеллигенціи, всѣхъ верхнихъ слоевъ общества, возложить на одну честь интеллигенціи, на бюрократію, какъ будто не всѣ однимъ лыкомъ шиты, однимъ масломъ мазаны, какъ будто бы есть родовыя отличія между бюрократіею и остальною частью общества.

Иногда эти полемическіе и публицистическіе фокусы принимаютъ оттѣнокъ сознательнаго и преднамѣреннаго шулерства. Произвольно отдѣляя несомнѣнныхъ козлищъ отъ весьма сомнительныхъ овецъ, мнимыя овцы тянутъ власть на свою сторону и, поглощенные партійными интересами, стараются замаскировать и трагическую серьезность положенія, и сущность вѣковой неправды, исказившей народную жизнь.

III.

Если изощренная и утонченная метафизика Гегеля, Фейербаха и Прудона не могла отуманить умную голову Герцена, то, конечно, не могла омрачить ее и мистика, съ которою Герценъ встрѣтился въ лицѣ Витберга.

„Вліяніе Витберга поколебало меня. Но реальная натура моя взяла все-таки верхъ. Мнѣ не суждено было подниматься на третье небо, я родился совершенно земнымъ человѣкомъ. Отъ моихъ рукъ не вертятся столы и отъ моего взгляда не качаются кольца. Дневной свѣтъ солнца мнѣ роднѣе луннаго освѣщенія фантазіи" (II, 211).

„Отъ нихъ много надѣялись,—говоритъ Герценъ про кружокъ Блудова,—они ничего не сдѣлали, какъ вообще доктринеры всѣхъ странъ".

„Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мыслитель Станкевичъ, естественно, долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе, его артистическій идеализмъ ему шелъ; это былъ побѣдный „вѣнокъ", выступавшій на его блѣдномъ предсмертномъ челѣ юноши. Другіе были слишкомъ здоровы, чтобы надолго остаться въ спекулятивномъ мышленіи безъ перехода въ жизнь. Исключительно умозрительное направленіе совершенно противуположно русскому характеру и мы скоро увидимъ, какъ *русскій духъ* переработалъ Гегелево ученіе и какъ *наша* натура, не смотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ верхъ. Но съ начала 1840 года не было еще въ мысли у молодежи, окружавшей Огарева, бунтовать противъ текста за духъ, противъ отвлеченій за жизнь".

Великолѣпныя слова, особенно для нашего времени, когда текстъ

„Коммунистическаго манифеста“ Маркса бунтуетъ противъ духа и здраваго смысла, когда нигилистическія отвлеченія возстали на жизнь, когда философскіе монахи-мечтатели готовы истребить все ради торжества своей пыльной рутины.

„Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманье; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете, въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все, *въ самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, аллегорической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ. И если ему по дорогѣ попадался какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывающаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ или къ „трагическому въ сердцѣ“.

Превосходную пародію на эту дико-метафизическую декламацію Герценъ даетъ въ разсказѣ о Базилѣ, Боткинѣ, съ его удивительно нелѣпымъ романомъ. Это было еще въ началѣ острой влюбленности Базиля въ Армансъ.

„На жизнь онъ смотрѣлъ такъ, какъ Ретшеръ у Шекспира, возводя все въ жизни къ философскому значенію, дѣлая скучнымъ все живое, пережеваннымъ все свѣжее, — словомъ, не оставляя въ своей непосредственности ни одного движенія души. Взглядъ этотъ, впрочемъ, въ разныхъ степеняхъ принадлежалъ тогда почти всему кружку, иные срывались талантомъ, другіе живостью, но у всѣхъ еще долго оставался,—у кого жаргонъ, у кого и самое дѣло“.

„Итакъ, влюбленный и сорокалѣтній философъ, щуря глазки, сталъ сводить всѣ спекулятивные вопросы на „демоническую силу любви“, равно влекущую и Геркулеса и слабаго отрока къ ногамъ Омфалы, началъ уяснять себѣ и другимъ нравственную идею семьи, почву брака (Гегелевой философіи права отдѣлъ: Sittlichkeit). Препятствій не было со стороны Гегеля. Но призрачный міръ случайности и кажущагося,—міръ духа, не освободившагося отъ преданій, не былъ такъ сговорчивъ. У Базиля былъ отецъ Петръ Konычъ, богачъ, который самъ былъ женатъ послѣдовательно на трехъ, и отъ каждой имѣлъ человѣка по три дѣтей. Узнавъ, что его сынъ, и притомъ старшій, хотѣлъ жениться на нищей, на католичкѣ, на француженкѣ, да еще съ Кузнецкаго моста, онъ рѣшительно отказалъ въ своемъ благословеніи. Безъ родительскаго благословенія, можетъ, Базиль, принявшій шикъ и манеры скептицизма, какъ-нибудь и обошелся бы, но старикъ связывалъ съ благословеніемъ не только послѣдствіе jenseits (на томъ свѣтѣ), но и disseits (на этомъ свѣтѣ), а именно наслѣдство“.

Такими олухами царя небеснаго и теперь хоть прудъ пруди. Не находится только трезваго, прямого и талантливаго Герцена, чтобы дюжинами штемпелевать живые, но причудливо-безобразные типы, являющіеся въ жизни подъ постояннымъ воздѣйствіемъ такъ называемой „идейной беллетристики“, которая стремится всѣ формы и отношенія жизни идеализировать шиворотъ-на-выворотъ.

Если присмотрѣться къ нашей беллетристикѣ и публицистикѣ, отбросивъ засаленные покровы безумной идейности, можно прійти къ мысли, что текущіе вожди человѣчества ничего, кромѣ порнографіи, непосредственно и личнымъ опытомъ не знаютъ и сильны только по части прихотливой и похотливой клубнички въ формулахъ эмансипаціи женщины, по образу аѳинской гетеры или просто всенародной блудницы.

„Къ счастью,—говоритъ Герценъ, — схоластика такъ же мало свойственна мнѣ, какъ и мистицизмъ. Я до того натянулъ ея лукъ, что тетива порвалась и повязка упала“.

IV.

Герценъ безусловно правъ: онъ былъ совершенно земнымъ человѣкомъ и умѣлъ очень тонко понимать людей, которымъ казалось, что они уже вознеслись на третье небо. Онъ хорошо зналъ, что кромѣ схоластики на словахъ и на бумагѣ, есть и дѣловая схоластика.

„Самые серьезные люди ужасно легко увлекаются формализмомъ и увѣряютъ себя, что они дѣлаютъ *что-нибудь*, имѣя періодическія собранія, кипы бумагъ, совѣщанія, подавая голоса, принимая рѣшенія, печатая прокламаціи, profession de foi и проч. Революціонная бюрократія точно такъ же распускаетъ дѣла въ слова и формы, какъ наша канцелярская“.

Теперь и русскій опытъ даетъ подтвержденіе злому и умному замѣчанію Герцена. Можно было подумать, что русскіе бюрократы отъ либерализма что-то дѣлаютъ, а въ результатѣ—ничего не получилось. Къ нимъ вполнѣ примѣнимы слова отца Герцена о М. Ѳ. Орловѣ, который, покупая у него имѣніе, сообщилъ ему, что лѣса, указаннаго въ продажной записи, нѣтъ.

„Вѣдь вотъ,—умный человѣкъ,—и въ конспираціи былъ, книгу писалъ des finances, а какъ до дѣла дошло, видно, что пустой человѣкъ“.

Да, въ конспираціи былъ, значитъ, и книгу des finances писалъ...

Это дѣловое бездѣлье представляетъ удивительный и по здравому смыслу, мало вѣроятный примѣръ, того что призрачный міръ, люди мечтательныхъ фикцій и причудливыхъ утопій, вступаетъ въ борьбу съ міромъ реальнымъ, съ людьми труда, простой совѣсти, простой и серьезной мысли,—и временно даже одерживаетъ верхъ. Эти сцены изъ Вальпургіевой ночи говорятъ объ идейномъ и принципіальномъ паразитизмѣ людей убѣжденно-праздныхъ и неспособныхъ ни къ какому серьезному труду.

„Революція (во Франціи) развила свой пуританизмъ, узкій, лишенный всякой терпимости, свои обязательные обороты, а патріоты отвергаютъ написанное не по формѣ, точно такъ, какъ русскіе судьи“. „Люди вѣры—они ненавидятъ анализъ и сомнѣніе, люди заговоровъ—они все дѣлаютъ сообща и изъ всего дѣлаютъ интересъ партіи. Независимый умъ имъ ненавистенъ, какъ мятежникъ; они даже въ прошедшемъ не любятъ самобытныхъ мыслей“.

Это во Франціи. А тамъ былъ свой опытъ, своя революція и тамъ всегда старались опредѣлить, для чего именно нужна революція, какіе реальные интересы и какого класса общества замѣшаны въ дѣлѣ. Мертвая формалистика русской революціи, основанная на самомъ грубомъ историческомъ плагіатѣ, пытавшаяся слово въ слово, буква въ букву повторить обрядность и церемоніалы великой французской революціи, по уши погрязла въ бумажной нетерпимости и революціонномъ старообрядчествѣ.

То же было когда-то и въ Германіи.

„Революція 1848 года,—говоритъ Герценъ,—имѣла вездѣ характеръ опрометчивости, невыдержки, но не имѣла ни во Франціи, ни въ Италіи почти ничего смѣшного. Въ Германіи, кромѣ Вѣны, она была исполнена комизма, несравненно больше юмористическаго, чѣмъ комизмъ прегадкой гетевской комедіи „Der Bürgergeneral“.

„Не было города, „пятна“ въ Германіи, въ которомъ при возстаніи не являлась бы попытка „Комитета общественнаго спасенія“, со всѣми главными дѣятелями, съ холоднымъ юношей *Сенъ-Жюстомъ*, съ мрачными террористами и военнымъ геніемъ, представлявшимъ Карно. Двухъ-трехъ Робеспьеровъ я лично зналъ. Они надѣвали всегда чистую рубашку, мыли руки и чистили ногти; за то были и растрепанные Коло д'Эрбуа. А если въ клубѣ находился человѣкъ, любившій еще больше пиво, чѣмъ другіе, и волочившійся еще открытѣе за штубенмедхенами,—это былъ Дантонъ, eine schwelgende Natur!“

Комическіе типы русской революціи пока еще подъ спудомъ: большая часть прессы считаетъ нужнымъ замалчивать черты революціоннаго легкомыслія и напускной опытности. Но и теперь уже дается то впечатлѣніе, что, дѣлая революцію, русскіе педанты хотѣли доказать свою начитанность, доказать, что ходъ европейскихъ революцій они умѣютъ разсказать наизусть, даже безъ научно-популярной книжки подъ руками. И это, конечно, ложь. Такой начитанности въ обществѣ нѣтъ. Оно все дѣлаетъ по популярной книжкѣ или журнальной статьѣ, вѣря всякому слову, которое оправдываетъ протестъ и забастовку на почвѣ праздности, лѣни и паразитизма.

„Повторяя á la Saint-Just натянутыя сентенціи изъ христоматіи и латинскихъ классовъ, восхищаясь холоднымъ риторическимъ краснорѣчіемъ Робеспьера, они („нынѣшніе французы республиканцы“) не допускаютъ, чтобы ихъ героевъ судили, какъ прочихъ смертныхъ. Человѣкъ, который бы сталъ говорить объ нихъ. освобождаясь отъ обязательныхъ титуловъ, былъ бы обвиненъ въ ренегатствѣ, въ измѣнѣ, въ шпіонствѣ“.

Какъ сохранился и сохраняется революціонная рутина! И какъ много комичнаго въ педантическомъ сохраненіи этой рутины, когда она лишена всякой жизненности и всякаго содержанія! Всѣ заботы направлены на строгое исполненіе ратуала революціонной процессіи, который не потерпитъ никакихъ новшествъ, никакого никоніанства и грозитъ новымъ расколомъ изъ-за нарушенія буквы. Это самый дикій и темный видъ убѣжденнаго старообрядчества.

„Хроническое *недоуміе* въ томъ именно и состоитъ, что люди, подъ вліяніемъ историческаго преломленія лучей и разныхъ преемственныхъ параллаксовъ, всего меньше понимаютъ *простое*, а готовы вѣрить и еще больше *вѣрить, что понимаютъ* вещи очень сложныя и совершенно непонятныя, но традиціонныя, привычныя и соотвѣтствующія дѣтской фантазіи“.

Еще бы. Съ нелегкой руки Надсона у насъ всѣ гимназисты алчутъ „нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ, нечеловѣчески-великаго страданья“.

V.

Вотъ особенность Герцена, которая постоянно поддерживаетъ вниманіе къ его живому, яркому и содержательному слову. Ненависть къ общественно-коллективному плагіату, къ стадной монотонности, къ партійному безличію, къ подстриженной солидарности, къ поголовному мракобѣсію, какъ свѣжій воздухъ, врывается въ

смрадную духоту схоластическаго подполья съ его плѣсенью и пауками.

Но этого мало. Живыя и простыя чары Герцена еще выше, еще неотразимѣе.

На всемъ протяженіи семи томовъ я не нашелъ ни одного слова объ общественной эволюціи, особенно о стихійной эволюціи. Найдете-ли вы за послѣдніе два-три десятка лѣтъ хоть одну научно-популярную книгу, которая на три четверти не была бы набита этимъ идейнымъ мусоромъ? Сколько остолбенѣлаго тупоумія, теоретическаго фарисейства и явной нелѣпости—однимъ ударомъ отбрасывается въ сторону, разъ откинута эта точка зрѣнія, убаюкавшая на вѣчную дремоту мысль и совѣсть цѣлаго поколѣнія! Художники-беллетристы могли обходиться и безъ этой дурацкой побрякушки. Но опекуны „мыслящей Россіи", т. е. публицисты, передовики и фельетонисты безъ нея не могли сдѣлать ни шагу. Эта глупая и базарная пѣсенка погружала „передовые умы" въ летаргическій сонъ, отъ котораго они никогда уже не могли проснуться. Они дебоширили, лѣзли на стѣну и бастовали, потому что все за нихъ дѣлала стихійная эволюція, мѣшать которой своимъ одинокимъ и безсильнымъ умомъ было бы не только безполезно, но и преступно.

Герценъ не говоритъ объ общественной стихійной эволюціи... Это много, очень много, много даже и для Герцена... Но что сказать о томъ, совершенно невѣроятномъ фактѣ, что Герценъ не говоритъ и о прогрессѣ, а если и говоритъ, то лишь для того, чтобы показать, какъ идіотски строится это понятіе въ окоченѣвшемъ передовомъ мозгу? Вѣдь можно подумать, что Герценъ житель не нашей планеты, что онъ не былъ въ Россіи, что онъ не причисленъ къ современной научности, что онъ ретроградъ и человѣконенавистникъ. Повѣритъ-ли „мыслящая Россія", что такіе люди бываютъ и что это возможно въ предѣлахъ нашей земной природы?

И между тѣмъ это несомнѣнный фактъ. Надо вернуться къ Герцену и Хомякову, чтобы увидѣть такія чудеса. Человѣкъ, не вѣрующій въ прогрессъ, уже это звѣрь, чудо костромскихъ лѣсовъ, какое-то ископаемое. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю это „человѣконенавистничество" Герцена, хотя самъ по этой дорогѣ за нимъ далеко не пойду.

Это—„Съ того берега". Чтобы въ тонкостяхъ и деталяхъ понять мысль Герцена о прогрессѣ, надо перечитать всю небольшую первую статью „Передъ грозой". Отмѣтимъ крайнія точки этого замѣчательнаго обмѣна мыслей.

Разговариваютъ два Герцена,—Герценъ до революціи и Герценъ послѣ революціи, Герценъ-оптимистъ и Герценъ-пессимистъ.

„Вы совершенно правы, — говоритъ оптимистъ, — относительно природы, но мнѣ кажется, что вы забыли, что черезъ всѣ измѣненія и спутанности исторіи прошла красная нитка, связующая ее въ одно цѣлое. Эта нитка—прогрессъ. Или можетъ быть, вы не принимаете и прогрессъ?

— Прогрессъ—неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось. Это дѣятельная память и физіологическое усовершеніе людей общественной жизнью.

— Неужели вы тутъ не видите цѣли!

— Совсѣмъ напротивъ, я тутъ вижу послѣдствіе. Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель, которые ему кричатъ: morituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда-нибудь другіе будутъ танцовать... или на то, чтобы быть несчастными работниками, которые, по колѣно въ грязи, тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и смиренной надписью „*прогрессъ* въ будущемъ" на флагѣ? Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе съ свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги, какъ вы сами сказали, остается столько-же, какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было насторожить людей; цѣль безконечно далекая—не цѣль, а, если хотите, уловка; цѣль должна быть ближе, по крайней мѣрѣ, заработная плата, или наслажденіе въ трудѣ".

...„Цѣль для каждаго поколѣнія—оно само. Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но оно вовсе о будущемъ не заботится; она готова, какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ; у нея сердце баядеры и вакханки.

— И, бѣдная, не можетъ осуществить своего призванія!.. Вакханка на діетѣ, баядера въ траурѣ!.. Въ наше время она, право, больше похожа на кающуюся Магдалину..."

...„Мы столько толкуемъ о волѣ, такъ гордимся ею и въ тоже время досадуемъ за то, что насъ никто не ведетъ за руку, что оступаемся и несемъ послѣдствія своихъ дѣлъ."

...„Животный организмъ мало-по-малу развиваетъ въ себѣ инстинктъ, въ человѣкѣ развитіе идетъ далѣе... Вырабатывается разумъ и вырабатывается трудно, медленно,—его нѣтъ ни въ природѣ, ни внѣ природы, его надобно достигать, съ нимъ улаживать жизнь, какъ придется, потому что libretto нѣтъ. А будь либретто, исторія потеряетъ весь интересъ, сдѣлается ненужна, скучна, смѣшна; горесть Тацита и восторгъ Колумба превратятся въ шалость, въ

гаерство; великіе люди сойдутъ на одну доску съ театральными героями, которые, худо-ли хорошо-ли, играютъ, непремѣнно идутъ и дойдутъ къ извѣстной развязкѣ. Въ исторіи все импровизація, все воля, все ex tempore, впередъ ни предѣловъ, ни маршрутовъ нѣтъ; есть условія, святое безпокойство, огонь жизни и вѣчный вызовъ борцамъ пробовать силы, идти вдаль, куда хотятъ, куда только есть дорога,—а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ее сперва проложитъ геній".

Ну, не фармазонъ-ли этотъ Герценъ? Развѣ можно такія вещи говорить вслухъ, тѣмъ больше предавать тисненію? А грѣхомъ г. Милюковъ услышитъ? Вѣдь онъ на прогрессѣ и стихійной общественной эволюціи не одну собаку съѣлъ и на нихъ свои картонные „Очерки по исторіи русской культуры" построилъ? А профессора Карѣевы, Трачевскіе и иные, ихъ-же имена ты, Господи, вѣси? Развѣ это не скандалъ въ благородномъ семействѣ западниковъ? И что онъ за торопыга: ему вынь, да положь. Вѣдь другіе же сидятъ у моря и ждутъ погоды.

Правда, эти историки не знаютъ ни прошедшаго, ни настоящаго. Но они до послѣдней подробности знаютъ будущее и это знаніе идетъ до послѣдняго момента „скончанія вѣковъ", такъ что они имѣютъ всѣ права непогрѣшимаго судьи, непогрѣшимаго законодателя для нашего времени. А такъ какъ ученіе будущаго не есть знаніе, а только шуллерство и шантажъ, то собственно непосредственно они ничего не знаютъ и мирно играютъ на пастушеской свирѣли, славя неописуемую красоту небывалаго и невозможнаго золотого вѣка.

Но оговоримся. Мы отнюдь не принимаемъ аргументаціи Герцена. Мы знаемъ, что она уведетъ слишкомъ далеко. Намъ цѣнны, главнымъ образомъ, его *пріемы* мышленія и эти пріемы при близкомъ раздѣлѣ Герцена по враждебнымъ партіямъ, очень поучительны.

VI.

...„Европейскій Сизифъ"... „вывѣтривался бы вѣка цѣлые, принимая всякую перемѣну за совершенствованіе и всякую перестановку за развитіе".

Есть рѣдкія и самыя скорбныя эпохи,—„эпохи, въ которыя общественныя формы, пережившія себя, медленно и тяжело гибнутъ; исключительная цивилизація достигаетъ не только высшаго предѣла, но даже выходитъ изъ круга возможностей, данныхъ историческимъ бытомъ, такъ что, повидимому, она принадлежитъ будущему, а въ сущности равно отрѣшена отъ прошедшаго, которое она презираетъ, и отъ будущаго, развивающагося по инымъ законамъ".

Вѣра въ прогрессъ, вѣра въ то, что каждое „сегодня" безконечно лучше каждаго „вчера", только потому, что это сегодня,—свидѣтельство младенческаго оптимизма, ребяческаго самомнѣнія и самодовольства, ничѣмъ не оправданнаго и ни на чемъ не основаннаго. Это лукавая попытка дикою теоріею прикрыть свою ничтожность и неспособность. Мы лучше и выше всѣхъ другихъ поколѣній только потому, что хронологически они позади насъ. При такой дикой постановкѣ всякая мерзость, всякое безобразіе текущаго дня пріобрѣтаетъ характеръ нормы, даже идеала.

Герценъ говоритъ о „монополіи исключительнаго развитія, о мнимомъ превосходствѣ сытыхъ кастъ, кастъ досужихъ, имѣвшихъ время работать не однѣми мышцами".

„Насъ сердитъ, выводитъ изъ себя нелѣпость, несправедливость этого факта. Какъ будто кто-нибудь (кромѣ насъ самихъ) обѣщалъ, что все въ мірѣ будетъ изящно, справедливо и идти какъ по маслу. Довольно удивлялись мы отвлеченной мудрости природы и историческаго развитія; пора догадаться, что въ природѣ и исторіи много случайнаго, глупаго, неудавшагося, спутаннаго. Разумъ, мысль на концѣ—это заключеніе: все начинается тупостью новорожденнаго; возможность и стремленіе лежатъ въ немъ, но прежде чѣмъ онъ дойдетъ до развитія и сознанія, онъ подвергается ряду внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, отклоненій, остановокъ. У одного вода размягчитъ мозгъ; другой, падая, сплюснетъ его; оба останутся идіотами; третій не упадетъ, не умретъ скарлатиной,—и сдѣлается поэтомъ, военноначальникомъ, бандитомъ, судьей. Мы вообще въ природѣ, въ исторіи и въ жизни всего больше знаемъ удачи и успѣхи; мы теперь только начинаемъ чувствовать, что не такъ хорошо подтасовано, какъ казалось, потому что мы сами неудача, *проигранная карта.*

„Сознаніе безсилія идеи, отсутствія обязательной силы истины надъ дѣйствительнымъ міромъ огорчаетъ насъ. Новаго рода манихеизмъ овладѣваетъ нами; мы готовы par dépit, вѣрить въ разумное (т. е. намѣренное) зло, какъ вѣрили въ разумное добро; это послѣдняя дань, которую мы платимъ идеализму".

Въ основѣ понятія о прогрессѣ лежитъ та причудливая мысль, что природа и исторія (даже темный и невѣжественный народъ) умны нашимъ умомъ, умомъ людей, вѣрующихъ въ прогрессъ, каждый, конечно, по своему. Но природа и исторія безконечно умнѣе насъ, знающихъ и то и другое только въ отрывкахъ и крайне поверхностно, если, конечно, въ томъ и другомъ случаѣ возможно вообще самое примѣненіе категоріи ума и глупости. Нельзя-же ставить дѣло такъ, что, если мы умны, то природа и исторія глупы и наоборотъ. Мы еще не знаемъ ни всей природы, ни всей исторіи и

поэтому говорить съ увѣренностью о прогрессѣ пока что рановато. Люди говорятъ о прогрессѣ, чтобы показаться умнѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Побужденіе суетное и поэтому неотразимое для суетной массы.

Современный прогрессъ не столько щеголяетъ настоящимъ, сколько будущимъ, и въ дикомъ убѣжденіи, что будущее уже извѣстно и несомнѣнно, стремится вырвать съ корнемъ не только прошедшее, но и настоящее, такъ сказать, рубитъ себя по ногамъ топоромъ, въ тайномъ сознаніи, что настоящее, какъ и текущіе люди, никуда не годятся.

„То, чего мы не знаемъ,—прямо и вѣрно замѣчаетъ Герценъ,—мы не имѣемъ права вводить въ нашъ разсчетъ; но, принимая во вниманіе всѣ лучшіе шансы, мы все же не предвидимъ, чтобы люди скоро почувствовали потребность *здраваго смысла*. Развитіе мозга требуетъ своего времени. Въ природѣ нѣтъ торопливости; она могла тысячи и тысячи лѣтъ лежать въ каменномъ обморокѣ и другія тысячи чирикать птицами, рыскать звѣрями по лѣсу или плавать рыбкой по морю“.

Несомнѣнно, что понятіе о прогрессѣ, основанное на мнимомъ знаніи того, чего мы на самомъ дѣлѣ не знаемъ, на всемъ своемъ протяженіи несовмѣстимо, какъ и всѣ другія понятіи русской интеллигенціи, съ потребностью здраваго смысла. Люди, которые около полувѣка пребываютъ въ каменномъ столбнякѣ нигилизма и путанной метафизики, самоотверженно признаваясь въ своемъ ничтожествѣ, негодности и безсиліи, сулятъ грядущимъ поколѣніямъ полную сытость, блаженство и магометовъ рай и ради платонической любви не къ близкому, а къ далекому, портятъ и гадятъ настоящее, считая его обреченнымъ на гибель. Упорная непрерываемая и пламенная борьба нашей идейной интеллигенціи съ здравымъ смысломъ и довела русское общество до его настоящаго паденія, когда разумности и сознательности такъ же мало, какъ мало приличія, корректности, совѣсти и честности. Но и на днѣ нравственнаго и умственнаго паденія ничтожные люди нашего поколѣнія думаютъ, что они служатъ прогрессу и, какъ всѣ „доктринеры,—по счастливомому выраженію Герцена,—какъ большіе господа, распоряжаются хозяйствомъ исторіи en gros, гуртомъ“.

VII.

Стоитъ только отойти отъ этого опошляющаго и отупляющаго понятія о прогрессѣ, какимъ оно стало въ наши дни, чтобы на новыхъ началахъ опредѣлить цѣну и объемъ каждаго человѣческаго достоинства, чтобы воздать каждому по дѣламъ его. А то человѣкъ дрянь дрянью, а порицать его нельзя, потому что онъ—чѣмъ чортъ не шутитъ—можетъ быть по своему служитъ таинственнымъ цѣлямъ прогресса и мистической эволюціи. Тамъ, гдѣ торжествуетъ этотъ идіотскій прогрессъ, нравственныя и логическія мѣрки теряютъ все свое значеніе и люди, какъ стадо скотовъ, превращаются въ безсознательныя и безотвѣтственныя машины, въ орудія невѣдомаго фетиша.

Человѣкъ плохъ до невозможности. Но, можетъ быть, его среда заѣла. Онъ золъ, жаденъ, жестокъ. Но вѣдь только эгоизмъ, какъ рычагъ классовой борьбы, и ведетъ къ прогрессу. При такой переоцѣнкѣ цѣнностей мерзавецъ является передовымъ умомъ, а честный человѣкъ жалкимъ пережиткомъ неудавшагося христіанства.

Безъ этого безсмысленнаго понятія, безъ этого дубоваго обруча на передовомъ мозгу, дѣла исторіи и судьбы человѣчества представляются гораздо проще и естественнѣе.

„Наше историческое призваніе,—говоритъ Герценъ,—наше дѣяніе въ томъ и состоитъ, что мы нашимъ разочарованіемъ, нашимъ страданіемъ доходимъ до смиренія и покорности передъ истиной и избавляемъ отъ этихъ скорбей слѣдующія поколѣнія. Наше человѣчество протрезвляется, мы его спохмелье, мы его боли родовъ. Если роды кончатся хорошо, все пойдетъ на пользу; но мы не должны забывать, что по дорогѣ можетъ умереть ребенокъ или мать, а можетъ и оба, и тогда,—ну, тогда исторія съ своимъ мормонизмомъ начнетъ новую беременность... E sempre bene, господа!“

Герценъ подходитъ къ самому краю бездны. Мятежный титанъ грозитъ Олимпу и заклинаніями поднимаетъ безформенный хаосъ. Здѣсь мы за нимъ не пойдемъ. Мы не за хаосъ, а за стройный космосъ съ свѣтлымъ Олимпомъ на верху. Но въ рѣчахъ неукротимаго мятежника много правды и правды творческой и крѣпкой.

„Ни природа, ни исторія,—говоритъ Герценъ,—*никуда не идутъ* и потому готовы идти *всюду*, куда имъ укажутъ, *если это возможно*, т.-е. если ничего не мѣшаетъ. Онѣ слагаются au fur et à mesure, бездной другъ на друга дѣйствующихъ, другъ съ другомъ встрѣчающихся, другъ друга останавливающихъ и увлекающихъ частностей; но человѣкъ вовсе не теряется отъ этого, какъ песчинка въ горѣ, не больше подчиняется стихіямъ, не круче связывается необходимостью, а выростаетъ тѣмъ, что понялъ свое положеніе, въ рулеваго, который гордо разсѣкаетъ волны своей лодкой, заставляя бездонную пропасть служить себѣ путемъ сообщенія.

„Не имѣя ни программы, ни заданной темы, ни неминуемой развязки, растрепанная импровизація исторіи готова идти съ каждымъ, каждый можетъ вставить въ нее свой стихъ и, если онъ звученъ, онъ останется *его* стихомъ, пока поэма не оборвется, пока прошедшее будетъ бродить въ ея крови и памяти. Возможностей,

эпизодовъ, открытій въ ней и въ природѣ дремлетъ бездна на всякомъ шагу. Стоитъ тронуть наукой скалу, чтобы изъ нея текла вода... Да что вода? Подумайте о томъ, что сдѣлалъ сгнетенный паръ, что дѣлаетъ электричество, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, а не Юпитеръ, взялъ ихъ въ руки. Человѣческое участіе велико и полно поэзіи. Это своего рода творчество; стихіямъ, веществу все равно; они могутъ дремать тысячелѣтія и вовсе не просыпаться; но человѣкъ шлетъ ихъ на свою работу и они идутъ. Солнце давно ходитъ по небу; вдругъ человѣкъ перехватилъ его лучъ, задержалъ его слѣдъ—и солнце стало ему дѣлать портреты.

„Природа никогда не борется съ человѣкомъ; это пошлый поклепъ на нее. Она не настолько умна, чтобы бороться; ей все равно. По той мѣрѣ, по которой человѣкъ ее знаетъ, по той мѣрѣ онъ можетъ ею управлять,—сказалъ Бэконъ и былъ совершенно правъ. Природа не можетъ перечить человѣку, если человѣкъ не перечитъ ея законамъ; она, продолжая свое дѣло, безсознательно будетъ дѣлать его дѣло. Люди это знаютъ и на этомъ основаніи владѣютъ морями и сушами. Но передъ объективностью историческаго міра человѣкъ не имѣетъ того же уваженія; тутъ онъ дома и не стѣсняется, съ исторіей ему легче уноситься потокомъ событій или врываться въ него съ ножемъ и крикомъ: „общее благосостояніе или смерть!"— чѣмъ вглядываться въ приливы и отливы волнъ, его несущихъ, изучать ритмъ его колебаній и тѣмъ самымъ открыть себѣ безконечные фарватеры.

„Конечно, положеніе человѣка въ исторіи сложнѣе: тутъ онъ разомъ *лодка, волна* и *кормчій*. Хоть бы карта была!

„А будь карта у Колумба, не онъ бы открылъ Америку.

„Отчего?

„Оттого, что она должна была быть открыта... чтобы попасть на карту. Только отнимая у исторіи всякій предназначенный путь, человѣкъ и исторія дѣлаются чѣмъ-то серьезнымъ, дѣйствительнымъ и исполненнымъ глубокаго интереса. Если событія подтасованы, если вся исторія—развитіе какого-то доисторическаго *заговора*, и она сводится на одно выполненіе, на одну mise en scène, возьмемте, по крайней мѣрѣ, и мы деревянные мечи и щиты изъ латуни. Неужели намъ лить настоящую кровь и настоящія слезы для представленія провиденціальной шарады? Съ предопредѣленнымъ планомъ исторія сводится на вставку чиселъ въ алгебраическую формулу, будущее отдано въ кабалу до рожденія".

„Не проще ли понять,—говоритъ Герценъ немного ниже,—что человѣкъ живетъ не для *совершенія судебъ*, не для воплощенія идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился и родился (какъ ни дурно это слово) для настоящаго, что вовсе не мѣшаетъ ему ни получать наслѣдство отъ прошедшаго, ни оставлять кое-что

по завѣщанію. Это кажется идеалистамъ унизительно и грубо; они никакъ не хотятъ обратить вниманія на то, что все великое значеніе наше при нашей ничтожности, при едва уловимомъ мельканіи личной жизни, въ томъ-то и состоитъ, что пока мы живы, пока не развязался на стихіи задержанный нами узелъ, *мы все таки сами*, а не куклы, назначенныя выстрадать или воплотить какую-то бездомную идею. Гордиться должны мы тѣмъ, что мы не нитки, и не иголки въ рукахъ фатума, шьющаго пеструю ткань исторіи. Мы знаемъ, что ткань эта не безъ насъ шьется, но это не цѣль наша, не назначенье, не заданный урокъ, а послѣдствіе той сложной круговой поруки, которая связываетъ все сущее концами и началами, причинами и дѣйствіями.

„И это не все; *мы можемъ перемѣнить узоръ ковра*. Хозяина нѣтъ, рисунка нѣтъ, одна основа, да мы одни одинехоньки. Прежніе ткачи судьбы, всѣ эти Вулканы и Нептуны, приказали долго жить. Душеприказчики скрываютъ отъ насъ ихъ завѣщаніе, а покойники намъ завѣщали свою власть".

VIII.

Неукротимое дитя хаоса, дѣйствительно, не знаетъ ни страха, ни сомнѣній. Это титанъ, который хочетъ низложить одного изъ олимпійскихъ боговъ и сѣсть на его мѣсто. Но дерзость титана ничтожна въ сравненіи съ дерзостью его противниковъ. Рядомъ съ нимъ есть престолы и для другихъ боговъ, а его противники претендуютъ на всевѣдѣніе и всемогущество единаго абсолютнаго бога и г. Милюковъ, напримѣръ, въ этой роли изъ Петербурга декретируетъ одинаковые законы общественнаго развитія для всѣхъ племенъ и народовъ, для всякаго мѣста и времени.

Для Милюковыхъ герценовскаго и нашего времени — ни въ исторіи, ни въ соціологіи никакихъ загадокъ нѣтъ. Они первыми и до конца поняли механизмъ общественныхъ отношеній и составили шпаргалы, по которымъ черезъ рядъ вѣковъ будутъ отвѣчать плохо подготовившіеся къ экзамену ученики будущихъ поколѣній. Они, при помощи магическихъ чаръ эволюціи, держатъ въ своихъ рукахъ всѣ нити наличнаго человѣчества и грядущихъ судебъ міра и, какъ въ кукольномъ театрѣ, веревочками приводятъ въ движеніе ряды маріонетокъ. Для нихъ исторія уже разсказана до конца и они съ убійственно-скучнымъ педантизмомъ ждутъ методическаго воплощенія въ жизни ихъ рахитическаго и тщедушнаго идеала.

Для нихъ въ будущемъ нѣтъ ни чудесъ, ни неожиданностей. Творческія силы человѣка исчерпаны до дна, его психическая струк-

тура, одинаковая во всѣ времена и на всякомъ мѣстѣ, изучена до мелочей. Сущность и рычагъ человѣческой психологіи — эгоизмъ, т. е. человѣкъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ животныхъ. И это метафизическій и отвлеченный эгоизмъ. Въ жизни животныхъ замѣтны слѣды общественности и взаимопомощи. А человѣкъ долженъ быть эгоистомъ въ самомъ строгомъ и нигилистическомъ смыслѣ этого слова. Страшно подумать, сколько живыхъ и свѣжихъ головъ погубила эта рыночная шарманка, которая, льстя самымъ низкимъ инстинктамъ толпы, держала „мыслящую Россію" въ узахъ какого-то тройного татарскаго ига!

Все мертво, все рабски безвольно. Отъ юлы общественной эволюціи никуда не увернешься. Она закрутила остолбенѣлаго барана и съ головокружительною быстротою мчитъ его то сюда, то туда — по первому капризу безграмотнаго властителя періодическихъ думъ.

Герценъ, конечно, язычникъ до мозга костей. Такъ-же когда-то выходилъ изъ хаоса и Овидій. Герои, имена которыхъ никогда не забудетъ исторія, не знали ни условій физической возможности, ни размѣра своихъ силъ. Фаэтонъ падалъ съ отцовской колесницы въ воды Эридана. Икаръ на восковыхъ крыльяхъ не долетѣлъ до солнца, какъ ему хотѣлось. Дедалъ съ геніальнымъ, съ исключительнымъ остроуміемъ очерчивалъ предѣлы земной возможности и земнаго дерзновенія. Но Икаръ не послушалъ своего мудраго отца. Фаэтонъ не послушался своего божественнаго морганатическаго родителя. Герценъ, конечно, не послушался бы всего сонма боговъ на обширномъ Олимпѣ, если бы они стали говорить ему о предѣльности человѣческой силы, мысли, возможности, воли.

Тутъ есть, конечно, крайность. Но все же онъ ближе къ правдѣ, чѣмъ эти идейные палачи и инквизиторы, которые отрицаютъ у человѣка самую возможности воли, личности, почина и стойкости. Ничтожный человѣкъ только въ массѣ начинаетъ пріобрѣтать какое-нибудь значеніе. Только массовыя движенія имѣютъ общественный смыслъ. Личность человѣка приближается къ такому абсолютному ничтожеству, что для уваженія къ себѣ, къ своеобразному складу своей логики и психологіи, къ необщимъ чертамъ своей самобытности—совершенно не остается мѣста.

Мимоходомъ сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Герценъ упустилъ изъ виду, что понятіе о прогрессѣ родилось и сложилось на западѣ, что оно носитъ на себѣ характерныя черты германо-романскаго происхожденія. Въ ней вылилось сознаніе неукротимой стремительности и насильственности, неугомонной дѣятельности и беззастѣнчивости этой группы народовъ. Ихъ характеръ такъ крѣпокъ, такъ стоекъ, такъ неизмѣненъ, что они видятъ въ немъ не свою расовую особенность, а общечеловѣческое свойство, преимущество всѣхъ смѣлыхъ и сильныхъ, всѣхъ умныхъ и разсчетливыхъ. Наши отцы дѣлали хорошо, мы будемъ дѣлать лучше ихъ, а наши сыновья и внуки превзойдутъ и насъ. Всѣ они во всѣхъ поколѣніяхъ дѣлаютъ одно и тоже дѣло, измѣняя только средства для достиженія той-же цѣли, т. е. пріобрѣтенія власти и господства. Германо-романскій міръ вѣритъ въ прогрессъ, т. е. вѣритъ въ себя, въ обильные запасы своей силы, своей стойкости и настойчивости, вѣритъ въ то, что въ длинной смѣнѣ поколѣній цѣли общественной дѣятельности не измѣнятся, что силы для достиженія этихъ цѣлей не изсякнутъ.

Но не всѣ народы въ мірѣ такъ дѣятельны, такъ аггрессивны, такъ неугомонны, такъ эгоистичны. Въ виду этого понятія объ эгоизмѣ, о прогрессѣ, о классовой борьбѣ въ странѣ разгильдяевъ и кое-каковъ, довѣрчивыхъ мечтателей и наслѣдственныхъ утопистовъ принимаютъ самый уродливый и извращенный смыслъ. Столяръ въ комедіи Шекспира „Сонъ въ лѣтнюю ночь" взялъ на себя неподходящую роль рыкающаго льва, но заранѣе поставилъ себѣ цѣлью рычать грозно, какъ левъ, но въ тоже время нѣжно, какъ флейта, чтобы не напугать герцога, въ честь котораго и устраивался спектакль. Левъ, который рычитъ нѣжно, какъ флейта, это и есть символъ нашей лѣнивой и праздной интеллигенціи, безтолково перепѣвающей чужіе мотивы.

„Слону,—замѣчаетъ Герценъ,—иногда хочется пройтись газелью", но это ему, конечно, не удается. За послѣдніе мѣсяцы мы видѣли, какъ неповоротливые слоны нашей журналистики пытались усвоить стройность, гибкость и изящество революціонной газели, но на самомъ дѣлѣ имитировали только пьянаго медвѣдя на ярмарочномъ балаганѣ.

Но какъ бы ни объяснять происхожденіе понятія о прогрессѣ на его родинѣ, нельзя не видѣть, что у насъ оно приняло невѣжественно-нелѣпый и грубо-комическій видъ, вышло, такъ сказать, изъ береговъ и затопило въ грязномъ и мутномъ потокѣ здравый смыслъ и логику двухъ или трехъ поколѣній.

Позволю себѣ только одинъ вопросъ. Возможно-ли представить себѣ на нашей родинѣ такого либерала, радикала, соціалиста, коллективиста или нигилиста, который не вѣровалъ-бы въ прогрессъ, который въ каждомъ поколѣніи не видѣлъ-бы огромнаго шага впередъ и выше, который въ каждомъ новомъ безобразіи не видѣлъ-бы роста личности и роста культурности? Какъ бы назвали такого авантюриста грамотные и безграмотные холопы идейнаго прогресса?

Попробуйте представить себѣ, что эти мальчишески-легковѣрныя рѣчи о всеспасающемъ и единоспасающемъ прогрессѣ выпали изъ текста журнальныхъ и газетныхъ статей. Не потеряли-ли бы тогда книжки журналовъ и листы газетъ по крайней мѣрѣ трети своего

объема? А всякій, крѣпко усвоившій себѣ понятіе о прогрессѣ по русскимъ его формуламъ, тѣмъ самымъ выбываетъ изъ строя здоровыхъ и нормальныхъ людей, причисляется къ сонму передовыхъ умовъ, т. е. въ умственномъ и нравственномъ отношеніи становится инвалидомъ, уже ни къ какой службѣ непригоднымъ.

IX.

Герценъ... Кумиръ западниковъ... Чего же съ полной увѣренностью можно и должно ждать при такомъ знамени?

Прежде всего скучныхъ и схоластическихъ рѣчей о человѣчествѣ, о несовмѣстимости общечеловѣческаго начала съ національнымъ, о братствѣ народовъ, о блаженствѣ всего рода человѣческаго.

Это азбука либерализма и радикализма. Малоуспѣшный и за́ это исключенный изъ гимназіи ех-гимназистъ, въ званіи властителя думъ при той или другой уличной газеткѣ, на человѣчествѣ собаку съѣлъ и на эту тему валяетъ столбецъ за столбцомъ, даже не буквально списывая съ популярно-научной малограмотной книжки. Это главный козырь въ подкаретной игрѣ всей интеллигенціи.

Возможно ли, совмѣстимо ли съ основными законами природы, мыслимо-ли и допустимо ли, чтобы западникъ и либералъ могъ обойтись безъ этой каторжной цѣпи на пути мечтательнаго прогресса? Не главный ли это камень, который кладется въ основаніе всякаго радикальнаго и нигилистическаго угла? Не на этомъ ли весь законъ и пророки висятъ?

Что же говоритъ о человѣчествѣ Герценъ?

Да, въ началѣ его „Дневника", отмѣчающаго первую, еще очень юную и незрѣлую стадію въ развитіи „идеологіи" Герцена, есть намеки на то, что и онъ не избѣжалъ общей участи западниковъ.

11 января 1839 г. онъ пишетъ въ своемъ „Дневникѣ" слѣдующее.

„Мы—годомъ ближе къ смерти.—Это вѣрно.

„А человѣчество—годомъ ближе къ великой эпохѣ братства и гармоніи! И это вѣрно!"

Правильно. Чего же вѣрнѣе? Это одинъ изъ самыхъ главныхъ догматовъ западническаго символа вѣры.

Въ декабрѣ 1843 года онъ высказывается еще съ большею опредѣленностью.

„Человѣчество знаетъ духъ такъ, какъ духъ самъ себя знаетъ; во всемъ этомъ есть тавтологическая бифуркація, затрудняющая смыслъ истины для того, чтобы ее высказать глоссологіей вѣка".

Можетъ быть, найдутся люди достаточнаго лицемѣрія и притворства, готовые утверждать, что они понимаютъ эту магическую пентаграмму. Я не понимаю, но готовъ допустить, что здѣсь есть что-то либеральное, хотя и подъ покровомъ гегелевскаго схоластицизма.

Но дальше рѣчи Герцена становятся проще, естественнѣе и опредѣленнѣе.

Періодъ „Съ того берега", когда Герценъ гнѣвно рветъ всѣ связи съ революціею 1848 г. Новый Герценъ поучаетъ прежняго Герцена.

„Для того, чтобы дѣятельно участвовать въ мірѣ, насъ окружающемъ, мало желанія и любви къ человѣчеству. Все это какія-то неопредѣленныя, мерцающія понятія. Что такое любить человѣчество? Все это сдается мнѣ прежними христіанскими добродѣтелями, подогрѣтыми на философскомъ очагѣ. Народы любятъ соотечественниковъ,—это понятно. Но что такое любовь, которая обнимаетъ все, что перестало быть обезьяной, отъ эскимоса и готтентота до далай-ламы и папы,—я не могу въ толкъ взять... Что-то слишкомъ широко. Если это та любовь, которою мы любимъ природу, планеты, вселенную, то нельзя сказать, чтобы она могла быть *особенно дѣятельна*" (V, 222—223).

Да развѣ у нашей интеллигенціи ставился когда-нибудь вопросъ о дѣятельности? Университеты и академіи, журналы и газеты озабочены только самыми послѣдними модами въ области идейной болтовни и о дѣлѣ никогда не думаютъ. Понятія и конструируются съ тѣмъ именно разсчетомъ, чтобы они не могли перейти въ жизнь. Если спросить десять интеллигентовъ о томъ, что именно входитъ въ объемъ понятія о человѣчествѣ, получимъ десять противорѣчивыхъ и несовмѣстныхъ образчиковъ идейнаго вздора и идейной чепухи.

Еще примѣръ изъ эпохи статей „Съ того берега".

Одна женщина потеряла дѣтей и въ своемъ горѣ утѣшала себя тѣмъ, что на томъ свѣтѣ имъ будетъ лучше.

— Какая разница между этимъ фанатизмомъ и вѣрой человѣка въ людей, въ возможность лучшаго устройства, свободы! Это сознаніе, мысль, убѣжденіе, а не суевѣріе!

— Да, то есть, не религія des Jenseits, а религія des Diesseits, религія науки, всеобщаго родоваго трансценлентальнаго разума, идеализма. Объясните мнѣ, пожалуйста, почему вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно, вѣрить въ царство небесное глупо, а вѣрить въ земныя утопіи—умно? Отбросивъ положительную религію, мы остались при всѣхъ религіозныхъ привычкахъ и, утративъ рай на небѣ, вѣримъ въ пришествіе рая

земного и хвастаемся этимъ. Вѣра въ будущее за гробомъ дала столько мучениковъ первыхъ вѣковъ; но вѣдь такая же вѣра поддерживала и мучениковъ революціи, тѣ и другіе гордо и весело несли голову на плаху, потому что у нихъ была непреложная вѣра въ успѣхъ ихъ идей, въ торжество христіанства, въ торжество республики. Тѣ и другіе ошиблись. Мы пришли послѣ нихъ и увидѣли это".

Можно, конечно, спорить съ возможностью и правильностью сопоставленія, но основная мысль Герцена ясна: вѣра въ человѣчество—предразсудокъ. Аргументація очень своеобразна, но такою она была у Герцена на протяженіи того періода времени, который характернѣе всего опредѣляется статьями цикла „Съ того берега".

„Моралисты говорятъ объ эгоизмѣ, какъ объ дурной привычкѣ, не спрашивая, можетъ ли человѣкъ быть человѣкомъ, утративъ живое чувство, личность, и не говоря, что за замѣна ему будетъ въ „братствѣ" и въ „любви къ человѣчеству", не объясняя даже, почему слѣдуетъ брататься со всѣми и что за долгъ любить всѣхъ на свѣтѣ. Мы равно не видимъ причины ни любить, ни ненавидѣть что-нибудь только потому, что оно существуетъ. Оставьте человѣка свободнымъ въ своихъ сочувствіяхъ; онъ найдетъ, кого любить и съ кѣмъ быть братомъ; на это ему не нужно ни заповѣди, ни приказа; если же онъ не найдетъ, это его дѣло и его несчастіе".

Не ясно ли, что въ этихъ мятежныхъ словахъ Герцена всѣ признаки величайшаго преступленія, извѣстнаго нашей періодической либеральной печати? Это смертный грѣхъ человѣконенавистничества. Ежедневная и ежемѣсячная логика радикальныхъ мыслителей формулируется обыкновенно такъ: ты долженъ любить человѣчество, т. е. всѣхъ, значитъ, и насъ, евреевъ, и насъ должны любить даже больше, потому что насъ вообще не любятъ и думаютъ, что любить насъ не за что. Поэтому ты или иди къ намъ въ кабалу, или мы причтемъ тебя къ лику человѣконенавистниковъ. Бѣдный Герценъ! Какою казнью будутъ судить тебя люди, которые всѣмъ властно и деспотически предписываютъ любовь къ себѣ, грозя за непослушаніе анаѳемой отъ имени „всероссійскаго союза журналистовъ"?

И любопытно при этомъ, что чѣмъ хуже народъ, чѣмъ больше онъ вызываетъ злобы, вражды и ненависти сосѣдей и мѣстнаго населенія, тѣмъ больше правъ, привиллегій и обязательной любви изъ-подъ палки онъ повелительно требуетъ себѣ во имя любви къ человѣчеству. По суду русской интеллигенціи теперь именно настало время принудительной и общеобязательной любви къ японцамъ и къ евреямъ.

Еще варіантъ радикальной доказательности. Мы существуемъ и *только потому* ты долженъ любить насъ; иначе мы назовемъ тебя жизненавистникомъ. Мы люди и *ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ* (ого!) не отличаемся отъ другихъ людей. Люби насъ *только за это*; иначе мы назовемъ тебя человѣконенавистникомъ. Этотъ своеобразной терроръ своеобразной любви къ своеобразному человѣчеству не кажется дикой нелѣпостью „передовымъ" умамъ, потому что очень ужъ они зашлись въ книгахъ.

Какова бы ни была аргументація Герцена, совѣтъ, съ которымъ онъ обращается къ современникамъ, ничего не теряетъ въ своей убѣдительности и правдѣ.

„Когда бы люди захотѣли, вмѣсто того, чтобы спасать міръ, спасать себя, вмѣсто того, чтобы освобождать человѣчество, себя освобождать,—какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣка!"

Не подмѣнили ли Герцена? Да вѣдь это говорили отцы церкви, говорили Хомяковъ, Достоевскій, Л. Толстой. Гдѣ же то западничество, которое вѣритъ во внѣшнія юридическія формы и въ учрежденія и не считаетъ необходимымъ нравственное совершенствованіе каждаго отдѣльнаго человѣка для великихъ реформъ въ обществѣ и народѣ?

X.

Нѣтъ, Герцена не подмѣнили. Въ періодъ „Былаго и думъ", періодъ полноты духовной силы и полной зрѣлости мысли, когда Герценъ подводилъ итоги долгаго и многосторонняго опыта, всей своей откровенно языческой философіи, — онъ говорилъ тѣмъ же яркимъ и смѣлымъ языкомъ тѣ же рѣчи.

„Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя".

Это прямо, и сомнѣній въ смыслѣ этого торжественнаго заявленія быть не можетъ. Если-же сомнѣнія обнаружатъ настойчивость и по этому вопросу, они должны будутъ отступить передъ не менѣе категорическими и опредѣленными его утвержденіями.

Герценъ говоритъ о духовномъ разрывѣ Байрона съ Англіей, какъ о типичномъ примѣрѣ „двухъ разныхъ возрастовъ, двухъ разныхъ воспитаній".

„Разрывъ этотъ существовалъ и прежде, но въ нашъ вѣкъ онъ пришелъ къ сознанію, въ нашъ вѣкъ больше и больше обличается невозможность посредства какихъ-нибудь вѣрованій. За римскимъ разрывомъ шло христіанство, за христіанствомъ—вѣра въ цивилизацію, въ человѣчество. *Либерализмъ составляетъ послѣднюю религію,*

но его церковь не другаго міра, а этого; его теодицея—политическое ученіе; онъ стоитъ на землѣ и не имѣетъ мистическихъ примиреній; ему надобно мириться въ самомъ дѣлѣ. Торжествующій и потомъ побитый либерализмъ раскрылъ разрывъ во всей наготѣ; болѣзненное сознаніе это выражается ироніей человѣка, его скептицизмомъ, которымъ онъ мететъ осколки разбитыхъ кумировъ".

Герценъ говоритъ о Прудонѣ, который „срѣзался на народномъ банкѣ, не смотря на то, что, сама по себѣ взятая, идея его вѣрна".

„По несчастью, онъ въ заговариванье не вѣритъ, а то и онъ причиталъ бы ко всему: Союзъ народовъ! Союзъ народовъ! Всемірное братство! Всеобщая республика! Grande armée de la démocratie! Онъ не употребляетъ этихъ фразъ, не щадитъ революціонныхъ старовѣровъ, и за то французы считаютъ его эгоистомъ, индивидуалистомъ, чуть не ренегатомъ и измѣнникомъ".

По поводу книги того-же Прудона „О справедливости въ церкви и революціи" ясно и категоричести повторяется тотъ-же совѣтъ, какой далъ Герценъ своимъ современникомъ въ одной изъ статей серіи „Съ того берега".

„Романская мысль, религіозная въ самомъ отрицаніи, суевѣрная въ сомнѣніи, отвергающая одни авторитеты во имя другихъ, рѣдко погружалась далѣе, глубже in medias res дѣйствительности, рѣдко такъ діалектически, смѣло и вѣрно снимала съ себя всѣ путы, какъ въ этой книгѣ. Она отрѣшилась въ ней не только отъ дуализма религіи, но и отъ ухищреннаго дуализма философіи; она освободилась не только отъ небесныхъ привидѣній, но и отъ земныхъ; она перешагнула черезъ сантиментальную апотеозу человѣчества, черезъ фатализмъ прогресса; у ней нѣтъ тѣхъ неизмѣняемыхъ литій о братствѣ, демократіи и прогрессѣ, которыя какъ жалко утомляютъ среди раздора и насилія. Прудонъ пожертвовалъ пониманью революціи ея идолами, ея языкомъ и перенесъ нравственность на единственную реальную почву, — грудь человѣческую, признающую одинъ разумъ и никакихъ кумировъ, „развѣ его".

„Слово „человѣчество",—говоритъ Герценъ въ статьѣ объ Оуэнѣ,—препротивное; оно не выражаетъ ничего опредѣленнаго, а только къ смутности всѣхъ остальныхъ понятій подбавляетъ еще какого-то пѣгаго полубога. Какое единство разумѣется подъ словомъ „человѣчество"? Развѣ то, которое мы понимаемъ подъ всякимъ суммовымъ названіемъ, въ родѣ икры и т. п.? Кто въ мірѣ осмѣлится сказать, что есть какое-то устройство, которое удовлетворило бы одинаковымъ образомъ ирокезовъ и ирландцевъ, арабовъ и мадьяръ, кафровъ и славянъ? Мы можемъ сказать одно, что нѣкоторымъ народамъ мѣщанское устройство противно, а другіе въ немъ какъ рыба въ водѣ. Испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русскіе имѣютъ въ себѣ очень мало мѣщанскихъ элементовъ; общественное устройство, въ которомъ имъ было бы привольно, выше того, которое имъ можетъ дать мѣщанство. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они *достигнутъ* этого высшаго состоянія или что они не свернутъ на буржуазную дорогу. Одно стремленіе ничего не обезпечиваетъ; на разницу возможнаго и неминуемаго мы ужасно напираемъ".

Но Герценъ умѣлъ говорить еще болѣе рѣзко и опредѣленно.

„Оуэнъ *вѣритъ* несокрушимой вѣрой мыслителей XVIII вѣка столѣтія (прозваннаго вѣкомъ невѣрія), что человѣчество наканунѣ своего торжественнаго облеченія въ вирильную тогу. А намъ кажется, что всѣ опекуны и пастухи, дядьки и мамки могутъ спокойно ѣсть и спать насчетъ недоросля. Какой бы вздоръ народы ни потребовали, *на нашемъ вѣку* они не потребуютъ права совершеннолѣтія. Человѣчество еще долго проходитъ съ отложными воротничками а „l'enfant".

Изъ такихъ посылокъ выводъ, конечно, ясенъ.

„Не рано-ли такъ опрометчиво толковать о солидарности народовъ, о братствѣ и не будетъ-ли всякое насильственное прикрытіе вражды однимъ лицемѣрнымъ перемиріемъ?"

Но что-же это такое? Съ точки зрѣнія либераловъ и соціалистовъ вѣдь это грабежъ, расхищеніе ввѣренной имъ собственности, подрывъ книгопечатанія, книжной торговли и издательскаго дѣла. Если не писать о человѣчествѣ, то о чемъ-же писать? Придется останавливать ротаціонныя машины и закрывать типографіи, если нельзя будетъ писать на эту бутафорскую тему, декораціи для которой сдѣланы еще при царѣ Горохѣ. Вѣдь это значитъ похерить всѣ научно-популярныя книжки, которыя съ такою самотверженною опрометивостью умная интеллигенція „несла" невѣжественному народу. Вѣдь это значитъ оставить безъ заработка цѣлую армію тружениковъ печати, которые о человѣчествѣ пишутъ отлично и ничего другого писать не могутъ. Да вѣдь г. Розанову придется чревовѣщать, что настали послѣднія времена, начинается свѣтопреставленіе и что Герценъ антихристъ. Да вѣдь г. Милюкову придется заявить, что Герценъ ретроградъ или что самъ г. Милюковъ—не западникъ. Зачѣмъ пытаться снова перевернуть передовые мозги интеллигентовъ, которые уже давно такъ величаво и прогрессивно повернулись кверху дномъ?

Какой-же это западникъ, если ради блаженства рода человѣческаго онъ не жертвуетъ народною самобытностью? Герценъ не даромъ прослылъ революціонеромъ. Онъ ярый революціонеръ противъ ярыхъ революціонеровъ. Представить нашу прессу безъ водянистой болтовни о человѣчествѣ,—да статочное-ли это дѣло?

———

XI.

Въ приведенныхъ сужденіяхъ Герцена уже предрѣшенъ и другой серьезный и важный вопросъ. А именно—вопросъ объ единствѣ законовъ историческаго развитія для всѣхъ временъ и народовъ. Человѣчество съ отложными воротничками á l'enfant, по дѣтскому маломыслію и младенческой безграмотности, въ лицѣ Милюковыхъ, Карѣевыхъ, Трачевскихъ и tutti frutti рыночнаго либерализма, можетъ мечтать объодинаковомъ государственномъ устройствѣ для кафровъ и англичанъ, для готтентотовъ и французовъ, для евреевъ и русскихъ, но только потому, что оно слишкомъ молодо и легкомысленно.

Еще въ „Дневникѣ" Герценъ вѣрно отмѣтилъ, что „русскій, развивающійся до всеобщихъ интересовъ, готовъ схватиться за всякій вздоръ, чтобы заглушить только страшную пустоту".

То общее положеніе, которое Герценъ кладетъ въ основу всѣхъ и всякихъ сужденій о законахъ историческаго движенія, выбиваетъ послѣднюю почву подъ ногами скороспѣлыхъ теоретиковъ ускоренно-прогрессивной марки и топитъ ихъ въ болотѣ идейной узости и схоластической нетерпимости.

„Разумѣется, законы историческаго развитія не противоположны законамъ логики, но они не совпадаютъ въ своихъ путяхъ съ путями мысли, такъ какъ ничто въ природѣ не совпадаетъ съ отвлеченными нормами, которыя строитъ чистый разумъ".

Для здороваго и нормальнаго человѣка, не погрязшаго по уши въ метафизическомъ болотѣ, довольно было бы, повидимому, и этой азбучной истины. Но если для нашего немыслящаго вѣка, для нашего мечтательнаго поколѣнія мало и этого спокойнаго и благороднаго предостереженія, мало и этого призыва отъ схоластическаго застѣнка къ свободѣ и свѣту, то у Герцена есть и другія доказательства и соображенія.

„Англо-германская порода грубѣе франко-романской. Съ этимъ дѣлать нечего: это ея физіологическій признакъ; сердиться на него смѣшно. Пора понять разъ навсегда, что разныя породы людей, какъ разныя породы звѣрей, имѣютъ разные характеры и не виноваты въ этомъ. Никто не сердится на быка за то, что онъ не имѣетъ ни красоты лошади, ни быстроты оленя; никто не упрекаетъ лошадь за то, что ея филейныя мяса не такъ вкусны, какъ у быка; все, что мы можемъ требовать отъ нихъ во имя животнаго братства, — это, чтобы они мирно паслись на одномъ и томъ же полѣ, не бодаясь и не лягаясь. Въ природѣ все достигаетъ посильно, чего можетъ, складывается, какъ случится, и потомъ принимаетъ

родовое pli; воспитаніе идетъ до извѣстной степени, исправляетъ одно, прививаетъ другое, но требовать отъ лошади бифштекса и отъ быковъ иноходи—тоже нелѣпость".

Простыя истины. Спорить съ ними трудно. И тѣмъ болѣе удивительно, что вся „идеологія" русской интеллигенціи на всей ея мелководной плоскости требуетъ отъ русскаго быка англійской революціонной иноходи, отъ неповоротливаго слона канкана французской газели.

Провѣряя итоги революціонной декламаціи, которая когда-то казалась членораздѣльной и не безсмысленной, Герценъ съ гнѣвомъ отбрасываетъ этотъ неуклюжій и совершенно излишній балластъ.

„Дѣтскій хламъ, который мы утрачиваемъ, не занимаетъ больше; онъ намъ дорогъ только по привычкѣ. Чего тутъ жалѣть? Бабу-Ягу или жизненную силу, сказку о золотомъ вѣкѣ сзади или о безконечномъ прогрессѣ впереди, тайный умыселъ химическихъ заговорщиковъ или natura sic voluit?"

Подъ поверхностною и скорѣе мечтательною, чѣмъ реальною пеленою хитрыхъ думъ и хитрыхъ словъ, настоящая жизнь течетъ по своему и не слышитъ будто бы умныхъ, а на самомъ дѣлѣ только праздныхъ и лживыхъ рѣчей.

„Въ сущности, всѣ народы занимаются только своими дѣлами; остальное составляетъ или дальнее желаніе, или просто риторическое упражненіе, иногда откровенное, но и тогда рѣдко дѣльное".

XII.

На этомъ надо остановиться. Дѣло идетъ о вопросѣ самой жгучей дѣйствительности, о томъ видѣ помѣшательства, который въ наше время принялъ эпидемическій характеръ и поразилъ метафизической водянкой всѣ передовые мозги. Надо полное отсутствіе здраваго смысла, чтобы отвергать эти простыя и въ простотѣ ихъ великія истины, снимающія узы идейнаго рабства и открывающія просторъ и свободу для здоровой работы здороваго мозга.

Вся наша революція съ ноября прошлаго года и по сей день проходитъ именно на этой патологической почвѣ.

Люди, племена и народы по психическому складу совершенно сходны и поэтому законы историческаго развитія одинаковы для всѣхъ племенъ и народовъ. Западъ имѣлъ и имѣетъ конституцію. Давайте ее намъ и она все спасетъ и все уврачуетъ. И это *единственный* аргументъ, который со страницъ „Права" и радикальныхъ газетъ перешелъ въ земскія собранія, во „всероссійские союзы", въ

петиціи и адресы, во весь шутовской маскарадъ освободительныхъ безпорядковъ. Эта узость, тупость и ограниченность мышленія, охватившая поверхностный, грамотный, но все еще малограмотный слой населенія, свидѣтельствуетъ о необычайномъ паденіи умственнаго уровня въ странѣ, о томъ разстройствѣ умственныхъ способностей, которое и въ будущемъ сулитъ многія и горшія бѣды.

Пока наслѣдственный запасъ дикихъ идей не истощится до тла, страна не можетъ успокоиться. Никакого парадокса нѣтъ въ томъ утвержденіи, что японцы поколотили насъ именно потому, что очень ужъ глупо мы вѣрили въ глупый прогрессъ, слишкомъ полагались на вѣрную службу стихійной общественной эволюціи, что, какъ грубые дикари, поклонялись идолу полупѣгаго полубога, человѣчества, что съ дѣтскимъ простодушіемъ вѣровали въ единство закона историческаго развитія, что то мы заѣдали среду, то среда заѣдала насъ, что мы поклонились босяку и хулигану и забыли людей зиждительнаго труда и дѣятельнаго активнаго синтеза, что мы возвеличили проститутку и унизили жену и мать, что наша наука распустилась въ политикѣ, что наша пресса была бѣдна мыслью, знаніемъ и опытомъ. Какъ-то всѣ поглупѣли и опошлѣли и не могли отдѣлаться отъ шаблоновъ дикой декламаціи о свободѣ и равенствѣ, но подъ непремѣннымъ условіемъ крѣпкой гарантіи нашего паразитизма и тунеядства.

Нельзя свысока смотрѣть на господство той или другой „идеологіи“, метафизической системы, которая, какъ плесень, расползается на общественной поверхности, губитъ принципіально и теоретически личную самодѣятельность, дѣлаетъ человѣка рабомъ какихъ-то внѣшнихъ и стихійныхъ силъ и этимъ парализуетъ волю, мысль и совѣсть поколѣнія или поколѣній. Линючій, безголовый и безхвостый монизмъ текущихъ общепопулярныхъ идеологовъ проникъ въ уѣздные города, села и деревни и оттуда рикошетомъ вернулся въ губернскіе города и столицы въ формѣ революцій и петицій. Мужики вдругъ заговорили языкомъ Карѣева, Трачевскаго и Милюкова, будто бы они никогда не читали Герцена, Хомякова и Канта, которые, — вмѣстѣ съ народомъ, какъ имъ казалось, — единственный прогрессъ видѣли въ нравственномъ совершенствованіи каждаго порознь, а потомъ и всѣхъ вмѣстѣ путемъ общенія и единенія въ словѣ и дѣлѣ лучшихъ и разумнѣйшихъ.

Какъ писались мужицкія петиціи о гарантіяхъ личной и общественной свободы, догадаться не трудно. Фокусъ не хитрый. Но удивительна одна черта. Передовые умы самаго дешеваго и примитивнаго сорта, малоуспѣшные въ наукахъ вожди человѣчества, гикающіе и приплясывающіе пророки жизни—съ кондачка рѣшили, что они, сильные своимъ обособленнымъ сектантствомъ, солидарные

по монотонности и педантической рутинѣ своей обструкціи, раньше мужика сказали мужицкое слово. Пусть же они внимательно прочтутъ тѣ поучительныя страницы, гдѣ Герценъ съ суровою прямотою и откровенностью говоритъ о полной непримиримости стремленій революціи и демократіи съ понятіями и интересами народа.

Если западники и радикалы пожелаютъ признать Герцена и въ этомъ его догматѣ своимъ, имъ придется сдѣлать прелюбопытное ауто-да-фе,—придется жечь книги Милюковыхъ и tutti quanti, придется жечь газеты г.г. Юрицына и Ходскаго, похерить освободительные безпорядки и, самое печальное,—признать дѣятелей губернскихъ и уѣздныхъ земствъ жертвами литературнаго плагіата, а не выразителями мѣстныхъ нуждъ мѣстнаго населенія. Если же на это не поднимется рука, придется жечь книги Герцена, какъ еретика и ересіарха. Другого выхода нѣтъ. И наши радикалы, конечно, скорѣе принесутъ въ жертву Герцена, чѣмъ откажутся отъ шумныхъ бубенцовъ и погремушекъ своего скоморошьяго колпака.

XIII.

Когда мы глядимъ на Герцена, мы, конечно, глядимъ назадъ, а не впередъ. Между нами и имъ много пройденной дороги. Это, конечно, облегчаетъ трудъ ставить вопросы о направленіи дороги.

Какъ Герценъ смотритъ на „среду“? Прожорлива она или нѣтъ? Она ѣстъ или ее ѣдятъ? Стоитъ оглянуться на рѣчи адвокатовъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, на статьи фельетонистовъ и внутреннихъ обозрѣвателей, чтобы на длинной вереницѣ фактовъ установить ту истину, что за послѣдніе двадцать-тридцать лѣтъ „среда“ обнаружила чудовищный аппетитъ, много сожрала въ „мыслящей Россіи“ логики и здраваго смысла и съиграла сомнительную роль, какъ орудіе принципіальнаго шуллерства и идейной подтасовки. Стыдно смотрѣть на вонючую грязь той лужи, въ которую увлекла „идейную“ часть общества эта злополучная „среда“.

Съ другой стороны, такъ же несомнѣнно, что забастовавшіе и обсоюженные профессора, канканирующіе сотрудники либеральныхъ и радикальныхъ газетъ, предводители и члены депутацій отъ дворянства и земства, адвокаты строго іудейскаго и почти іудейскаго исповѣданія, ораторы и трибуны „всероссійскихъ“ союзовъ и союза союзовъ, педагоги, алчущіе „автономной“ школы, и гимназисты, алчущіе школы легкой, фельдшера и прозекторы, врачи и ветеринары, мечтавшіе о всемірномъ братствѣ, какъ основѣ всемірной республики,—обнаружили очевидное, до безстыдства неприкрытое стремленіе слопать „среду“, чтобы потомъ, изъ полученнаго послѣ

такой закуски помета создать новую породу людей и новое небо. Они и не скрывали своего обжорливаго аппетита въ убѣжденіи, что ихъ неестественно емкій желудокъ переварить „среду“ въ лучшемъ видѣ. А на самомъ дѣлѣ они давно уже страдаютъ застарѣлымъ идейнымъ хроническимъ катарромъ желудка и могутъ переваривать только манную кашицу тощихъ научно-популярныхъ книжекъ.

Что же Герценъ? За среду или противъ среды?—И за, и противъ.

То бурно и страстно за среду, то такъ же бурно и страстно противъ среды.

Впечатлительный Герценъ былъ очень доступенъ обаянію свѣтлой, цѣльной и законченной личности. Иногда это обаяніе проходило скоро и смѣнялось желчной и рѣзкой критикой, даже ироніей и сарказмомъ. Но пока оно держалось, Герценъ не зналъ мѣры своему восторгу и только гиперболическій слогъ пэнегирика свидѣтельствовалъ, что тутъ что-то не такъ, что-то неладно. Герцену не разъ приходилось потомъ каяться за свои увлеченія.

Онъ былъ лично знакомъ съ Оуэномъ и былъ очарованъ благороднымъ и безупречнымъ старикомъ, который всю жизнь отдалъ на служеніе своему завѣтному убѣжденію. Подъ личнымъ впечатлѣніемъ онъ сталъ слишкомъ пламеннымъ и бурнымъ адвокатомъ его идеи, отъ которой въ другихъ статьяхъ открещивался какъ-то гнѣвно и страстно. Отмѣтимъ самыя характерныя мѣста, посвященныя этой мысли.

„Люди отдаютъ долю своего состоянія, своей воли, подчиняются всякаго рода властямъ и требованіямъ, вооружаютъ цѣлыя толпы, строятъ суды, тюрьмы и стращаютъ висѣлицей. Словомъ, дѣлаютъ все такъ, чтобы, куда человѣкъ ни обернулся, передъ его глазами былъ бы палачъ съ веревкой, готовый все кончить. Цѣль всего этого сохранить общественную безопасность отъ дикихъ страстей и преступныхъ искушеній, какъ-нибудь удержать въ руслѣ общественной жизни необузданныя покушенія вырваться изъ него.

„А тутъ является чудакъ, который прямо и просто говоритъ, да еще съ какой-то обидной наивностью, *что все это вздоръ*, что человѣкъ вовсе не преступникъ par le droit de naissance, что онъ такъ же мало отвѣчаетъ за себя, какъ и другіе звѣри, и, какъ они, суду не подлежитъ, *а воспитанію очень.* И это не все. Онъ передъ судомъ судей и поповъ всенародно объявляетъ, что человѣкъ не самъ творитъ свой характеръ, что стоитъ его поставить со дня рожденія въ такія обстоятельства, чтобы онъ могъ быть не мошенникомъ, такъ онъ и будетъ такъ себѣ, хорошій человѣкъ. А теперь общество рядомъ нелѣпостей наводитъ его на преступленіе, а люди наказываютъ не общественное учрежденіе, *а лицо.*

„И Оуэнъ воображалъ, что это *легко* понять!

„Развѣ онъ не зналъ, что намъ легче себѣ вообразить кошку, повѣшенную за мышегубство, и собаку, награжденную почетнымъ ошейникомъ за оказанное усердіе при поимкѣ укрывшагося зайца, чѣмъ ребенка, не наказаннаго за дѣтскую шалость, не говоря уже о преступникѣ. Примириться съ тѣмъ, что мстить преступнику всѣмъ обществомъ мерзко и глупо, что цѣлымъ соборомъ дѣлать безопасно и хладнокровно столько-же злодѣйства надъ преступникомъ, сколько онъ сдѣлалъ, подвергаясь опасности и подъ вліяніемъ страсти, отвратительно и безполезно,—ужасно трудно, не по нашимъ жабрамъ! Рѣзко!“

Весело и картинно. Слонъ начинаетъ двигаться изящнѣе газели. Герценъ, который каждому звѣрю оставляетъ его характеръ, человѣческій характеръ сводитъ на ничто, отъ быка требуетъ иноходи, а отъ лошади вкуснаго филея. Скотъ не подлежитъ суду, а его воспитаніе—не дай Богъ никому испытать на своей шкурѣ. Его не судятъ, но бьютъ палкой, запираютъ на скотномъ дворѣ, привязываютъ къ колодѣ и никогда не вѣрятъ его корректности и общественной дисциплинированности.

„Толпа только потому не освирѣпѣла на него съ самаго начала,—говоритъ про Оуэна Герценъ,—что государство и судъ не такъ популярны, какъ церковь и алтарь. Но за право наказанія вступились à la longue люди получше подкованные, чѣмъ богобѣснующіеся квакеры и фельетонные святоши.

„Вѣковой споръ, споръ тысячелѣтній *о волѣ и предопредѣленіи*, неоконченъ. Не одинъ Оуэнъ въ наше время сомнѣвался въ отвѣтственности человѣческаго поступка... Во всякомъ случаѣ, споръ не рѣшенъ, *но о томъ, что преступника наказывать справедливо и при томъ по мѣрѣ преступленія—объ этомъ и спору нѣтъ*; это всякій знаетъ!“

„Наказаніе есть неотъемлемое право всякаго преступника“,—сказалъ самъ Платонъ.

„Если быть выпоронному (sic!) или повѣшенному составляетъ *право* преступника, пусть онъ самъ и предъявляетъ его, если оно нарушено. Права стѣснять ненадобно“.

Остроумно и колоритно. Здѣсь Герценъ, несомнѣнно, принадлежитъ и нашей эпохѣ. Почтенное сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, которое за все время существованія у насъ гласнаго суда ставило себѣ цѣлью поколебать всякое понятіе о юридической справедливости, которое въ казуистической софистикѣ превзошло софистовъ, которое побочными обстоятельствами всегда умѣло запутать суть дѣла, которое смѣло пустилось въ открытое море невѣроятныхъ утопій и фикцій, могло бы найти въ немъ своего патрона. Любопытно, что эта черта міровоззрѣнія засѣла въ голову Герцена

еще смолоду. Онъ и въ „Дневникѣ“ не скрываетъ симпатіи къ своему родственнику, котораго всѣ въ семьѣ звали „химикомъ“.

„Онъ не былъ ни консерваторъ, ни отсталый человѣкъ; онъ просто не вѣрилъ въ людей, т.-е. вѣрилъ, что эгоизмъ исключительное начало всѣхъ дѣйствій, и находилъ, что его сдерживаетъ только безуміе однихъ и невѣжество другихъ.

„Онъ находилъ, что на человѣкѣ такъ же мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ, что все дѣло организаціи, обстоятельствъ и вообще устройства нервной системы, отъ которой *больше ждутъ, нежели она можетъ дать*“.

Этого взгляда всегда держался и Герценъ, когда поднималъ вопросъ о толпѣ, черни, и тѣхъ илотахъ духа и мысли, изъ которыхъ собственно и состоитъ пресловутое человѣчество. Но, когда онъ говорилъ о себѣ и своихъ друзьяхъ, онъ всегда упрямо и самоувѣренно утверждалъ, что устройство *ихъ* нервной системы даетъ больше, чѣмъ отъ него ожидаютъ.

Въ этой аргументаціи есть одна прелюбопытная черта. Человѣкъ, по устройству своей нервной системы, звѣрь и поэтому отвѣтственности не подлежитъ, хотя взбѣсившуюся собаку убиваютъ и дѣлаютъ это по чувству *гуманности, а не бестіальности.* Пусть такъ. Если преступника и нельзя наказывать, то все же онъ стоитъ ниже общаго уровня общества, которое должно терпимо относиться къ разрушительнымъ порывамъ человѣка-звѣря.

Но вѣдь по этой дорогѣ можно идти и дальше. Можно доказывать, что преступникъ не ниже общаго уровня, а выше, что преступникъ обнаруживаетъ больше духовной силы, смѣлости и иниціативы, чѣмъ общество, коснѣющее въ застоѣ добродѣтели и легальности. Развѣ мы не видѣли, какъ наши беллетристы возлагали вѣнки славы, геройства и избранности на воровъ, конокрадовъ и поджигателей? Тутъ вѣдь доводы о звѣрской натурѣ человѣка ни къ чему. Тутъ дѣло идетъ уже о сверхъ-человѣкѣ, о возвышенности преступленія, о чрезвычайномъ ростѣ юридическаго сознанія у преступника.

Неужели и Герценъ доходилъ до этихъ выводовъ? Доходилъ, и обращалъ, напримѣръ, вниманіе на то, что воровство дѣло нелегкое и не каждому оно по плечу.

Параличъ передового мозга въ тканяхъ и волокнахъ, пораженныхъ совершенно безумнымъ ученіемъ о „средѣ“ по современнымъ формуламъ, представляетъ очевидно только другую сторону безумнаго пониманія стихійной общественной эволюціи, которая, принимая и даже уничтожая значеніе личной воли, личныхъ усилій, личнаго достоинства и совершенства, центръ тяжести переноситъ на какія-то внѣшнія безсознательныя стихійныя силы. При такой постановкѣ дѣла человѣкъ въ идейномъ порядкѣ оказывается круглымъ дуракомъ, безвольнымъ фанатикомъ, сопливымъ разиней, растрепанной и простоволосой жертвой общественнаго темперамента, гнилымъ продуктомъ чужихъ вліяній, стадной скотиной безъ ума и безъ совѣсти. Презрѣніе къ личности идейнаго человѣка никогда еще не доходило до такого идейнаго цинизма и обязательнаго обскурантизма. Это повелительное требованіе отъ передовыхъ умовъ поголовной пошлости и одинаковаго идейнаго оподленія.

XIV.

Но какъ же примирить съ этимъ то, что Герценъ говорилъ объ исторической стойкости расовыхъ и племенныхъ характеровъ, о неизмѣнной психической основѣ каждаго человѣка? Почему Герценъ противорѣчитъ здѣсь себѣ? Ему ли съ его титанической натурой, съ его свободолюбивыми порывами сгибать шею подъ рабское иго „среды“? Неужели и его „среда“ заѣла?

Никогда! На это Герценъ по самой натурѣ своей не пойдетъ. „Не родилась та рука заколдованная“, которая устояла бы въ поединкѣ съ богатыремъ личной свободы и личной отвѣтственности. Было время, когда онъ вмѣстѣ съ другими революціонерами-доктринерами хотѣлъ, какъ хотятъ и современные радикалы, просто-на-просто съѣсть всю „среду“, весь существующій общественный порядокъ, чтобы на развалинахъ „среды“ воцарилась вѣчная, единая и нераздѣльная республика. Потомъ этотъ аппетитъ ослабѣлъ и Герценъ сильно и страстно сталъ доказывать, что „среда“, которая еще недавно въ принципѣ была съѣдобна, еще не понимаетъ тонкаго вкуса гастрономовъ-реформаторовъ и поэтому, пока что, ее надобно оставить въ покоѣ. Но чтобы среда съѣла его, самого Герцена, — это ужъ ахъ оставьте! Не на того напали, самъ съ усами. Говорите спасибо, что онъ не съѣлъ „среду“, а ужъ „средѣ“-то его не слопать.

Герценъ вышелъ изъ затрудненія очень просто: онъ призналъ вліяніе среды на всѣхъ и каждаго, кромѣ себя и немногихъ своихъ друзей.

„Человѣкъ свободнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ“,—такъ заповѣдь новую даетъ намъ Герценъ.

„Онъ много зависитъ отъ среды, но не настолько, какъ кабалитъ себя ей. Большая доля нашей судьбы лежитъ въ нашихъ рукахъ, стоитъ понять ее и не выпускать изъ рукъ. Понявши (*не* понявши?), люди допускаютъ окружающій міръ насиловать ихъ, увлекать противъ воли; они отрекаются отъ своей самобытности, опираясь во всѣхъ случаяхъ не на себя, а на него, затягивая крѣпче и крѣпче узы, связующія съ нимъ. Они ожидаютъ отъ міра всего добра и зла въ

жизни; они надѣются на себя на послѣднихъ. При такой ребяческой покорности роковая сила внѣшняго становится непреодолимой; вступить съ нею въ борьбу кажется человѣку безуміемъ. А между тѣмъ грозная мощь эта съ того мгновенія, какъ въ душѣ человѣка вмѣсто самоотверженія и отчаянія, вмѣсто страха и покорности, возникаетъ простой вопросъ: „въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ скованъ на жизнь и смерть со средою, что онъ и тогда не имѣетъ возможности отъ нея освободиться, когда дѣйствительно съ нею распался, когда ему ничего не нужно отъ нея, когда онъ равнодушенъ къ ея дарамъ?"

„Я не говорю, чтобы этотъ протестъ во имя независимости и самобытности лица былъ легокъ. Онъ не даромъ вырывается изъ груди человѣка; ему предшествуютъ или долгія испытанія и несчастія, или тѣ тяжелыя эпохи, когда человѣкъ тѣмъ больше расходится съ міромъ, чѣмъ глубже его понимаетъ, когда всѣ узы, связующія его съ внѣшнимъ, превращаются въ цѣпи, когда онъ чувствуетъ себя правымъ въ противоположность событіямъ и массамъ, когда онъ сознаетъ себя соперникомъ, а не членомъ большой семьи, къ которой принадлежалъ.

„Внѣ насъ все измѣняется, все зыблется; мы стоимъ на краю пропасти и видимъ, какъ онъ осыпается; сумерки наступаютъ и ни одной путеводной звѣзды не является на небѣ. Мы не сыщемъ гавани иначе, какъ въ насъ самихъ, въ сознаніи нашей безпредѣльной свободы, нашей самодержавной независимости. Спасая себя такимъ образомъ, мы становимся на ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитіе свободной жизни въ обществѣ,—если оно вообще возможно для людей".

Обаятеленъ этотъ бурный и пламенный порывъ Герцена изъ душной и тѣсной кельи радикальныхъ скопцовъ на широкій просторъ, на свѣтъ, на свободу. Но зачѣмъ этотъ порывъ такъ исключителенъ и эгоистиченъ? Почему только послѣ великихъ страданій и въ особо мрачныя и тревожныя эпохи возможна полнота свободы при полнотѣ отвѣтственности? Хомяковъ признаетъ эту державную независимость для всѣхъ и каждаго и въ любое время. Эту полноту свободы онъ признаетъ не только возможною, но и обязательною для каждаго человѣка, не утратившаго добровольно—изъ лѣности и распущенности—человѣческаго достоинства. Если бы сопоставить его ученіе о полнотѣ свободы и отвѣтственности въ постоянномъ общеніи и единеніи со всѣми остальными членами общины съ категорическимъ императивомъ Канта и съ его ученіемъ объ автономной волѣ,—а это до сихъ поръ еще не сдѣлано,—мы получили бы всю возможную сумму свободы, доступной человѣку, а не тѣ мелкіе клочки, которые урываетъ Герценъ для себя и для немногихъ, и притомъ на срокъ.

Любопытно, что по свѣтлымъ и высоко-человѣчнымъ взглядамъ Хомякова никакой „среды" нѣтъ: все живые, здоровые, разумные люди, свободные и въ своей свободѣ отвѣтственные только передъ судомъ своей общины. Мы сами „среда" и другой „среды" внѣшней, намъ чуждой или враждебной—нѣтъ. О такой общинѣ, полной разумности, сознательности и свободы, не мечталъ ни одинъ коммунистъ, ибо коммунистъ не допускаетъ и возможности общенія не на почвѣ подчиненія и рабства.

Объясненіе противорѣчій Герцена просто. На словахъ онъ былъ всегда демократомъ, пока не проклялъ всякую демократію, всякую кратію вообще и въ одинокомъ анархизмѣ не ушелъ въ область личныхъ ощущеній и умственныхъ интересовъ. Но на самомъ дѣлѣ это былъ аристократъ бѣлой кости и голубой крови. Онъ въ этомъ не сознавался,—можетъ быть потому, что самъ появился на свѣтъ совершенно морганатически. Но въ душѣ онъ былъ аристократъ, какъ это видно изъ только что приведенныхъ признаній. Зачѣмъ требовать себѣ одному того, что хорошо и полезно для всѣхъ?

Здѣсь съ полною опредѣленностью отграничиваются два враждебныхъ лагеря мыслителей. Одни видятъ въ человѣкѣ звѣря, цѣликомъ проникнутаго стаднымъ чувствомъ и поэтому безотвѣтственнаго, т.-е. раба по природѣ и по самому устройству нервной организаціи. Только большіе господа могутъ вырваться изъ этого стада, уйти на свободу или взять въ руки кнутъ и дудку. Это мысль Герцена. Свобода для немногихъ. Другіе видятъ въ каждомъ человѣкѣ человѣка, отвѣтственнаго за свои поступки и дѣла, сознательно устанавливающаго свои отношенія къ общинѣ и людямъ и даже въ нѣдрахъ „среды" остающагося личностію. Эта мысль Хомякова: свобода для всѣхъ.

Н. М. Соколовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Какъ извѣстно, по уставу 1884 года, окончательныя испытанія для оканчивающихъ курсъ въ нашихъ университетахъ должны производиться въ такъ называемыхъ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ (историко-филологической, физико-математической, юридической, восточныхъ языковъ и медицинской). Прежде въ этихъ комиссіяхъ, для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса, лица, имѣющія выпускныя свидѣтельства о прослушаніи всѣхъ предметовъ избраннаго ими факультета, должны были держать экзаменъ по *всѣмъ предметамъ* избранной ими спеціальности, при чемъ предсѣдатель каждой комиссіи назначался министромъ изъ лицъ постороннихъ—изъ другого университета. Затѣмъ, въ виду крайней затруднительности для оканчивающихъ курсъ выдержать всѣ предметы въ государственной комиссіи въ одинъ пріемъ, экзамены почти по всѣмъ предметамъ первыхъ двухъ курсовъ стали производиться самими факультетами, такъ что оканчивающіе курсъ экзаменовались въ государственныхъ комиссіяхъ главнымъ образомъ по предметамъ двухъ послѣднихъ курсовъ. Наконецъ, часть и этихъ предметовъ студенты стали сдавать въ факультетскихъ комиссіяхъ при переходѣ съ третьяго курса на четвертый. Словомъ, *такъ называемые государственные* экзамены превратились въ *обыкновенные курсовые* экзамены по предметамъ 4-го курса (съ нѣкоторыми дополненіями), и отъ прежнихъ государственныхъ испытательныхъ комиссій, учрежденныхъ уставомъ 1884 года, осталось одно воспоминаніе. Предсѣдатель и члены теперешнихъ комиссій, хотя и назначаются министромъ народнаго просвѣщенія, но изъ профессоровъ того же университета—даже не старшихъ по службѣ, а читающихъ тѣ предметы, экзамены по которымъ отнесены къ *такъ называемой государственной* комиссіи. Между тѣмъ и въ настоящее время предсѣдатель этой комиссіи, члены ея и даже экзаменаторы получаютъ вознагражденіе за свой трудъ по производству экзаменовъ: предсѣдатель—около 500 руб., члены—около 250 плюсъ плата за экзамены; экзаменаторы до 150 руб. Въ тоже время прочіе профессоры, не вошедшіе въ составъ *такъ называемой государственной комиссіи*, а экзаменующіе въ комиссіяхъ факультетовъ гораздо большее число лицъ, не получаютъ ни копейки, хотя экзамены эти теперь ничѣмъ не отличаются отъ первыхъ.

Не лучше ли расходуемую на этотъ предметъ довольно крупную сумму (на всѣ университеты нѣсколько десятковъ тысячъ) употребить на другія неотложныя нужды министерства народнаго просвѣщенія? А нуждъ этихъ у него немало...

Проф. **М. Красноженъ**.

Журнальное и литературное обозрѣніе.

(**Н. М. Соколовъ**, какъ поэтъ [1]).—**„Великій грѣхъ“** графа Л. Н. Толстого).

I.

Николай Матвѣевичъ Соколовъ, хорошо извѣстный читателямъ „Русскаго Вѣстника“, выпустилъ на дняхъ „Второй сборникъ стихотвореній“. Этою книжкою (290 страницъ) и первымъ сборникомъ 1899 года (157 страницъ) исчерпывается все то, что Н. М. Соколовъ, изъ области своей поэзіи, пожелалъ включить въ отдѣльныя изданія, т. е. все то, что онъ самъ считаетъ лучшимъ изъ написанныхъ имъ стиховъ.

Послѣ презрительнаго отношенія къ поэзіи въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, вотъ уже 25 лѣтъ, какъ поэтовъ становится все больше и больше. Періодическія изданія изнываютъ отъ безпредѣльнаго поступленія стиховъ, не только не подходящихъ для печати, но невозможныхъ даже для прочтенія, по уродливости формы. Множество именъ совершенно неизвѣстныхъ пестрятъ страницы газетъ и журналовъ своими дубовыми виршами. Множество отдѣльныхъ изданій разныхъ стихокропателей выходятъ въ свѣтъ и даже имѣютъ нѣкоторый сбытъ на рынкахъ. Многіе виршеплеты, постигшіе, что „кровь“ и „любовь“ риѳмуютъ, и предполагающіе, что „они“ и „свои“ — тоже риѳмуютъ, даже завоевали себѣ извѣстное положеніе въ тѣхъ или иныхъ журналахъ.

Поэтическій багажъ нашего времени очень великъ, хотя и состоитъ сплошь изъ совершеннѣйшей трухи, въ которой есть все, что угодно, кромѣ здраваго смысла, грамотности, версификаціи. Не го-

[1]) *Н. М. Соколовъ*. Стихотворенія.—Спб. 1899 г. Ц. 1 р. *Н. М. Соколовъ*. Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

воримъ уже о томъ, что умѣнье облекать мысль въ образы, составляющее признакъ истинной поэзіи, совсѣмъ почти не встрѣчается.

Стихи, въ сущности, можетъ писать всякій грамотный человѣкъ, обучавшійся правиламъ стихосложенія. Стоитъ только день-другой поупражняться и правильныя по размѣру строки съ риѳмами, или безъ оныхъ, будутъ слѣдовать другъ за другомъ. Будутъ ли это стихи или прозаическая окрошка изъ рубленыхъ строкъ—это уже вопросъ другой. Но, увы, именно такихъ-то окрошкоподобныхъ стиховъ печатается все больше и больше.

Бездарность множества современныхъ стихослагателей такъ велика, что, начиная говорить о современномъ поэтѣ, чувствуешь необходимость завѣрить, что данный поэтъ—дѣйствительно поэтъ, а потому заслуживаетъ вниманія и обсужденія.

Н. М. Соколовъ, спѣшимъ оговориться, безупречно владѣетъ стихомъ, свободно, въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ, пользуется любыми размѣрами, до безконечности разнообразя ихъ. Онъ, видимо, очень отдѣлываетъ свои произведенія, но не потому, чтобы затруднялся въ стихотворномъ изложеніи, а потому, что, какъ всякій художникъ слова, — въ стихахъ или прозѣ безразлично, — стремится къ возможному совершенству. Читая стихи Н. М. Соколова, вы находитесь въ безопасности относительно тѣхъ „костыльковъ“, на которые такъ щедры деревянные стихотворцы, подсчитывающіе стопы по пальцамъ и вставляющіе ненужные для изложенія „вѣдь“, „вотъ“, „такъ“ и т. п., чтобы искусственно создать недостающія полстопы.

Въ дни свѣтлой поэзіи смѣшно было бы отмѣчать сказанное, но въ дни виршеслагательства оно необходимо, какъ отмѣтка признака истинной поэзіи въ авторѣ.

Н. М. Соколовъ—поэтъ здравой, пушкинской школы. Онъ, по счастію, никакой стороной своего творчества не коснулся декадентской заразы, давшей особое положеніе въ литературѣ гг. Брюсовымъ, Блоккамъ и прочимъ кривлякамъ того изуродованнаго балагана, который они сами считаютъ россійскимъ Парнасомъ.

Н. М. Соколовъ, по преимуществу и по призванію, болѣе всего поэтъ лирическій, но размахъ его творчества не удовлетворяется этою одною стороною поэзіи. Онъ писалъ немало небольшихъ поэмъ, онъ бываетъ охваченъ духомъ пламенной сатиры.

Какъ изслѣдователь нашихъ общественныхъ теченій, какъ неумолимый критикъ нашей прогнившей лжеинтеллигенціи и нашего нигилизма, Н. М. Соколовъ и въ стихахъ своихъ не оставляетъ, подчасъ, ихъ въ покоѣ. Его чисто русскіе идеалы сказываются постоянно и въ его стихотвореніяхъ.

Приступая къ оцѣнкѣ второго сборника стихотвореній Н. М. Соколова, не можемъ разсматривать его отдѣльно безъ перваго сборника, который имѣетъ уже шесть лѣтъ отъ роду.

Поэтическая дѣятельность Н. М. Соколова занимаетъ болѣе двадцати лѣтъ, но она имѣла большіе перерывы, легко объяснимые, если принять во вниманіе другія прозаическія работы автора, со многими изъ которыхъ читатели наши въ должной мѣрѣ знакомы за послѣдніе годы „Русскаго Вѣстника“.

II.

Первый томъ стихотвореній Н. М. Соколова начинается поэмой „Графъ Неверъ“. Она написана въ 1893 году и была замѣчена всѣми любителями настоящей поэзіи. Картина, изображенная авторомъ и, по имени героя и по воспоминаніямъ мейерберовскихъ „Гугенотовъ“, переносящая читателя въ XVI вѣкъ, чрезвычайно ярка и колоритна. Смыслъ поэмы глубокъ и меланхоличенъ.

Графъ Неверъ... Да что съ нимъ сталось?
Этотъ праздникъ—для чего?
Никогда такимъ веселымъ
Не видали мы его.

Вѣчно строгій, вѣчно хмурый,
Вѣчно въ думы погруженъ,
Веселѣе всѣхъ, казалось,
На пиру сегодня онъ.

Гости дѣлаютъ предположеніе, что графъ готовится къ браку и торжествуетъ свой послѣдній холостой праздникъ. Въ отвѣтъ на эту догадку графъ ведетъ гостей въ паркъ.

Въ старомъ паркѣ—тоже праздникъ,
Праздникъ солнца... Пышетъ зной,
Неподвиженъ стройный тополь,
Пахнетъ скошенной травой,

Сыплетъ пыль струя фонтана,
Надъ цвѣткомъ гудитъ пчела,
Отъ зеленыхъ липъ въ аллеѣ
Тѣнь прозрачная легла,

Рдѣетъ мракъ, цвѣтутъ жасмины
И вѣтвистый, старый кленъ
Надъ фамильнымъ склепомъ графовъ
Дремлетъ, въ думы погруженъ.

Склепъ открытъ. Тамъ стукъ и пѣсни,
Смѣхъ и говоръ молодой.
Кто тревожитъ въ старомъ склепѣ
Сонъ Неверовъ вѣковой?

То ваятель-итальянецъ
Молоткомъ о камень бьетъ.
Это онъ съ учениками
И смѣется, и поетъ.

Въ красныхъ шапочкахъ, съ рѣзцами,
Съ молотками, всѣ въ пыли,
Эти пѣсни издалека
Итальянцы принесли.

Тешутъ мраморъ, чистятъ бюсты,
Мозаикой кроютъ полъ...
Графъ по мраморнымъ ступенькамъ
Съ нами въ темный склепъ вошелъ...

Росписныя стекла стелютъ
На полу цвѣтную тѣнь...
— Добрый день, синьоръ маэстро!
Вамъ, синьоры, добрый день!

Новый гробъ долбитъ ваятель,
Сыплетъ на полъ пыль и соръ,
Тешетъ мраморъ, гробъ готовитъ...
— Мнѣ ли это?—Вамъ, синьоръ!—

———

— Это мнѣ!.. И графъ на мраморъ
Молча руку положилъ,
Что-то долго, долго думалъ
И опять заговорилъ.

— Мнѣ... Здѣсь тихо, здѣсь прохладно,
Здѣсь Неверовъ вся семья...
А за паркомъ жизни шумной
Бьетъ тревожная струя...

— Чѣмъ-то новымъ что-то вѣетъ...
Какъ-то мнѣ не по себѣ,
Какъ-то странно глухо сердце
Къ этой жизни и борьбѣ...

— Часто ночью въ часъ печали
Въ этотъ склепъ я уходилъ
Тосковать и думы думать
На камняхъ родныхъ могилъ.

— И порою мѣсяцъ блѣдный
Озарялъ своимъ лучомъ
Фантастическія тѣни
Въ нашемъ склепѣ родовомъ.

— Изъ могилъ встаютъ Неверы...
Скорбны мертвыя черты...
И въ морщинахъ ихъ глубокій
Слѣдъ тоскующій мечты...

— И они въ глаза мнѣ смотрятъ,
И пытливъ ихъ взглядъ нѣмой,
И какъ будто тяжело имъ
Тосковать моей тоской.

— Цѣлый день меня сжигаетъ
Мертвый пламень ихъ очей...
Что смущаетъ, что тревожитъ
Сонъ тоскующихъ тѣней?..

— Но недавно, въ часъ полночи,
Съ горностаемъ на плечахъ,
Старый прадѣдъ такъ сказалъ мнѣ
Съ кроткой ласкою въ очахъ:

«Не томись, не мучься... Съ нами
Рядомъ гробъ себѣ построй,
И желѣзною рѣшеткой
Двери въ этотъ склепъ закрой,

«И умри... Тогда спокойно
Рядомъ всѣ мы здѣсь уснемъ.
Мы послѣдняго Невера
Здѣсь давно съ тоскою ждемъ...

«Ты придешь, и дверь закроютъ
Будетъ въ сборѣ весь нашъ родъ.
Новый родичъ съ новой смертью
Къ этой двери не придетъ.

«Мечъ разбей: то мечъ—Неверовъ.
Онъ другимъ—не по рукѣ.
Нашей славы слѣдъ кровавый
На его стальномъ клинкѣ.

«Гербъ нашъ здѣсь поставь, надъ нами...
Мертвой ратью вкругъ него
Ляжемъ мы въ гробахъ на стражѣ
Чести рода своего»...

Вотъ ради чего „графъ Неверъ, послѣдній въ родѣ, намъ послѣдній пиръ даетъ“.

Намъ нѣтъ надобности подчеркивать красоту строфъ, посвященныхъ описанію парка и работѣ ваятелей-итальянцевъ. Въ такихъ именно образахъ и сказывается настоящая поэзія. Національность ваятелей переноситъ насъ въ средину того вѣка, гдѣ Неверу самое мѣсто, къ тѣмъ днямъ, когда Бенвенуто Челлини украшалъ Фонтенеблосскій дворецъ Франциска I и оскорбительно хвастался красотой своего обнаженнаго Юпитера передъ зазнавшейся гордостью королевской фаворитки герцогини д'Этампъ.

Не смотря на сочность современнаго Неверу рисунка, нельзя въ этой поэмѣ видѣть исключительно конецъ дворянскаго рода, считать ее за слезу надъ закрывающимися лѣтописями годовъ рыцарства и исключительнаго сословнаго благородства. Замыселъ автора несомненно шире и глубже.

Неверъ—послѣдній въ родѣ. Какъ послѣдній могиканъ, онъ замыкаетъ собою цѣлый циклъ понятій, вѣрованій, упованій, смѣняемый другими мечтами, другими мыслями, другими надеждами. По-

хоронивъ послѣдниго могикана Ункаса, отецъ его, настоящій последній не по поколѣнію, а послѣдній оставшійся въ живыхъ, старый Чингахгуккъ, у Купера, сгораетъ въ дѣвственномъ лѣсу, ибо набѣжавшее бѣлое племя принесло столько новаго въ преріи его родины, что ему уже не осталось мѣста въ ней.

Неверъ ходитъ къ роднымъ могиламъ „тосковать и думы думать“, но хотя его думы и близки этимъ могиламъ, а все же „какъ будто тяжело имъ тосковать моей тоской“. Неверъ стоитъ на перепутьи: онъ отрѣшился отъ многаго стараго и не сблизился вполнѣ съ новымъ. Выходъ—конецъ. Его совѣтуетъ прадѣдъ. Родъ Неверовъ надо покончить, мечъ ихъ „другимъ—не по рукѣ“. И Неверъ, торжествуя рѣшеніемъ своимъ, строитъ склепъ и заживо пируетъ собственную тризну.

„Лучше хорошо уйти со страницъ исторіи, нежели плохо взойти въ нее“, — писалъ республиканецъ Викторъ Гюго послѣднему бездѣтному Бурбону Генриху V (графу Шамбору). Престарѣлый поэтъ, строившій въ юности свою лиру для воспѣванія рожденія принца Генриха, одобрялъ, что король безъ трона не пожелалъ, когда это было возможно, занять его, не пожелалъ, ибо не могъ замѣнить бѣлую орифламму съ золотыми лиліями своихъ предковъ демократическимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ новой Франціи.

Для каждаго и въ каждомъ положеніи можетъ наступить тотъ психологическій моментъ, когда человѣкъ долженъ спросить себя: ко времени ли онъ или не ко времени. Если не ко времени, то готовить склепъ нужно. Прекрасное въ прошедшемъ можетъ оказаться ненужнымъ въ настоящемъ и только тормозить его. Каждый человѣкъ и каждое общественное теченіе совершаетъ чреду свою и, совершивъ ее, отходитъ. Надо умѣть уйти. И пусть „сердце жадно проситъ смѣха, проситъ пѣсни молодой“, — отпировавъ послѣдній пиръ, не надо забывать и о сводѣ родного склепа. Мечъ героя не по рукѣ пигмею послѣдующаго поколѣнія, но къ чему палица Геркулеса, если коробка отъ сардинокъ, начиненная тѣми или другими щелочами и кислотами, можетъ, упавши изъ слабыхъ рукъ, страшнымъ взрывомъ уничтожить рядъ людей, взорвать зданіе...

Полный жизни и желанія поработать на пользу современнаго человѣчества, Н. М. Соколовъ, какъ вдумчивый философъ, постигаетъ прошедшее съ его преходящимъ, хотя и не безплоднымъ, значеньемъ и даетъ въ своемъ „Графѣ Неверѣ“ естественный исходъ тому, что въ жизни столь часто влечетъ къ безполезной борьбѣ и волненію.

III.

Среди поэмъ Н. М. Соколова есть одна, менѣе другихъ извѣстная, которая, между тѣмъ, по мнѣнію нашему, должна стоять выше всѣхъ другихъ, какъ по цѣльности концепціи, такъ и по красотѣ стиха.

Поэма эта—„Юрата“ (2-й сборникъ).

Поэтъ осенью на берегу унылаго Балтійскаго моря, послѣ только что стихнувшей бури. Спутница поэта находитъ на берегу обломокъ янтаря. Поэтъ объясняетъ ей легендарный смыслъ этого дара моря.

Что ты нашла? Обломокъ янтаря?
То шлетъ тебѣ свой бѣдный даръ Юрата.

Ты знаешь-ли царицу этихъ водъ?
Слыхала-ль ты забытое названье?
Когда-то здѣсь прошло изъ рода въ родъ
Старинное литовское преданье.

Какую дань завистливой судьбѣ
Царица водъ здѣсь принесла когда-то!
Подъ говоръ волнъ я разскажу тебѣ,
Какъ здѣсь жила прекрасная Юрата.

———

Давно прошла счастливая весна,
Пора любви и счастья миновала,—
Но не всегда балтійская волна
Въ ненастной мглѣ о прошломъ тосковала.

Перкунъ царилъ въ высокихъ небесахъ,
Свѣтилъ землѣ съ безоблачной лазури...
Тогда никто на этихъ берегахъ
Не видѣлъ тучъ, не слышалъ злобной бури.

Властитель тучъ, отбросивъ тяжкій громъ,
Съ улыбкой шелъ надъ этими волнами,
Безъ нихъ скучалъ онъ въ сумракѣ ночномъ,
Ихъ цѣловалъ онъ первыми лучами.

Уноситъ ночь въ своихъ туманахъ сны,
Тревожнымъ сномъ спитъ море голубое,—
Вотъ тихій вздохъ проснувшейся волны,
Вотъ легкій звонъ жемчужнаго прибоя.

Куда спѣшитъ румяная Заря
По лону водъ, тревогою объята?
Вонъ тамъ, на днѣ дворецъ изъ янтаря...
— Перкунъ идетъ! Ты слышишь-ли, Юрата?

— Перкунъ идетъ! Сквозь пологъ голубой,
— Сквозь янтари могучими лучами
— Проникнетъ онъ въ подводный теремъ твой,
— Найдетъ тебя влюбленными очами.

Въ прозрачной мглѣ въ чарующихъ мечтахъ
Безъ сна лежитъ царица молодая.

— Перкунъ идетъ!—Съ улыбкой на устахъ
Она встаетъ, волнуясь и сіяя...

— Перкунъ идетъ!—Прислужницы толпой
Къ царицѣ водъ спѣшатъ на зовъ счастливый.
Волнами стелетъ гребень золотой
Тяжелыхъ косъ волнистые извивы.—

Ея вѣнецъ—весь въ крупныхъ жемчугахъ,
Алмазныхъ бусъ горитъ наборъ лучистый,—
Прозрачный плашъ, сгибаясь на волнахъ,
За нею вьется зыбью серебристой.

Въ сквозной рѣзьбѣ узорное крыльцо
Надъ грудой скалъ стоитъ въ водѣ высоко.
Царицы водъ прекрасное лицо
Озарено сіяніемъ съ востока.

Перкунъ идетъ.—Юрата, гдѣ-же ты?
— Ты спишь еще? Проснись—проснулось море.
— Проснулись въ полѣ птички и цвѣты,
— Проснулись рыбки въ голубомъ просторѣ.

— Проснулась ты? Меня Юрата ждетъ?
Привѣтъ тебѣ!—веселый кличъ несется.
Ему съ крыльца царица свѣтлыхъ водъ
Шлетъ свой привѣтъ и весело смѣется.

Какъ счастливъ онъ, влюбленный свѣтлый богъ!
Какъ любо ей подъ ясными лучами!
Счастливый день,—безъ бури, безъ тревогъ,
Безъ темныхъ тучъ,—проходитъ надъ волнами.

За теремомъ, подъ темною скалой,
Гдѣ тихо дремлютъ ласковыя воды,
Окружена служебныхъ дѣвъ толпой,
Она съ утра заводитъ хороводы.

Среди подругъ у скалъ она бѣжитъ,
То рветъ цвѣты, то жемчугъ собираетъ.
Гдѣ подъ водой, какъ зыбкій малахитъ,
Зеленый лугъ коверъ свой разстилаетъ.

Среди камней съ улыбкой на устахъ
Она идетъ подъ яркими лучами,
Гдѣ рыбки спятъ, качаясь на волнахъ,
Въ полдневный зной за темными скалами.

Подкравшись къ нимъ, она плеснетъ волной,—
И закричитъ,—и звонко засмѣется,
Когда у скалъ, сверкая чешуей,
Вся стая ихъ въ испугѣ пронесется.

Счастливый день,—безъ бури, безъ тревогъ,—
Горитъ и блещетъ влага голубая,—
На небесахъ,—въ лазури,—свѣтлый богъ,
Въ лазури водъ—царица молодая.

День догорѣлъ. Перкунъ свѣтить усталъ,
Но медлитъ онъ съ улыбкой у заката:

Проститься съ нимъ на груды темныхъ скалъ
Въ слезахъ идетъ печальная Юрата.

— Прощай, Перкунъ!—несется надъ водой...
— Ты весь въ дыму вечерняго тумана.
— Какъ ночь длинна! Но съ утренней зарей
— Встрѣчать тебя я выйду рано, рано...

———

Сіяетъ день. Въ лазури голубой
Идетъ Перкунъ, сверкающій лучами.
Съ утра сидитъ надъ темною скалой
Царица водъ съ печальными очами.

О чемъ она тоскуетъ на скалѣ,
То смотритъ въ даль, то медленно вздыхаетъ,
И жемчугъ слезъ въ прозрачной полумглѣ
На камни скалъ изъ чудныхъ глазъ роняетъ?

Тамъ, за горой, гдѣ тихая рѣка
Къ ея волнамъ бѣжитъ волной несмѣлой,
Въ лучахъ зари на лодкѣ рыбака
Скользилъ у скалъ сегодня парусъ бѣлый.

Къ ея скаламъ рыбакъ направилъ челнъ,
На вольныхъ рыбъ здѣсь неводъ свой поставилъ,
Смутилъ покой ея лазурныхъ волнъ,
Собралъ уловъ—и дальше путь направилъ.

Онъ тихо плылъ съ добычей по рѣкѣ,
Юрата шла за нимъ, полна печали...
Какъ долго бились рыбки на пескѣ!
Какъ тяжело на солнцѣ засыпали!

— О, злой рыбакъ! Надъ гладью тихихъ водъ
— Имъ не играть подъ вечеръ, въ часъ заката!
— Въ полдневный зной ихъ больше не найдетъ
— Среди камней у берега Юрата!

— О, злой рыбакъ! Но... если ты къ скаламъ
— Опять придешь съ лукавыми сѣтями?
— Нѣтъ, ни за что! Я рыбокъ—не отдамъ...
— Мнѣ власть дана надъ этими водами.

— Царица я. Здѣсь знаютъ власть мою...
Она встаетъ, темнѣютъ въ гнѣвѣ очи...
— Готовьте мнѣ янтарную ладью
— Вы, дѣвы водъ, и ждите темной ночи!

— Мы пѣснями заманимъ рыбака,
— Но не пойдетъ онъ въ теремъ мой подводный,—
— Среди зыбей холоднаго песка
— Уснетъ на вѣкъ онъ, блѣдный и холодный...

Царица водъ рѣшила выполнить угрозу. Она прибыла къ прибрежной хатѣ рыбака, но пѣсни своей не допѣла.

Она молчитъ. Ей измѣнилъ языкъ.
Лукавой пѣсни звуки смокли сами.
Съ своей ладьи на берегъ сквозь тростникъ
Она глядитъ тревожными очами.

Какъ онъ хорошъ, красавецъ молодой!
Какимъ огнемъ его глаза сверкаютъ!
Нѣтъ, дѣвы водъ подъ темною волной
Такихъ огней, такой любви не знаютъ.

Въ его глазахъ—и думы и печаль.
Въ его любви—его душа пылала.
О, какъ его Юратѣ стало жаль!
Какъ сердце въ ней о немъ затосковало!

Нѣтъ, не рыбакъ—она къ нему придетъ,
Пройдетъ сквозь ночь на берегъ легче тѣни!
— «Рыбакъ, я здѣсь»... И предъ царицей водъ
Рыбакъ упалъ въ восторгѣ на колѣни.

Всю ночь они сидѣли надъ рѣкой.
Костеръ погасъ и звѣзды меркнуть стали,
Когда ушла въ подводный теремъ свой
Царица водъ въ томленьи и печали.

И съ той поры, лишь только на рѣкѣ
Въ вечерней мглѣ погаснетъ лучъ заката,
По лону водъ въ янтарномъ челнокѣ
Спѣшитъ къ рѣкѣ влюбленная Юрата.

———

Какъ ночь любви для счастья коротка!
Какъ сонъ любви смежаетъ нѣгой очи!
Проснулся лѣсъ, слышнѣй шумитъ рѣка,
Звенитъ прибой, рѣдѣетъ сумракъ ночи.

Давно спѣшитъ румяная Заря
По лону водъ тревогою объята.
Вонъ тамъ на днѣ дворецъ изъ янтаря...
— Перкунъ идетъ! Ты слышишь-ли, Юрата?

Но теремъ пустъ. Давно привѣтъ Зари
Въ прозрачной мглѣ несется безъ отвѣта,—
Давно горятъ и блещутъ янтари,
Сквозитъ волна подъ заревомъ разсвѣта.

Идетъ Перкунъ въ лазури голубой.
Въ его лучахъ все блещетъ, все проснулось.
Въ его лучахъ въ подводный теремъ свой,
Закрывъ лицо, царица водъ вернулась

Онъ видѣлъ все. Онъ вспыхнулъ—гнѣвъ въ очахъ—
Онъ потемнѣлъ—закрылся черной тучей—
Шумитъ гроза—огни на небесахъ—
Тяжелый громъ въ рукѣ могучей—

Тяжелый валъ, какъ молотъ, въ камни бьетъ—
Дрожитъ скала. Раздался тяжкій грохотъ—
Изъ гнѣвныхъ тучъ надъ тихимъ стономъ водъ
Изъ края въ край несется страшній хохотъ.

Дворецъ разбитъ. Обломки янтарей—
Изрыто дно подъ темною скалою...
Тамъ глубоко лежитъ среди камней
Царица водъ, убитая грозою.

И новый громъ пронесся. Въ тяжкой мглѣ
Прошелъ Перкунъ, сверкающій огнями,
И рыбака надъ мертвою къ скалѣ
Онъ приковалъ тяжелыми цѣпями.

———

Съ тѣхъ поръ Перкунъ въ ненастныхъ облакахъ
Передъ собой сѣдыя волны гонитъ,
Съ тѣхъ поръ рыбакъ на темномъ днѣ въ цѣпяхъ,
Какъ дикій звѣрь, подъ грохотъ бури стонетъ.

Балтійскихъ водъ тяжелая волна
Забыла блескъ и солнца, и лазури,—
Съ тѣхъ поръ въ тоскѣ печально ждетъ она
То зимнихъ льдовъ, то долгой гнѣвной бури...

Прибой шумитъ. Въ его сѣдыхъ валахъ,
Какъ много слезъ, холодныхъ слезъ и горя!
Вотъ твой янтарь... На этихъ берегахъ
Онъ лучшій даръ взволнованнаго моря..

„Юрата“ не таитъ въ себѣ особаго внутренняго смысла, какъ таинственно-прекрасный „Графъ Неверъ“. Это—просто пѣснь любви, приносящей даже любовь перваго изъ боговъ, покой и радость необычайнаго владычества надъ лономъ водъ, призыву истинной страсти, истиннаго чувства. Что за дѣло Юратѣ до гнѣва Перкуна, до его громовъ и молній? Она знаетъ, какимъ играетъ огнемъ, но она знаетъ и то, что за мигъ счастья, не торгуясь, можно пожертвовать всѣмъ. На языкѣ людей, въ условіяхъ общежитія, Юрата не заслуживала бы прощенія, но поэтъ перенесъ насъ въ тотъ сказочный міръ, гдѣ богъ солнца и молній ласкается къ равнинѣ водъ, и этимъ онъ поставилъ тезисъ своей поэмы внѣ всякихъ нареканій.

Вы не считаетесь ни съ чѣмъ, кромѣ чувства, въ его неприкосновенности, и вамъ ничто не мѣшаетъ наслаждаться образцовымъ стихомъ поэта и рядомъ красивѣйшихъ плѣнительныхъ образовъ.

Народное преданіе, облеченное въ такую прекрасную форму, сильно запечатлѣвается въ умѣ и воображеніи читателя.

IV.

На первомъ мѣстѣ въ отдѣлѣ „Легендъ и Думъ“ второго сборника, въ самой главѣ книги поставлена поэма „Княгиня Ольга“. Она написана позднѣе другихъ, слѣдующихъ за нею въ той же книгѣ произведеній и, слѣдовательно, выставлена авторомъ впередъ по тому значенію, которое онъ придаетъ этому своему сочиненію.

„Княгиня Ольга“—былина о мести Ольги древлянамъ за смерть Игоря. Былина занимаетъ около тысячи стиховъ. Чтобъ написать такую огромную вещь, надо было много и долго работать надъ изу-

ченіемъ матеріала, надо было проникнуться духомъ нашего былиннаго эпоса, сжиться съ нимъ. Все это авторъ и совершилъ. Онъ любовно ходитъ за своимъ сюжетомъ. Онъ отшлифовалъ свой стихъ, довелъ его до совершенства и—что же? Поэма, на которую потрачено столько силъ и работы, не оставляетъ того впечатлѣнія, котораго, видимо, добивался авторъ.

Самые богатые моменты повѣствованія, способные наиболѣе произвести впечатлѣніе, оставлены авторомъ безъ вниманія. Такъ, напримѣръ, Ольга прибываетъ въ древлянскую землю править тризну надъ Игоремъ, чтобы затѣмъ отдать руку древлянскому князю Малу, какъ она его въ томъ увѣряетъ.

Поэтъ описываетъ, какъ устраивали курганъ для Игоря.

У рѣки сходились двѣ дороги.
Надъ рѣкой, на самомъ раздорожьи
Быть кургану Ольга указала.

Для кургана выровняли мѣсто,
Повалили молодой березникъ
На клину къ рѣкѣ по косогору,
На верху кусты, валежникъ выжгли,
Стали насыпь на верху готовить.—
На гужахъ подкатывали бревна,
На носилкахъ землю подносили,
По краямъ кургана клали камни,
Убивали и ровняли насыпь
И опять горой валили землю.
А когда курганъ до половины
Довели, могилу стали ставить.
Изъ досокъ дубовыхъ крѣпкій помостъ
На дубовыхъ бревнахъ положили,
Полъ тесовый обнесли столбами,
Надъ столбами снова клали бревна,
Чтобъ земля на князя не давила,
Княжій срубъ пескомъ не засыпала.
Срубъ опять землею обложили,
Но досками не закрыли сверху.

Поднялась тогда къ могилѣ Ольга,
Надъ могилой стали тризну править.

Вотъ запѣли дѣвы надъ могилой
Заунывно жалобныя пѣсни,
Съ тихой пѣсней обошли могилу.

А Свенельдъ, дружинники и гридни
У рѣки на лодкѣ обряжали,
Какъ для сѣчи передъ боемъ, князя.
Смутны были сумрачныя лица,
У ладьи никто не молвилъ слова,
Лишь доспѣхъ звенѣлъ порой на князѣ,
Да съ кургана доносились пѣсни.

У кормы въ княжомъ доспѣхѣ князя
На дубовой лавкѣ посадили,
Лодку съ княземъ подняли на плечи
И неспѣшно понесли къ кургану.

А на князѣ былъ шеломъ пернатый,
Красный плащъ надъ темною бронею,—
Онъ рукою въ наручнѣ узорномъ
На плечѣ держалъ копье, какъ воинъ,—
Щитъ и мечъ у ногъ его лежали,
Лукъ походный въ налучнѣ богатомъ,
А въ колчанѣ стрѣлы на запасѣ.
А на лодку былъ уложенъ парусъ,
Въ лодкѣ снасти были наготовѣ,
У уключинъ струганыя весла,
Подъ рукою княжій стягъ багряный.

Пѣли дѣвы жалобныя пѣсни,
Обходили съ пѣснями могилу.

Но гдѣ же нашли кіевляне трупъ своего князя и какъ это совершилось? По лѣтописному сказанію, Игорь былъ привязанъ ногами къ вершинамъ двухъ согнутыхъ другъ къ другу деревьевъ, которыя разорвали князя, выпрямившись. Ольга къ поэмѣ узнаетъ о кончинѣ Игоря отъ древлянскихъ посланцевъ, пришедшихъ съ Припети къ Кіеву. Затѣмъ она сама, уже вверхъ по теченію Днѣпра и Припети, т. е. еще медленнѣе, идетъ въ древлянскую землю. Тутъ, можетъ быть, и двѣ, и три недѣли прошло. Какъ же могъ разорванный трупъ Игоря сохраниться въ такомъ состояніи, что его можно было облачать въ доспѣхи и нести въ сидячемъ положеніи?

Лѣтописное сказаніе, могутъ возразить намъ, не обязательно для поэта. Не упрекаетъ же никто Шиллера въ томъ, что онъ заставляетъ Іоанну д'Аркъ умереть подъ знаменами, вмѣсто исторической смерти на кострѣ. Но дѣло въ томъ, что весь ходъ развитія драмы объ „Орлеанской дѣвѣ“ исключалъ такую большую подробность ея жизни, какъ судъ надъ нею и казнь. Оставалось или окончить драму, оставивъ Іоанну въ живыхъ, что не соотвѣтствовало бы всему Шиллеровскому построенію, или дать произвольный исходъ ея жизни.

Такъ и тутъ: поэтъ, плѣненный картиной тризны надъ Игоремъ, рѣшившій измѣнить и самый видъ Ольгиной мести, по сравненію съ лѣтописью, могъ описать намъ, по своему усмотрѣнію, кончину Игоря. Тогда мы не спорили бы, но если намъ объ этой кончинѣ ничего не говорятъ, то мы принуждены довольствоваться лѣтописнымъ сказомъ. А между тѣмъ, указать на то, гдѣ находился трупъ Игоря и какъ нашли его, было бы полезно хотя бы для того, чтобы

не лишить читателя драматической картины предстоянія Ольги передъ найденнымъ трупомъ.

Все это авторомъ опущено, драматическое положеніе скомкано. Автора болѣе плѣняла внѣшняя картина погребенія, чѣмъ ея драматическій смыслъ.

Этой погоней за внѣшностью, за излюбленными подробностями древнихъ языческихъ ритуаловъ слѣдуетъ объяснить и другія тяжелыя длинноты поэмы.

Вотъ, напримѣръ, сцена добыванія огня старцемъ-жрецомъ, запрашивающимъ боговъ о судьбѣ Игоря, когда она еще неизвѣстна.

Вѣщій старецъ сталъ костеръ готовить.
Бралъ онъ хворостъ, бралъ сухой валежникъ,
Клалъ на камень можжевельникъ желтый,
Путалъ лыкомъ сломленные сучья,
Надъ костромъ махалъ мечемъ желѣзнымъ,—
Сѣлъ на камень, въ выдолбленный желобъ
На полѣнѣ изъ сухой осины
Опустилъ концомъ точенымъ палку,
Листьевъ вдоль по жолобу насыпалъ,
Все полѣно обхватилъ ногами,
Наклонился, грудью легъ на палку
И запѣлъ, къ Сварожичу взывая.

Съ визгомъ палка ходитъ по полѣну,
Все сильнѣе налегаетъ старецъ,
Все поетъ, надъ жолобомъ согнувшись,—
Обрываясь, замираетъ голосъ,
Но опять Сварожича онъ кличетъ,
Выжимаетъ пламя изъ осины.

Разметались волосы сѣдые,
Дикимъ блескомъ загорѣлись очи,
Хрипнетъ голосъ, притомились руки.—
Но дымокъ по желобу дымится,
Но края на желобѣ чернѣютъ,
Но на листья полетѣли искры,

Только въ листьяхъ показалось пламя,
Старецъ взялъ смолистый можжевельникъ,
Распалилъ, разжегъ его на листьяхъ,
Высоко надъ головою поднялъ,
Поднимаясь къ жертвенному камню,—
И запѣлъ, къ Сварожичу взывая.

Это очень хорошо написано, очень картинно, но это заслоняетъ драматизмъ момента, сводя его на мелкія техническія ухватки жреческихъ гадательныхъ пріемовъ.

И эти нудныя строки написаны тѣмъ же перомъ, которымъ такъ прекрасно, въ самомъ началѣ былины изображена тревога Ольги, не имѣющей вѣстей отъ мужа. Приводимъ эту первую главу былины.

Блѣдный мѣсяцъ прячется за тучи,
Буйный вѣтеръ стонетъ по дубравѣ,
Днѣпръ сердито подъ горой грохочетъ,
Ночь идетъ,—но въ теремѣ высокомъ
Отъ окна княгиня не отходитъ,
Подъ окномъ всю ночь тоскуетъ Ольга.

«Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, ладо милый,
Гдѣ ты рыщешь съ удалой дружиной?
Гдѣ сбираешь дани и оброки?
Аль забылъ про Кіевъ и княгиню?
Ахъ, во мнѣ все сердце истомилось:
Люты нравомъ дикіе древляне,
По лѣснымъ болотамъ, словно звѣри,
Притаились, прячутся въ берлогахъ,
На тебя они давно лютуютъ,
Ты же ихъ не бережешься, княже.
Страшно мнѣ,—чего, сама не знаю:
Чуетъ сердце—быть бѣдѣ великой.
Знай, гдѣ ты,—давно-бъ гонцовъ послала,
Не гонцовъ,—сама бы снарядилась,
Посадила на ладьи дружину,
Лучшихъ гридней, витязей могучихъ,
И къ тебѣ помчалась бы на встрѣчу,
Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, ладо милый».
Просыпались, щебетали птицы,—

Но не счастье, не добро сулили.
Мчатся тучи, закрываютъ мѣсяцъ,
Буйный вѣтеръ стонетъ, завываетъ,
Гнутся липы, обступаютъ теремъ,
Надъ окномъ нагнувшись, что-то шепчутъ,
Будто знаютъ жалобныя вѣсти,
Да сказать княгинѣ ихъ не могутъ.

Вдругъ сквозь вѣтеръ глухо ухнулъ филинъ,
Словно лѣшій гулко зааукалъ,
Дикій хохотъ поднялъ по дубравѣ
И опять отъ вѣтра затаился.
Отшатнулась, поблѣднѣла Ольга:
«Что ты, птица вѣщая, пророчишь?
Чѣмъ грозишь? Кому бѣду сказала?»

Отбѣжали, разорвались тучи,
За туманомъ показался мѣсяцъ,
Не дрожитъ, не гнется стройный тополь,
Притаился за горою вѣтеръ.
То не вѣтеръ застоналъ надъ ивой,
То не тучи въ небѣ загудѣли,
Старый песъ завылъ на княжій теремъ
Отъ воротъ съ высокаго порога.
Отъ окна, шатаясь, въ дальній уголъ

Въ вѣщемъ страхѣ отошла княгиня,
Притаилась, ждетъ, на окна смотритъ,
Тихо шепчетъ: «Охъ, не даромъ воетъ
Старый песъ на теремъ отъ порога!»

Затихалъ далеко буйный вѣтеръ,
Съ неба ночь, блѣднѣя, уходила,
Пѣтухи пропѣли предъ зарею,
Только слышитъ на разсвѣтѣ Ольга—
Затрещала матица надъ дверью,
Поднялась и тихо опустилась.

«Это смерть стучится въ княжій теремъ,—
Съ тихой скорбью Ольга прошептала.—
«Это смерть. Охъ, живъ ли ты, мой княже,
Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, милый ладо»?

Въ этомъ отрывкѣ авторъ собралъ тоже старыя вѣрованія, старыя примѣты, но не съ добросовѣстной щепетильностью засохшаго археолога, а съ вдохновеніемъ поэта. Крикъ филина, вой собаки, трещащая матица надъ дверью, эти три предупрежденія о бѣдѣ среди мрачной бурной ночи, сразу вводятъ читателя въ драматизмъ положенія Ольги, наполняютъ душу тревогой, создаютъ настроеніе (если ужъ неизбѣжно помянуть это опошленное за послѣднее время слово). А далѣе идетъ все слабѣе и слабѣе и впечатлѣніе не только не нарастаетъ, а какъ бы разжижается, слабѣетъ. Не спасаетъ поэму и ея конецъ, изображающій торжество Ольги, послѣ мести, когда древляне изрублены на тризнѣ.

И съ кургана видѣла княгиня,
Какъ мечи и топоры сверкали
За курганомъ на лугу зеленомъ,
У рѣки на берегу песчаномъ,
Подъ кустами въ рощѣ, у дороги...

Кровью выкупъ отдали древляне,—
Кто пришелъ, домой не воротился,
Всѣ остались на кровавой тризнѣ.

Догорало за горою солнце,
На низинахъ у рѣки стемнѣло,
Поползли туманы надъ землею,
А заря послѣдними лучами
Озаряла Ольгу на курганѣ.

Словно къ небу въ пламени багряномъ
Надъ землею Ольга поднималась.
Съ головы свалился княжій обручъ,
Расплелись, по вѣтру бьются косы,
Красный плащъ съ плеча назадъ отброшенъ,
Руки къ небу подняты высоко,
Въ небо смотрятъ вспыхнувшія очи,
И далеко звонкій ясный голосъ

По ночнымъ туманамъ отдается:
«Васъ зову, васъ заклинаю, боги.
Я клялась—и я сдержала клятву.
Вотъ курганъ. Подъ нимъ въ могилѣ Игорь.
Кровью я за кровь его отмстила.
Слава—мнѣ. Вамъ въ небѣ—радость, боги».

По щитамъ дружинники и гридни
Съ грознымъ гуломъ копьями стучали,
Снизу старцы подходили къ Ольгѣ,
До земли предъ нею преклонялись,
На колѣни становились дѣвы.
Цѣловали край ея одежды
И далеко радостные клики
Отдавались по ночнымъ туманамъ:
«Слава Ольгѣ, кіевской княгинѣ!..
Слава, слава—мстительницѣ Ольгѣ!.
Вѣщей Ольгѣ—слава, слава, слава!..»

Утративъ правильно взятый тонъ съ второй главы, авторъ уже не могъ вновь найти его. Поэтому и послѣдняя картина лишена той былинно-классической простоты, которою дышетъ начало поэмы. Автора манила эффектная фигура мстительницы-Ольги на вершинѣ кургана, озаренная лучами заката. Онъ поставилъ ее передъ зрителемъ очень хорошо, но далѣе идти не смогъ. Зовъ Ольги къ богамъ, привѣтъ дружины княгинѣ-мстительницѣ—все это вышло театрально, но не былинно. И, правду нужно сказать, и бутафорія-то неважная оказалась.

Этотъ отзывъ не исключаетъ прелести отдѣльныхъ мѣстъ поэмы и большого умѣнія автора въ изложеніи перипетій избранной имъ драмы. Недостатки же поэмы подтверждаютъ, сдается намъ, справедливость нашего сужденія о томъ, что Н. М. Соколовъ прежде и больше всего—поэтъ лирическій, какъ оно и будетъ видно изъ тѣхъ мѣстъ его „Дневника“, которыя мы приведемъ далѣе.

V.

Такъ какъ ходомъ изложенія мы дошли до недостатковъ автора, то докончимъ уже этотъ вопросъ, дабы имѣть возможность къ нему не возвращаться.

Н. М. Соколовъ очень любитъ фигуру повторенія. Иногда это выходитъ очень красиво, но почти нѣтъ ни одного сколько-нибудь длиннаго произведенія автора, гдѣ бы эта повторительная фигура не появлялась. По внѣшности, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, оно не вредно, но при прочтеніи цѣлаго ряда сочиненій привычка эта напоминаетъ какъ бы особое подергиванье (тикъ) лица, которое,

правда, оставляетъ въ вашей памяти навсегда извѣстныя черты, но не способствуетъ ихъ привлекательности.

Приведемъ хорошій примѣръ этой повторительной фигуры. Беремъ его изъ поэмы „Мелхола" (первый сборникъ), посвященный тому случаю, когда жена Давида, дочь Саула, Мелхола, возмутилась духомъ, видя пляску царя-псалмопѣвца передъ кивотомъ завѣта.

За толпой толпы народа,
Путь усыпанъ весь цвѣтами,
Вѣютъ пальмы и оливы
Высоко надъ головами...

За толпой толпы народа,
Ожиданьемъ блещутъ взоры,
Все слышнѣе за горою
Клики, музыка и хоры...

Рогъ звучитъ, труба запѣла,
Громъ кимваловъ, крикъ привѣта,
Надъ толпой несутъ левиты
На плечахъ кивотъ Завѣта...

За толпой толпы народа
Къ городскимъ бѣгутъ воротамъ,
Плачутъ флейты, стонутъ бубны,—
Пляшетъ царь передъ кивотомъ...

Пляшетъ царь передъ кивотомъ,—
Стонутъ нѣжныя цѣвницы,
Тяжело гремятъ кимвалы,—
Пляшетъ царь безъ багряницы...

Пляшетъ царь передъ кивотомъ,—
Безъ конца восторгъ въ Сіонѣ,
Отстегнувъ алмазный поясъ,
Пляшетъ царь въ одномъ хитонѣ...

Пляшетъ царь передъ кивотомъ,
Пѣсней праздникъ славятъ хоры,—
Умиленьемъ и восторгомъ
Блещутъ женъ Давида взоры...

Серебристый женскій лепетъ,
Переливный жемчугъ смѣха,
Звонъ цѣпочекъ и браслетовъ
Далеко относитъ эхо...

Но, надменно сдвинувъ брови,
Гордо выгнувъ станъ высокій,
Отъ окна ушла Мелхола,
Завернувшись въ плащъ широкій....

Тутъ повтореніе — „Пляшетъ царь передъ кивотомъ" чрезвычайно придаетъ картинность всему изображенію, но злоупотреблять этимъ пріемомъ, настаиваемъ, не слѣдуетъ.

Заговоривъ о „Мелхолѣ", не можемъ удержаться отъ желанія привести выдающіяся строфы этой поэмы, при встрѣчѣ Мелхолы

съ Давидомъ, по его вступленіи во дворецъ, послѣ пляски передъ кивотомъ.

— О, Давидъ, съ какимъ восторгомъ
Мы тебя сегодня ждали!
Нѣтъ, такой чудесной пляски
До сихъ поръ мы не видали!

— На потѣху черни грубой
Предъ рабынями, въ Сіонѣ,
У дворца плясалъ сегодня
Царь-плясунъ въ одномъ хитонѣ!

— Царь-плясунъ, шутовъ великихъ
Меркнетъ слава предъ тобою!
Легче всѣхъ тимпанъ тяжелый
Ты несешь надъ головою!—

Вздрогнулъ царь, подъ гнѣвной бровью
Словно молнія сверкнула...
— Знай, сегодня первый праздникъ
Нашей славы, дочь Саула!..

— Помни, твой отецъ не сыну
Отдалъ скипетръ и корону!
Я иду при звукѣ трубномъ
Властелиномъ по Сіону!..

— Домъ мой, знай, великъ и славенъ,
Дочь Саула, не тобою!
Захочу я—и рабыню
Царской мантіей покрою!

— Не унизитъ нашей славы
Въ этотъ день твоя обида!
Самъ Господь надъ вашимъ домомъ
Возвеличилъ домъ Давида!—

— Царь, судить о славѣ новой,
Дочь Саула, я не смѣю!..
Я сегодня любовалась
Ловкой пляскою твоею...

— Изъ семьи Саула, знаю,
Я одна въ живыхъ осталась.
На обломкахъ нашей славы
Ваша слава создавалась...

— Только помни, царь Сіона,
Что Мелхола не забыла,
Какъ Давида дочь Саула
Въ бѣдномъ воинѣ любила!..

Помнишь ночь? Отца клевреты
Наши двери сторожили...
Знала я, убить Давида
Во дворцѣ въ ту ночь рѣшили...

— Крѣпко дверь копьемъ задвинувъ,
Я твой плащъ съ моимъ связала

И одна тебя впотемкахъ
За окно въ ту ночь спускала.

— На постели нашей куклу
Я покрыла козьимъ мѣхомъ,
Свѣтъ зажгла и смѣло вышла
Я къ врагамъ твоимъ со смѣхомъ...

— Такъ Давида отъ погони
Укрывала дочь Саула!
Такъ отца въ ту ночь Мелхола
Ради мужа обманула!..—

— А потомъ другого мужа
Ты нашла и полюбила!..
Одолѣвъ враговъ, я силой
Взялъ теба отъ Фалтіила!—

— Такъ зачѣмъ же ты, безумецъ.
Посылалъ вождей за мною?
Въ день разлуки бѣдный Фалтій
Горько плакалъ надъ женою!..

— Весь въ слезахъ, за колесницей
Онъ бѣжалъ до Варакима,
На меня смотрѣлъ и плакаль,
Плакалъ Фалтій, сынъ Селима...

— Слушай, гордый царь Сіона!..
Въ Варакимѣ я не знала,
Что тогда на скомороха
Фалтіила я мѣняла!

Но въ той же Мелхолѣ мы имѣемъ возможность отмѣтить и еще одинъ недостатокъ автора: неудачность нѣкоторыхъ образныхъ изображеній. Описывая восходъ солнца въ ночь смерти Мелхолы, авторъ говоритъ: „Словно кровь на перламутрѣ, предъ зарей востокъ алѣетъ...“ Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ можно видѣть „кровь на перламутрѣ“ и что собственно изъ такого зрѣлища можетъ произойти: на скользкой поверхности перламутра кровь будетъ скатываться каплями и уже никогда не будетъ похожа на полымя восхода въ предутреннихъ облакахъ. Такой картины авторъ увидать не можетъ, такое сравненіе само не можетъ родиться: его нужно сочинить и авторъ его сочинилъ, при томъ весьма неудачно.

Онъ вообще не свободенъ отъ подобнаго явленія, всегда искупаемаго, впрочемъ, до нѣкоторой степени красотою изложенія.

Въ ряду поэмъ Н. М. Соколова видное мѣсто занимаетъ поэма о „князѣ Данилѣ Мышецкомъ“, геройски погибшемъ послѣ взятія Яномъ Казиміромъ Вильны, гдѣ князь былъ воеводою.

Приводимъ встрѣчу плѣннаго князя съ королемъ польскимъ:

Въ старой Вильнѣ шумно ляхъ ликуетъ,
Клиръ поетъ Te deum по костеламъ,
Польскій круль побѣду торжествуетъ,
Плѣнныхъ ждетъ на праздникѣ веселомъ.

Въ соболяхъ король выходитъ въ сѣни,
Шутитъ круль съ вельможными гостями...
Алой тканью устланы ступени,—
Кресла, лавки убраны коврами...

Сѣлъ король. Кругомъ толпы народа.
Вѣютъ флаги. Нѣтъ конца знаменамъ...
Вотъ идетъ подъ стражей воевода,
Князь Данила, къ королю съ поклономъ.

Стихли трубы... чуть звенятъ оковы...
Ждетъ король. Кругомъ толпа застыла.
Молча смотритъ, блѣдный и суровый,
У крыльца на круля князь Данила.

Что-же онъ? Не гнется шея, что-ли?
Не боится плахи и полона?
Что не проситъ милости и воли,
Головы жалѣетъ для поклона?

«Плѣнникъ нашъ, князь Мышецкій,—предъ нами,
Сдвинувъ брови, молвилъ круль сурово,—
«Скупъ на просьбы, не богатъ рѣчами,
«Хоть сегодня—не за нами слово...

«Или князь отъ насъ боится мести?
«Оробѣлъ? Стыдится за оковы?
«Пусть онъ проситъ.. Ради ратной чести
«Мы его помиловать готовы...

«Отъ тебя,—князь молвилъ,—что мнѣ плаха?
«Мнѣ, король, не въ честь твоя награда!
«Въ полону мнѣ отъ собаки-ляха
«Кромѣ казни—ничего не надо».

Вздрогнулъ круль. «Такъ вотъ какое слово
«Ты предъ нами молвилъ безъ боязни!
«Отъ собаки?..»—крикнулъ круль сурово...
«Казни ждешь?—Такъ жди-же лютой казни!»

Мила и граціозна поэма „Пѣсня Инесы“, исторія молодой пѣвуньи-испанки, виноватой только въ томъ, что она всѣхъ чаровала своей пѣснью, настолько чаровала, что святая инквизиція заподозрѣла тутъ чары ада. Инесу повлекли въ застѣнокъ, но кардиналъ ди Саградо нашелъ выходъ. Инеса взята имъ для покаянія на его виллу. Тамъ она и кается.

На пологомъ спускѣ къ морю,
Надъ лазурными волнами
Вся въ рѣзныхъ балконахъ вилла
Притаилась за садами.

На аллеи тѣнь бросаютъ
Въ полдень дубы и каштаны,

Чуть звеня, алмазной пылью
Разсыпаются фонтаны.

Здѣсь, свой духъ постомъ смиряя,
Заперлась отъ насъ Инеса:
Каждый вечеръ ди-Саградо
Изъ нея гоняетъ бѣса.

Въ этомъ очень трудномъ дѣлѣ
Старый мастеръ ди-Саградо.
Здѣсь, конечно, много силы
И припасовъ разныхъ надо.

Каждый вечеръ осликъ умный
Важно шествуетъ по склону,
Каждый вечеръ онъ подходитъ
Съ новой ношею къ балкону:

Книги въ толстыхъ переплетахъ,
Серьги, кольца и браслеты,
Желтый ладонъ, ароматы,
Тамбурины, кастаньеты,

Ткани, шелкъ, щипцы, кораллы,
Власяницы и вериги,
Аликанте въ узкихъ фляжкахъ,
Фрукты, сласти, снова книги,

Вѣера, бичи, мантильи,
Гвозди, цѣпи, жемчугъ старый
И съ серебряной рѣзьбою
Въ лентахъ шелковыхъ гитары.

У ограды подлѣ виллы
Я люблю бродить порою:
Каждый вечеръ чья-то пѣсня
Раздается за стѣною.

Гдѣ я слышалъ эту пѣсню?
У Инесы?.. Или... Гдѣ же?
И мотивъ... какъ будто тотъ же,
И слова какъ будто... тѣ же..

Въ свои „Юмористическіе наброски“ второго сборника Н. М. Соколовъ включилъ балладу „Страшный Дука“. Баллада эта не разъ была читана на литературныхъ собраніяхъ и всегда съ большимъ успѣхомъ, вызывая оживленный смѣхъ. По темѣ это таже „Принцесса Греза“ Ростана навыворотъ. Страшный Дука, ди Буяно влюбился въ Эльвиру, о которой пѣла ходившая изъ страны въ страну красивая пѣсня. Не зная, гдѣ найти Эльвиру фонъ деръ Роза, о которой поетъ пѣсня, онъ отправился къ старому вѣдуну-капеллану въ Кельнъ. Отъ дряхлости старикъ напуталъ и направилъ Дуку не къ красавицѣ, а къ уроду Эльвирѣ фонъ деръ Рожа. Дука бѣжалъ отъ нея съ ужасомъ и все сидитъ въ Кельнѣ, топитъ свое горе въ пивѣ.

Въ поэмѣ прекрасно мѣсто, посвященное прибытію Дуки къ замку воображаемой красавицы.

Май убралъ весь лугъ цвѣтами,
Старый Рейнъ веснѣ смѣется,
Яснымъ утромъ въ чистомъ небѣ
Пѣсня жаворонка льется,

Свѣжей зеленью покрыты
Всѣ поля по горнымъ склонамъ,
Все живетъ въ лугу и въ полѣ,
Все живетъ въ лѣсу зеленомъ,

Все живетъ, все жизнью дышитъ,
Всюду радость и тревога...
Третій разъ гремитъ у замка
Звукъ серебрянаго рога.

Звонкій рогъ бросаетъ трели,
Словно жемчугъ, надъ рѣкою,—
Какъ имъ звучно вторитъ эхо
За зеленою горою!

Изъ-за сосенъ въ волны Рейна
Грозно смотритъ замокъ темный...
Вновь трубитъ оруженосецъ,
Чтобъ спустили мостъ подъемный,

Вновь трубитъ оруженосецъ,—
А за нимъ въ кольчугѣ ратной,
Натянувъ поводья, смотритъ
На бойницы рыцарь статный.

Чудный конь подъ нимъ играетъ,—
Вся въ гербахъ его попона.
Надъ гербами ярко блещетъ
Золотымъ шитьемъ корона.

Рыцарь ждетъ, поднявъ забрало,
Блещутъ латы боевыя,
Надъ узорнымъ шлемомъ вѣютъ
Перья страуса цвѣтныя.

Конченъ путь: тамъ волны Рейна,
Здѣсь надъ Рейномъ замокъ темный..
Вотъ скрипятъ въ воротахъ цѣпи,
Опуская мостъ подъемный,

Вотъ за рвомъ въ желѣзной рамкѣ
Тяжело гремятъ засовы,
Тяжело въ желѣзо моста
Бьютъ желѣзныя подковы.

Хороша и встрѣча герцога съ красавицей, оказавшейся уродомъ

Появилась... Громъ и буря:
Ахъ, на что она похожа!
Предъ тобой безсильно слово,
О Эльвира фонъ деръ Рожа!

На челѣ ея высокомъ...
Только нѣтъ его, чела-то,
Подъ огромной рыжей шапкой
Головы ея лохматой...

Ожерелье къ шейкѣ бѣлой...
Но о шейкѣ нѣтъ и рѣчи:
Голова ея безъ шеи
Уходила прямо въ плечи.

На лицѣ... Но развѣ можно
Звать лицомъ лицо такое?
Фонъ деръ Рожа—это имя
Было имя роковое.

Стройный станъ, узорный поясъ...
Эхъ, когда бы это было!
Восемнадцатымъ фонъ Рожей
Тяжела она ходила!

На пришельца фонъ деръ Рожа
Ястребинымъ смотритъ окомъ,
Стиснувъ зубы, въ гнѣвѣ лютомъ...
Наступаетъ грозно бокомъ,

Въ узкихъ щелкахъ глазки злые
Мечутъ искры, душатъ ядомъ...
Ахъ, и жутко, и неловко
Подъ такимъ недобрымъ взглядомъ!

Кулаки вотъ такъ и ходятъ,
Такъ и рдѣетъ въ гнѣвѣ кожа,
Словно къ ней пришелъ не Дука,
А ея супругъ, фонъ Рожа.

Обалдѣлъ суровый герцогъ,
Зашатался страшный Дука,
Отъ Эльвиры фонъ деръ Рожа
Прыснулъ, какъ стрѣла изъ лука,—

Рвъ у замка онъ, какъ заяцъ,
Перепрыгнулъ безъ оглядки,
Только быстро засверкали
Въ золоченыхъ шпорахъ пятки.

Тщетно звалъ оруженосецъ
И кричалъ ему: куда ты?
Мчался вихремъ Страшный Дука,
На бѣгу теряя латы.

Герцогъ кончилъ скверно:

Говорили, что Буяно,
Полный нечисти и скверны,
Въ старомъ Кельнѣ у кладбища
Не выходитъ изъ таверны.

Ровно въ полдень онъ приходитъ
Мрачно, гордо, молчаливо
И одинъ въ углу укромномъ
До полночи тянетъ пиво.

Передъ полночью, весь красный,
Онъ ворочаетъ глазами,
Ровно въ полночь въ столъ дубовый
Онъ колотитъ кулаками.—

Стукнетъ, встанетъ, захохочетъ,
Громко крикнетъ: «вотъ такъ штука!»
— Маху далъ суровый герцогъ,
— Ди Буяно, Страшный Дука!

Тутъ есть и юморъ въ перемежку съ поэмой и весь рисунокъ напоминаетъ тѣ безподобныя иллюстраціи, которыми Густавъ Доре обильно снабдилъ „Contes drôlatiques“ Бальзака, „Донъ Кихота“ Сервантеса и „Гаргантюа“ и „Пантагрюэля“ Рабелэ.

Но все это погублено прискорбною попыткою каламбурить по-русски въ произведеніи, посвященномъ жизни другихъ странъ. Имя Дуки—ди Буяно, указывающее на его буйность и каламбуръ „фонъ деръ Роза“ и „фонъ деръ Рожа“,—какъ это тяжело, неуклюже, какъ это топорно-грубо! Хоть подумалъ бы авторъ, что благодаря этимъ вовсе ненужнымъ каламбурамъ самаго дурного тона, онъ дѣлаетъ, напримѣръ, невозможнымъ передачу своего произведенія на иной языкъ.

Столь же безвкусный пріемъ былъ уже однажды употребленъ Кокошкинымъ при переводѣ Мольеровскаго „Мизантропа“. Желая показать крутость нрава мизантропа-Альсеста и мягкую уступчивость его пріятеля Филинта, онъ перваго наименовалъ Крутономъ, а второго Людмиломъ. Но Кокошкину и Богъ проститъ. Онъ жилъ въ тѣ времена, когда дѣйствующихъ лицъ называли по ихъ свойствамъ, когда еще не отжилъ вѣкъ философскихъ бесѣдъ „госпожи Добронравы“, но г-нъ-то Соколовъ, имѣющій такой богатый запасъ средствъ и такіе признаки истиннаго вкуса, ужели можетъ находить забавнымъ каламбуръ „Розы“ и „Рожи“?

VI.

Сильные стихи Н. М. Соколова, написанные въ бурное время войны и внутреннихъ смутъ, хорошо извѣстны читателямъ „Русскаго Вѣстника“ и намъ нѣтъ нужды говорить о нихъ.

Читатели знаютъ ихъ захватывающую силу и должны помнить ее.

Переходимъ къ лирическимъ произведеніямъ нашего автора, между которыми встрѣчаются истинные перлы.

Оговариваемся напередъ: лирическія произведенія Н. М. Соколова представляютъ такой богатый матеріалъ мыслей и чувствованій, что въ краткой замѣткѣ нашей мы, волей-неволей, не можемъ

потщиться дать о немъ послѣдовательный, шагъ за шагомъ, отчетъ, тѣмъ менѣе можемъ мы систематизировать этотъ большой матеріалъ. Придется ограничиться указаніями лишь на нѣкоторыя изъ произведеній, встрѣчающихся въ обоихъ сборникахъ.

Для любителя поэзіи лирика Н. М. Соколова легко можетъ стать одной изъ настольныхъ книгъ. У него такъ много отзвуковъ на разнообразнѣйшія движенія души, что тотъ, кто умѣетъ читать и перечитывать стихи, умѣетъ привыкнуть къ поэту,— тотъ найдетъ въ книгахъ Н. М. Соколова источникъ большого наслажденія.

Для поэтическаго критика изслѣдованіе лирики нашего автора тоже въ высокой степени цѣнно. За послѣднюю четверть вѣка наша поэзія насчитывала или людей партіи, или искателей новыхъ, не существующихъ на самомъ дѣлѣ, путей и Н. М. Соколовъ представляетъ собою во всей этой мглѣ современныхъ поэтовъ счастливое исключеніе. Онъ звучно откликается на всѣ здоровыя, хорошія ощущенія духа. Онъ страдаетъ, радуется, плачетъ, смѣется, не теряя ни мужества, ни здоровой бодрости. Изъ завѣтовъ великаго общаго учителя Пушкина онъ усвоилъ себѣ самый цѣнный — ту жизнерадостную мощь, безъ которой поэтъ рискуетъ сдѣлаться нытикомъ.

Способный отдаваться чувствамъ для которыхъ нѣтъ времени и пространства, Н. М. Соколовъ никогда при этомъ не забываетъ, что онъ—русскій поэтъ. Настоящій гражданскій мотивъ слышится въ его пѣсняхъ. Не тотъ мелко взятый мотивъ, который вызываетъ „размышленія у параднаго подъѣзда“ и растравляетъ душу „кровью на ногахъ“ и „крестомъ на шеѣ“, невидными за платьемъ и обувью.

Н. М. Соколовъ, какъ поэтъ, исповѣдуетъ опредѣленный взглядъ на задачи своего народа, на условія его роста, и это его вѣроученіе проходитъ во всѣхъ его стихахъ, касающихся вопросовъ общественныхъ. Но облечено оно въ такую форму, что не дышетъ прописной моралью, не навязывается читателю, а входитъ въ его сознаніе незамѣтно, сопріобщая его поэту.

Во второмъ сборникѣ стиховъ Н. М. Соколовъ даетъ дневникъ, состоящій изъ восьмистишій. Всѣхъ восьмистишій 149. Это—самая цѣнная часть, на нашъ взглядъ, всего поэтическаго творчества Н. М. Соколова.

За 1903 годъ дневникъ особенно богатъ стихотвореніями. Въ этомъ году, предшествовавшемъ „днямъ тревогъ и печали“ (такъ называется одна изъ частей второго сборника Н. М. Соколова), поэтъ особенно часто обращается къ самому себѣ съ запросами, угнетавшими и всѣхъ въ ту годину. Умѣющіе мыслить и отдающіе себѣ отчетъ въ происходящемъ вокругъ нихъ не могли не чувствовать, что воздухъ полонъ электричества, что готовится нѣчто необычайное. Настроенія общественныя ясно на это указывали людямъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть. Толпа, идущая по теченію, наоборотъ, не замѣчаетъ ни самаго теченія, ни того, куда идетъ оно, куда роковымъ образомъ влечетъ.

Еще въ 1901 году поэтъ уже сознавалъ тревогу минуты. Въ своемъ стихотвореніи „Пророкъ“ онъ говоритъ:

Гряди, Господь! Земля горитъ отъ зною,
Жгутъ хлѣбъ въ поляхъ полдневные лучи,
Поникли пальмы блѣдною листвою,
Въ пескѣ пустынь изсякли всѣ ключи.

По городамъ могилы и темницы,
Не бьетъ фонтанъ на пыльныхъ площадяхъ,
Отъ бѣлыхъ стѣнъ въ испугѣ мчатся птицы,
Усталый мулъ ложится на камняхъ.

Въ людскихъ сердцахъ давно молчитъ тревога,
Безъ слезъ дѣтей несетъ къ могилѣ мать...
У очаговъ—нѣтъ пѣсни, счастья, Бога...
Нѣтъ силы жить, нѣтъ больше силы ждать...

Я съ ночи сталъ на стражѣ надъ скалами.
Я ждалъ, я жду. Ей, Господи, гряди!
Заговори, явись передъ очами,
Пошли Свой дождь и спящихъ разбуди.

Мой зорокъ глазъ, мой чутокъ слухъ прилежный,
Я буду ждать до ночи на скалахъ,—
Заслышу я былинки шорохъ нѣжный,
Завижу тѣнь отъ тучки на волнахъ.

Когда-же вдругъ промчится за горами
Твой первый громъ съ таинственныхъ высотъ,
Я въ міръ сойду съ побѣдными словами:
„Господь простилъ, Господь по мнѣ грядетъ“.

Это настроеніе и мѣшало, быть можетъ, автору отдаться за все время своей поэтической дѣятельности—только поэзіи. Не даромъ онъ начинаетъ второй свой сборникъ стихами, служащими какъ бы посвященіемъ къ нему.

Встрѣчая вечеръ жизни скучной,
Я окна ставнями закрылъ,
Чтобъ сѣрыхъ будней шумъ докучный
Послѣднихъ сновъ не возмутилъ.

Зачѣмъ, безумецъ, въ дни былые
Дѣлилъ я, Муза, не съ тобой,
Мечты и грезы золотыя,
Восторги жизни молодой?

Зачѣмъ я, рабъ постыдной лѣни,
Земнымъ кумирамъ жертвы жегъ?

Зачѣмъ склонить свои колѣни
Предъ алтаремъ твоимъ не могъ?
Приди теперь, чтобъ могъ я снова
Тебѣ молиться и служить,—
Твой каждый звукъ, намекъ и слово
Съ слезами счастья повторить...

Любителямъ поэзіи остается пожалѣть, что Н. М. Соколовъ не столь пристально, какъ бы того желали его читатели, работалъ надъ стихами, но упрека, который ставитъ себѣ авторъ—„зачѣмъ я, рабъ постыдной лѣни, земнымъ кумирамъ жертвы жегъ"— читатель не повторитъ. Вся почти четверть-вѣковая дѣятельность занимающаго насъ поэта не похожа на служеніе „земнымъ богамъ". Въ своихъ стихахъ, какъ въ своихъ историко-философскихъ изслѣдованіяхъ, Н. М. Соколовъ служилъ и служитъ небесному Богу, любви къ родному дѣлу въ его лучшихъ проявленіяхъ.

Беремъ на выдержку нѣкоторое небольшое количество восьмистишій дневника за 1903 годъ, носящихъ на себѣ отблескъ глубокаго поэтическаго проникновенія въ положеніе минуты.

XXVII.

Поруганный кумиръ, поверженный треножникъ,
Давно оставленный, давно забытый храмъ—
Разскажутъ вновь тебѣ, внимательный художникъ,
Что не всегда они могли сказать вѣкамъ.
Теперь забыли ихъ, а прежде къ нимъ ходили,
Учились вѣровать, молиться и любить—
Для новыхъ алтарей ихъ камни положили,
У новыхъ алтарей ихъ не могли забыть.

XLVI.

Для старца міръ широкъ и на землѣ просторно:
Не кончены дѣла, завѣтъ сѣдыхъ вѣковъ,—
За родомъ родъ землѣ работаетъ упорно,
Сбираетъ урожай и ждетъ еще плодовъ.
А молодая мысль не знаетъ этихъ граней
И рвется на просторъ, въ заоблачную даль:
Среди другихъ міровъ, среди другихъ созданій
Ей лучше кажется и радость, и печаль...

LIV.

Не искушай незрѣлыхъ силъ надменно:
Ты не родня высокимъ небесамъ.
Тамъ твой огонь разсѣется мгновенно
И отойдетъ къ немеркнущимъ огнямъ.
Тамъ—высоко—и ночь горитъ огнями,
Здѣсь—на землѣ—все смутно и темно...
Земныхъ огней безсильными лучами
Намъ въ ночь міровъ проникнуть не дано.

LXXXIV.

Вожди ушли, упали стяги,
Забытъ, заброшенъ старый храмъ...
И вотъ въ чаду тупой отваги
Бѣгутъ толпы къ его стѣнамъ.
Разбиты бронзовыя двери,
Летятъ на землю алтари—
И, какъ безсмысленные звѣри,
Хохочутъ въ храмѣ дикари...

LXXXV.

Пусть арфы и лютни на ивахъ
У рѣкъ вавилонскихъ молчатъ,
Зачѣмъ-же на дѣдовскихъ нивахъ
Не старыя пѣсни звучатъ?
Позорно вожди измѣнили
Священнымъ завѣтамъ земли—
И старыя пѣсни забыли,
И новыя къ намъ принесли..

LXXXVI.

Зловѣщимъ призракомъ грядущее стоитъ:
Въ людскихъ сердцахъ вражда, и месть, и злоба зрѣютъ...
Послѣдній лучъ зари въ туманной мглѣ горитъ,
И тучи черныя въ огнѣ кровавомъ рдѣютъ...
И ночью будетъ громъ,—и молніи зажгутъ
Деревни, города, лачуги и чертоги,—
И хлѣбъ въ поляхъ сгоритъ,—и люди побѣгутъ,
Какъ звѣри дикіе, въ трущобы и берлоги...

XCI.

Ночные сполохи огней
Безумца взоры ослѣпляютъ...
Во тьмѣ огни минувшихъ дней
Впередъ дорогу освѣщаютъ.
Пусть блѣденъ ихъ неровный свѣтъ,
Пусть надъ толпою ихъ немного,—
Безъ нихъ впотьмахъ движенья нѣтъ,
И тонетъ въ полной мглѣ дорога.

XCII.

«Мы дѣти солнца, мы идемъ
«Въ ночную мглу съ его лучами,—
«Въ лѣсу мы факелы зажжемъ,
«И мгла разступится предъ нами».
И лѣсъ во мракѣ потонулъ,
И вѣтеръ темными крылами
Взмахнулъ, и факелы задулъ,
И въ ночь помчался съ облаками

XCIII.

Юноша, ты Фаэтонъ, незаконный, но гордый сынъ Феба:
На колесницѣ его хочешь ты солнцемъ летѣть,
Новыхъ дорогъ поискать на просторѣ высокаго неба,
Золотомъ новыхъ лучей землю по новому грѣть?

Съ неба упалъ Фаэтонъ. Геліады надъ нимъ уронили
Желтый янтарь изъ очей въ крупныхъ тяжелыхъ слезахъ..
Старую правду боговъ и для насъ янтари сохранили:
Небо и землю сожжетъ солнце въ неловкихъ рукахъ..

XCIV.

Опять хаоса жрецъ лукавый
Вечерней жадно ждетъ зари,
Чтобы увѣнчанные славой
Разрушить ночью алтари,

Чтобъ утромъ въ бѣдные обломки
Распались храмы дней былыхъ,
Чтобъ одичавшіе потомки
Забыли прадѣдовъ своихъ...

XCV.

Иди впередъ, не бойся ночи,
Не бойся призраковъ ночныхъ:
Привыкнутъ скоро видѣть очи
И безъ огней сторожевыхъ.

Смотри впередъ, смотри далеко:
При блескѣ утренней звѣзды
Ты у могучаго потока
Положишь первые слѣды...

XCVI.

Скучный вѣкъ! Вездѣ пророки,
Слишкомъ много новыхъ словъ,
Новой мудрости уроки
У крикливыхъ мудрецовъ,

И, охвачены заботой —
Новый міру дать укладъ,
Всѣ хотятъ учить кого-то
И учиться не хотятъ...

CI.

Свѣжій вѣнокъ заплеталъ я въ саду, вспоминая Дедала,
Чтобъ сегодня тебя, юный Икаръ, увѣнчать.
Ты собирался давно и теперь твое время настало
Фебу въ лицо посмотрѣть, крылья свои испытать.

Всѣ мы, Икаръ, въ твои годы высоко на крыльяхъ летали
Въ небо совсѣмъ улетѣть часто хотѣлось и намъ...
Солнце сожгло наши крылья, и съ неба давно мы упали,
И не хотимъ улетать мы отъ земли къ небесамъ.

CVII.

За вѣкомъ вѣкъ все глубже, все бѣднѣй
Тревожный сонъ безславныхъ поколѣній.
Для вѣры ихъ—на небѣ нѣтъ огней,
И не для нихъ зажегъ свой факелъ геній.

Для нихъ земля—холодный, мертвый прахъ.
И не живетъ лучистый пологъ неба:
Они идутъ, съ проклятьемъ на устахъ
Склонясь къ землѣ, и злобно ищутъ хлѣба...

CVIII.

Льстивый рабъ побѣды славитъ вѣка,
Мощь его холодныхъ строгихъ думъ,—
Но тоскуетъ сердце человѣка,
И не знаетъ счастья гордый умъ.

Мы въ дорогѣ что-то обронили,
Потеряли что-то на пути:
Тайну счастья прежняго забыли
И не въ силахъ новаго найти.

CXII.

Опять на рынкѣ идолъ новый
И сонмы новые жрецовъ,—
Для нищихъ духомъ богъ готовый,
Достойный храмовъ и вѣнцовъ.

Ему за то людское стадо
Готово жертвы приносить,
Что цѣлый день теперь не надо
Искать, кому и гдѣ служить.

CXIII.

«Въ вѣкахъ былыхъ и не мечтали
«О мощной правдѣ нашихъ думъ;
«Мы всѣ загадки разгадали.
«Намъ все сказалъ нашъ смѣлый умъ»...

Такъ говорили наши дѣды,
Такъ внуки скажутъ въ свой чередъ:
Вѣнчаетъ вѣкъ свои побѣды,
Чужихъ вѣнковъ—не бережетъ...

CXVIII.

Снова тревожнымъ огнемъ у Кассандры глаза засверкали,—
Блѣдная, смотритъ она въ вѣщемъ испугѣ впередъ.
Тайныя рѣчи свои ей суровыя Парки сказали:
Скорбь, и печаль, и бѣду темное время несетъ.

Но сохрани твои тайны, Кассандра, въ молчаньи глубокомъ:
Бѣдная, тяжко тебѣ тайны грядущаго знать!
Смертные люди и боги съ Олимпа не вѣрятъ пророкамъ,
Да и не весело имъ горя и гибели ждать.

CXXIII.

Еще труба не прозвучала,
Еще архангелъ не зоветъ
И Звѣрь, сокрытый изначала,
Бѣды послѣдней не несетъ,—
Но безпокойные пророки,
Чтобъ какъ-нибудь не опоздать,
Послѣдней мудрости уроки
Толпѣ торопятся сказать.

При этомъ небольшомъ сравнительно выборѣ изъ стиховъ дневника, вполнѣ уже возможно увидать, какъ и что чуяло сердце поэта въ годину 1903 года.

Нѣтъ надобности настаивать на чисто пророческомъ значеніи нѣкоторыхъ стиховъ: достаточно прочитать ихъ. Подробнымъ ихъ разборомъ, идя шагъ за шагомъ за авторомъ, мы лишь рисковали бы жемчугъ его поэзіи ослабить нашей слабой прозой.

Въ то время, когда безпокойные пророки торопились сказать толпѣ „послѣдней мудрости уроки", поэтъ подчасъ, какъ Кассандра, въ молчаньи глубокомъ былъ вынужденъ скрывать ясныя для него тайны грядущаго, всю эту драму поверженія алтарей, неразумнаго стремленія въ высь съ участью Фаэтона, весь этотъ „тревожный сонъ безславныхъ поколѣній". У поэта для вѣры были „на небѣ огни", для него земля не была „холоднымъ, мертвымъ прахомъ". Онъ зналъ, что „тайна счастья прежняго забыта и что новаго счастья еще не сумѣли найти".

Читая, мы мало думаемъ и стихи, подобные приведеннымъ, всегда могутъ оказаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Опредѣлительная краткость ихъ вмѣсто того, чтобы сосредоточивать вниманіе слушателя, скользитъ по нему. А жаль. Побольше бы такихъ глаголовъ, жгущихъ сердца людей, побольше бы вниманія къ нимъ, и мысль, не разбѣгаясь и не мѣняясь на мелочи, могла бы идти своею свободною дорогою къ истинной и разумной цѣли.

Лирика Н. М. Соколова не исчерпывается стихами характера тѣхъ, которые мы привели. Мы принуждены ограничиться въ нашихъ длинныхъ выпискахъ, но все же не можемъ удержаться отъ соблазна привести нѣсколько стихотвореній, говорящихъ о чувствѣ любви.

Вотъ одно изъ раннихъ (1884 года—первый сборникъ):

Весь обвѣянъ дыханіемъ ночи,
Весь встревоженъ нежданной мечтой,
Какъ безумный, въ любимыя очи
Я смотрѣлъ съ непонятной тоской...
Въ нихъ, какъ сонъ, новый міръ загорался,
Чуждый горя, заботъ и тревогъ...

И я счастью повѣрить боялся,
И не вѣрить я счастью не могъ...
И въ туманѣ любви обаянья
Вдругъ зажглась предъ ожившей душой
Ядовитая горечь страданья,
Отравившаго умъ молодой...
Все, что сердце безумной тоскою
Безпощадно томило и жгло,
Все, что на сердце ранней порою,
Словно камень тяжелый, легло,—
Все я вспомнилъ... А ночь опьяняла,
Пѣсни чудныя пѣлъ соловей
И, чаруя, мнѣ въ грудь западала
Нѣга вырванныхъ страстью рѣчей..
Новыхъ чаръ непонятная сила
Весь тотъ ледъ, что мнѣ сердце сковалъ,
Словно вешній потокъ, уносила...
Какъ ребенокъ, я вдругъ зарыдалъ...
Сердце всѣмъ пережитымъ рыдало,—
А кругомъ, въ свѣтлой ризѣ луны,
Ночь роскошная страстно дышала,
Навѣвая волшебные сны...

А вотъ, на удачу нѣсколько восьмистишій изъ дневника второго сборника:

XXXIV.

Всей ложью счастья ночь чаруетъ,
Всѣ силы ночи ворожатъ!
Нескромный вѣтеръ не волнуетъ
Зеленой мантіи дріадъ.
Въ аллеѣ лунный блескъ тревоженъ,
Живутъ безмолвные кусты...
И взоръ пугливъ и остороженъ,
Когда съ балкона сходишь ты...

XLIII.

Спѣлая рожь золотистой волной по холмамъ разливалась.
Ты собирала цвѣты, ты завивала вѣнокъ.
Звонко старинную пѣсню ты пѣла и звонко смѣялась,
А подъ горой у рѣки плакалъ печальный рожокъ.
Спой мнѣ опять эту пѣсню, старинную пѣсню, простую..
Я собиралъ для тебя въ полѣ далекомъ цвѣты...
Тамъ я одинъ тосковалъ и теперь я безумно тоскую...
Эти далекіе дни, можетъ быть, вспомнишь и ты?..

XLIV.

Не солнце холоднѣе стало,
Не вѣчный пламенникъ погасъ,
Но сердце сжалось и устало
И утомился жадный глазъ.

*

И ярко все, что было прежде,
И блѣдны новые цвѣты,
И не даютъ огней надеждѣ
Воспоминанья и мечты...

XLV.

Должно быть, вечеръ... Равнодушно
Чужой любви я вижу сны
И не спѣшу мечтой послушной
На голосъ счастья и весны.

Когда вечерними огнями
Зажгутся въ небѣ облака.
Я крику чаекъ надъ волнами
Люблю внимать — издалека...

Не будемъ приводить еще примѣровъ. Для понимающаго поэзію и незнакомаго еще съ лирой Н. М. Соколова и приведеннаго достаточно, чтобы увлечь къ чтенію его „дневника“.

Заключительное восьмистишіе „дневника“ написано передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ второго сборника—12 августа 1905 г. Оно гласитъ какъ бы прощаніе поэта съ лирой:

До лучшихъ дней... Неласково къ намъ небо,
Тяжелыхъ думъ медлителенъ полетъ
Молчитъ струна на звонкой лирѣ Феба
Кастальскій ключъ звенѣть перестаетъ.

Все поднялось. Полны народомъ стѣны.
Горятъ костры сторожевыхъ огней...
Прощай, родникъ кипучей Ипокрены!
Кастальскій ключъ, прощай!.. До лучшихъ дней.

Намъ понятно настроеніе автора. Лира Феба не слышна за взрывомъ бомбъ. Пѣснь теряется въ воѣ толпы... Но это еще не причина умолкнуть. Коли „горятъ костры сторожевыхъ огней“ во вражьемъ станѣ, то и намъ слѣдуетъ быть настороже. На лирѣ Феба не одна струна. На ней и Тиртей нашелъ свои боевыя пѣсни. Владѣющій глаголами молчать не долженъ. Да и не въ однѣхъ боевыхъ пѣсняхъ сила. Когда утомленный борьбою подъ „неласковымъ небомъ“ захочетъ отдохнуть, та же лира поэта дастъ ему отдохновеніе. И въ чистой музыкѣ поэтъ молчать не долженъ, коли онъ точно поэтъ. Источникъ Ипокрены не пересыхаетъ и почитатели поэзіи вправѣ сказать Н. М. Соколову: „пой!“

VII.

Книжки „Русской Мысли“ за іюнь и іюль были задержаны цензурой. Объ этомъ много говорилось въ газетахъ, особенно много говорилось о томъ, что причиною задержанія выхода іюльской книжки была статья графа Льва Николаевича Толстого „Великій грѣхъ“.

Затѣмъ появилось извѣстіе, что задержанныя книжки и статья Толстого разрѣшены. Книжки вышли одновременно обѣ.

Прочитавъ статью знаменитаго нашего писателя, считаемъ долгомъ своимъ принести благодарность главному управленію по дѣламъ печати. Если бы статья была задержана, вокругъ нея сложилась бы легенда, ее разносили бы въ гектографическихъ спискахъ и читали бы, какъ нѣчто необычайное. Выпущенная же въ свѣтъ открыто, лишенная таинственнаго соблазна запрещеннаго плода, статья Толстого, не взирая на глубокую убѣдительность его, доведеннаго до необыкновенной простоты слога, сводится совершенно на нѣтъ. Это, оказывается, одна изъ тѣхъ несообразныхъ грезъ яснополянскаго философа, которыми такъ богата его литературная дѣятельность за послѣднія 25 лѣтъ.

Толстой начинаетъ такъ:

Россія переживаетъ важное, долженствующее имѣть громадныя послѣдствія время:

Близость и неизбѣжность надвигающагося переворота особенно живо, какъ это и всегда бываетъ, чувствуется тѣми сословіями общества, которыя своимъ положеніемъ избавлены отъ необходимости поглощающаго все ихъ время и силы физическаго труда, и потому имѣющими возможность заниматься политическими вопросами. Люди эти дворяне, купцы, чиновники, врачи, техники, профессора, учителя, художники, студенты, адвокаты, преимущественно горожане, такъ называемая интеллигенція, теперь въ Россіи руководятъ происходящимъ движеніемъ, и всѣ свои силы направляютъ на измѣненіе существующаго политическаго строя и на замѣну его инымъ, считаемымъ той или иной партіей наиболѣе цѣлесообразнымъ и обезпечивающимъ свободу и благо русскаго народа. Люди эти, постоянно страдая отъ всякаго рода стѣсненій и насилій правительства, административныхъ ссылокъ, заточеній, запрещеній собраній, запрещеній книгъ, газетъ, стачекъ, союзовъ, ограниченія правъ разныхъ національностей и вмѣстѣ съ тѣмъ живущіе совершенно чуждой большинству русскаго земледѣльческаго народа жизнью, естественно видятъ въ этихъ стѣсненіяхъ главное зло и въ освобожденіи отъ него главное благо русскаго народа.

А между тѣмъ стоитъ только на время отрѣшиться отъ укоренившейся въ нашей интеллигенціи мысли о томъ, что предстоящее Россіи дѣло есть введеніе у себя тѣхъ самыхъ формъ политической жизни, которыя введены въ Европѣ и Америкѣ, будто бы обезпечивающихъ свободу и благо всѣхъ гражданъ, а просто подумать о томъ, что нравственно дурно, въ нашей жизни, чтобы совершенно ясно увидать, что то главное зло, отъ котораго, не переставая, жестоко страдаетъ весь русскій народъ,—зло, которое онъ живо сознаетъ, и о которомъ не переставая заявляетъ, не можетъ быть устранено никакими политическими реформами, какъ оно не устранено до сихъ поръ никакими политическими реформами въ Европѣ и въ Америкѣ. Зло это, основ-

ное зло, отъ котораго страдаетъ русскій народъ, точно также какъ народы Европы и Америки, есть лишеніе большинства народа несомнѣннаго, естественнаго права каждаго человѣка пользоваться частью той земли, на которой онъ родился. Стоитъ только понять всю преступность, грѣховность этого дѣла для того, чтобы понять, что пока не будетъ прекращено это постоянное совершаемое земельными собственниками злодѣяніе, никакія политическія реформы на дадутъ свободы и блага народу, а что напротивъ, только освобожденіе большинства людей отъ того земельнаго рабства, въ которомъ оно находится, можетъ сдѣлать политическія реформы не игрушкой и орудіемъ личныхъ цѣлей въ рукахъ политикановъ, а дѣйствительныхъ выраженіемъ воли народа.

Вотъ эту-то мою мысль мнѣ хотѣлось сообщить въ статьѣ тѣмъ людямъ, которые въ эту важную для Россіи минуту хотятъ искренно служить не своимъ личнымъ цѣлямъ, а истинному благу русскаго народа.

Общая постановка вопроса идеально правильна. Конечно, не въ смѣнѣ учрежденій и не въ политической игрѣ таится ключъ къ рѣшенію вопроса о благѣ народномъ. Онъ таится глубже. Смѣною же учрежденій только можно скорѣе добиться не блага народнаго, а совсѣмъ иного. Можно до каррикатурности схоже воспроизвести музыкантовъ Крыловскаго „Квартета“, которые отъ перемѣны мѣстъ не добились толку.

Вниманіе читателя заинтересовано въ высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ,—вамъ хотятъ дать ключъ къ разумѣнію самой сущности вещей.

Толстой начинаетъ говорить о бѣдности крестьянина, даетъ нѣсколько картинъ, свидѣтельствующихъ о малоземельи, и затѣмъ переходитъ къ изложенію теоріи извѣстнаго Генри Джорджа.

«Что такое человѣкъ?» говоритъ Генри Джорджъ въ одной изъ своихъ статей. «Прежде всего онъ есть земное животное, которое не можетъ жить безъ земли. Все, что ни производится человѣкомъ, берется изъ земли; весь производительный трудъ въ конечномъ анализѣ оказывается состоящимъ изъ переработки земли, матеріаловъ, взятыхъ изъ земли, въ формы, приспособленныя для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ и желаній. Да и самое тѣло человѣка берется изъ земли. Мы—дѣти земли, Изъ нея мы взяты и вновь въ нее должны мы возвратиться. Отнимите у человѣка все, что принадлежитъ землѣ, и что останется у васъ, кромѣ безплотнаго духа? Потому тотъ, кто владѣетъ землей, на которой и отъ которой долженъ жить другой человѣкъ, является господиномъ это человѣка, и человѣкъ этотъ есть его рабъ. Человѣкъ, который владѣетъ землей, на которой я долженъ жить, можетъ распоряжаться моею жизнью и смертью такъ же свободно, какъ еслибы ему пренадлежало мое тѣло. Мы толкуемъ объ отмѣнѣ рабства, но мы не отмѣнили рабства, мы отмѣнили лишь болѣе грубую форму его: личное рабство. Теперь намъ предстоитъ отмѣнить болѣе тонкую и предательскую, болѣе проклятую форму его, то промышленное рабство, которое дѣлаетъ человѣка фактически рабомъ превознося въ то же время его свободу».

„Одно изъ самыхъ несообразныхъ и нелѣпыхъ явленій, которое не удивляетъ насъ только потому, что мы къ нему привыкли“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же Генри Джорджъ, „состоитъ въ томъ, что рабочій классъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра есть бѣдный классъ. Если бы какое-либо мыслящее существо, еще не бывшее на землѣ, какимъ-нибудь чудомъ явилось бы на нее и вы бы объяснили ему нашу жизнь, объяснили-бы, какъ создаются трудомъ дома, пища, одежда и всѣ вообще предметы, нужные намъ для жизни, то существо это, конечно, подумало бы, что тѣ люди, которые производятъ все это, и суть какъ разъ тѣ самые люди, которые живутъ въ самыхъ лучшихъ домахъ и имѣютъ всего болѣе того, что создается трудомъ. На дѣлѣ же въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ, вездѣ, даже въ среднихъ городахъ, именно рабочіе-то люди и живутъ въ самыхъ бѣдныхъ домахъ.

То жо самое происходитъ еще въ большой степени въ деревняхъ, прибавилъ бы я. Люди праздные живутъ въ роскошныхъ дворцахъ, просторныхъ, красивыхъ жилищахъ. Трудящіеся живутъ въ темныхъ, грязныхъ домишкихъ.

«Удивительное явленіе это стоитъ того, чтобы надъ нимъ призадуматься. Мы невольно презираемъ бѣдность. И на самомъ дѣлѣ ее слѣдовало бы презирать. Природа вознаграждаетъ лишь трудъ и только трудъ. Никакой предметъ богатства не можетъ быть произведенъ безъ участія труда, и при естественномъ порядкѣ вещей человѣкъ, работающій добросовѣстно и умѣло, долженъ быть богатымъ, а не работающій—бѣднымъ. Мы перевернули этотъ порядокъ природы, и у насъ рабочіе люди бѣдны, а праздные богаты. Отчего это?

«Оттого, что мы принуждаемъ людей, которые работаютъ, платить другимъ людямъ за позволеніе работать. Вы покупаете сюртукъ, лошадь, домъ: вы платите за произведеніе труда,—за трудъ, затраченный продавцомъ или купленный имъ у другихъ людей. Но за что вы платите человѣку, когда вы платите ему за землю? Вы платите ему за то, чего не производилъ никто изъ людей, что существовало ранѣе, чѣмъ явился человѣкъ, за цѣнность, которая была создана не какимъ-либо человѣкомъ лично, а обществомъ, часть котораго вы составляете», отъ этого и богатъ тотъ, кто захватилъ землю и владѣетъ ею, и бѣденъ тотъ, кто работаетъ на ней или надъ ея произведеніями.

«Мы толкуемъ о перепроизводствѣ. Но какое же можетъ быть перепроизводство въ то время, когда народъ нуждается въ самомъ необходимомъ? Народу нужны тѣ предметы, которые оказываются произведенными въ излишкѣ. Почему же онъ не пріобрѣтаетъ ихъ? Не потому, чтобы онъ не желалъ ихъ, а потому, что у него нѣтъ средствъ купить ихъ. Почему же у него нѣтъ средствъ? Потому что онъ зарабатываетъ слишкомъ мало. А зарабатываетъ онъ слишкомъ мало потому, что отдаетъ часть своей работы тѣмъ, кто владѣетъ землей. И потому не диво, что великое множество разныхъ товаровъ остается непроданнымъ, когда огромной массѣ людей приходится работать въ среднемъ за одинъ долларъ 40 центовъ въ Америкѣ», и за 50 коп. въ Россіи.

«Почему же этимъ людямъ приходится работать за такую низкую плату? Потому что если бы они потребовали высшей платы, то ихъ было бы кѣмъ замѣнить. Всегда стоитъ наготовѣ множество безработнаго люда, и именно это масса безработныхъ и понижаетъ заработную плату до одной только возможности существованія. Но почем

есть люди, которые не могутъ найти для себя работы? Развѣ не странно звучатъ эти слова, что люди не могутъ найти для себя работы? Адамъ не испытывалъ затрудненія въ отысканіи работы, не испытывалъ его и Робинзонъ Крузо; отысканіе работы было самымъ послѣднимъ дѣломъ, о которомъ они заботились.

Если люди не могутъ найти для себя работодателя, то почему же они сами не сдѣлаются своими работодателями? Да просто потому, что они отрѣзаны отъ того, безъ чего немыслимъ никакой трудъ; люди принуждены конкурировать между собою изъ-за заработной платы, выдаваемой хозяиномъ, потому что они насильственно лишены естественныхъ удобствъ, пользуясь которыми они могли бы быть своими собственными хозяевами,—потому что для нихъ нѣтъ мѣста въ Божьемъ мірѣ, гдѣ они могли бы работать, не платя другимъ какимъ-то человѣческимъ существамъ за то что тѣ позволяютъ имъ работать».

«Люди молятъ Бога о томъ, чтобы Онъ облегчилъ бѣдность. Но бѣдность происходитъ не отъ Божьихъ законовъ; сказать это значило бы произнести самую гнусную хулу на Бога. Бѣдность происходитъ отъ человѣческой несправедливости къ ближнему. Допустимъ, что молитва людей была услышана Всемогущимъ; но какъ Онъ могъ бы исполнить ихъ просьбу, сохраняя установленные Имъ же законы такими, каковы они есть. Вѣдь Богъ ничего не даетъ намъ изъ того, что составляетъ богатство. Онъ даетъ сырой матеріалъ, который перерабатываетъ человѣкъ, производя богатство. А развѣ теперь Онъ мало даетъ намъ этого сырого матеріала? И если бы Онъ сталъ давать еще болѣе, какъ могъ бы Онъ облегчить бѣдность? Пусть была бы услышана молитва, и Онъ увеличилъ бы силу солнца или плодородіе почвы, сдѣлалъ бы растенія болѣе плодородными и заставилъ быстрѣе бы размножаться животныхъ. Кому все это было бы на пользу въ странѣ, въ которой земля захвачена частными владѣльцами? Только однимъ собственикамъ земли. И даже если бы Богъ въ отвѣтъ на просьбы людей сталъ прямо посылать съ неба тѣ предметы, какіе нужно людямъ, то и тогда это было бы на пользу однимъ собственникамъ земли.

Въ ветхомъ завѣтѣ разсказывается, какъ израильтяне, странствуя въ пустынѣ, терпѣли голодъ и какъ Богъ послалъ имъ съ неба манну. Ея было достаточно для всѣхъ, всѣ брали ее и былисыты. Но допустимъ, что пустыня признавалась бы частною собственностью, какая польза была бы отъ манны для народа, если бы одни израильтяне владѣли квадратными милями земли, а другіе не имѣли ни одной пяди? Сколько бы Богъ ни посылалъ манны, манна эта дѣлалась бы собственностью землевладѣльцевъ; они нанимали бы кое-кого собирать ее для нихъ въ кучи и продавали бы ее своимъ голодающимъ братьямъ. И покупка и продажа манны продолжались бы до тѣхъ поръ, пока большинство израильтянъ не проѣло бы все, что у нихъ было. А потомъ они начали бы голодать въ то время, какъ манна лежала бы въ огромныхъ кучахъ и землевладѣльцы жаловались бы на ея перепроизводство. Было бы какъ разъ то самое явленіе, какое мы видимъ въ настоящее время".

«Все это я говорю не съ тѣмъ, чтобы, покончивъ съ этой основной несправедливостью, мы могли спокойно сложить руки; но я говорю, что вопросъ о правѣ владѣнія землей лежитъ въ корнѣ всѣхъ другихъ общественныхъ вопросовъ. Я говорю то, что мы можемъ дѣлать все, что угодно, можемъ вводить какія угодно реформы, но мы не избавимся отъ повсемѣстной бѣдности до тѣхъ поръ, пока то, съ чего должны жить всѣ люди—земля,—будетъ оставаться частною собственностью нѣкоторыхъ лицъ; что до тѣхъ поръ будутъ безплодны всѣ усилія улучшить положеніе людей. Преобразовывайте механизмъ управленія, сокращайте до минимума налоги, стройте желѣзныя дороги, заводите кооперативные магазины, дѣлите прибыль, какъ хотите, между предпринимателями и рабочими, и что же будетъ въ результатѣ? Въ результатѣ, будетъ то, что земля будетъ повышаться въ своей цѣнности, только это будетъ въ результатѣ, и ничего больше. Опытъ показываетъ намъ это.

Развѣ улучшенія не увеличиваютъ только цѣнности земли, того, что должны платить одни люди другимъ за право существованія на свѣтѣ?»

То же самое, прибавлю я, мы, не переставая видимъ въ Россіи. Всѣ землевладѣльцы жалуются на бездоходность, убыточность имѣній, а цѣна на земли не переставая растетъ. Она не можетъ не расти, потому что населеніе увеличивается, а земля для него—вопросъ жизни и смерти.

И потому народъ отдаетъ все, что можетъ, не только свой трудъ, но и свои жизни за землю, которую удерживаютъ отъ него.

Преклоняясь предъ ученіемъ Джорджа, Толстой говоритъ, что у насъ и за границей его не знаютъ. Тотъ, кто узнаетъ его, по мнѣнію Толстого, тотъ не можетъ не согласиться съ нимъ.

Если же вспоминаютъ про него (про ученіе Джорджа), то или приписывая ему то, чего оно не говоритъ, или вновь утверждая то, что опровергнуто Джорджемъ, или, главное, отвергаютъ его только потому, что оно не сходится съ тѣми педантическими, произвольными, легкомысленными положеніями такъ называемой политической экономіи, которыя признаются непоколебимыми истинами.

Но, несмотря на это, истина о томъ, что земля не можетъ быть предметомъ собственности, до такой степени выяснилась самой жизнью современныхъ людей, что для того, чтобы продолжать удерживать устройство жизни, при которомъ признается право частной земельной собственности, есть только одно средство: не думать объ этомъ, игнорировать эту истину и заниматься другими, захватывающими дѣлами. Такъ это и дѣлаютъ люди современнаго міра.

Политическіе дѣятели Европы и Америки занимаются для блага своихъ народовъ всякаго рода дѣлами: тарифами, колоніями, подоходными налогами, военными и морскими бюджетами, соціалистическими союзами, товариществами, синдикатами, избраніями президентовъ, дипломатическими сношеніями, всѣмъ, только не тѣмъ однимъ, безъ чего не можетъ быть никакого истиннаго улучшенія положенія народа,—возстановленіемъ нарушеннаго права всѣхъ людей на пользованіе землей. И хоть политическіе дѣятели христіанскаго міра въ глубинѣ души и чувствуютъ, не могутъ не чувствовать, что вся ихъ дѣятельность, какъ промышленной борьбы, которой они заняты, такъ и военной борьбы, на которыя они кладутъ всѣ свои силы, не можетъ ни къ чему привести, кромѣ какъ къ всеобщему истощенію силъ народовъ, они, не заглядывая впередъ, а отдаваясь требованіямъ минуты, какъ бы съ од-

нимъ желаніемъ забыться, продолжаютъ кружиться въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Какъ ни странно это временное ослѣпленіе въ политическихъ дѣятеляхъ Европы и Америки, оно объясняется тѣмъ, что въ Европѣ и Америкѣ люди уже зашли слишкомъ далеко по ложному пути, такъ что большая доля ихъ населенія уже оторвана отъ земли (въ Америкѣ никогда не жила на землѣ), а живетъ или на фабрикахъ, или наемнымъ сельскимъ трудомъ, и желаетъ и требуетъ только одного — улучшенія своего положенія наемнаго рабочаго. Понятно поэтому, что политическимъ дѣятелямъ Европы и Америки, внимая требованіямъ большинства, можетъ казаться, что главное средство улучшенія положенія народа заключается въ тарифахъ, трестахъ, колоніяхъ; но русскимъ людямъ для Россіи, гдѣ земледѣльческое населеніе составляетъ 80% всего народа, гдѣ весь этотъ народъ проситъ только одного, чтобы ему дали возможность оставаться въ этомъ состояніи, казалось бы, должно быть ясно, что для улучшенія положенія народа нужно нѣчто другое.

Люди Европы и Америки находятся въ положеніи человѣка, уже такъ далеко зашедшаго по дорогѣ, которая сначала казалась настоящей, но которая чѣмъ дальше онъ шелъ по ней, тѣмъ болѣе удаляла его отъ цѣли, что ему страшно признаваться въ своей ошибкѣ. Но русскіе все стоятъ на дорогѣ до поворота и могутъ, по мудрой пословицѣ, стоя на дорогѣ, о дорогѣ спрашивать.

И что же дѣлаютъ всѣ русскіе люди, которые хотятъ или, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что хотятъ устраивать хорошую жизнь народа?

Во всемъ рабски подражаютъ тому, что дѣлается въ Европѣ и Америкѣ.

Для устройства хорошей жизни народа они заботятся о свободѣ печати, о вѣротерпимости, о свободѣ союзовъ, о тарифахъ, объ условномъ наказаніи, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о кооперативныхъ товариществахъ, о будущемъ обобществленіи орудій труда и, главное, о представительствѣ, о томъ самомъ представительствѣ, которое давно существуетъ въ европейскихъ и американскихъ государствахъ, но существованіе котораго нисколько не содѣйствовало и не содѣйствуетъ не только разрѣшенію, но даже постановкѣ того одного, рѣшающаго всѣ затрудненія земельнаго вопроса. Если же русскіе политическіе дѣятели и говорятъ про земельное злоупотребленіе, которое они почему-то называютъ *аграрнымъ вопросомъ*, вѣроятно, полагая, что это глупое слово скроетъ сущность дѣла, то говорятъ объ этомъ не въ томъ смыслѣ, что частная земельная собственность есть зло, которое должно быть уничтожено, а въ томъ смыслѣ, чтобы какъ-нибудь, разными заплатами, палліативами замазать, замять, обойти эту главную, стоящую на очереди уничтоженія не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ старую, жестокую, очевидную, вопіющую несправедливость.

Въ Россіи, гдѣ 100-милліонная масса людей не переставая страдаетъ отъ захвата земли частными владѣльцами и не переставая вопитъ объ этомъ, отношеніе людей, мнимо отыскивающихъ вездѣ, но только не тамъ, гдѣ оно находится, средство улучшенія народнаго быта, совершенно напоминаетъ то, что бываетъ на сценѣ, когда всѣ зрители прекрасно видятъ того, кто спрятался, и актеры должны бы видѣть, но притворяются, что не видятъ, нарочно отвлекаютъ вниманіе другъ друга и видятъ все, но только не то, что одно нужно, но чего они не хотятъ видѣть.

Чтобы достигнуть избытія „великаго грѣха“, Толстой рекомендуетъ религіозное движеніе.

„Великія общественныя преобразованія,—говоритъ Мадзини,—всегда были и будутъ лишь слѣдствіемъ великихъ религіозныхъ движеній“.

И таково то религіозное движеніе, которое предстоитъ теперь русскому народу,—всему русскому народу, какъ рабочему народу, лишенному земли, такъ въ особенности крупнымъ, среднимъ и мелкимъ землевладѣльцамъ, и всѣмъ тѣмъ сотнямъ тысячъ людей, хотя и не владѣющихъ прямо землей, но занимающихъ выгодное положеніе благодаря вынужденнымъ трудамъ обезземеленнаго народа.

Религіозное движеніе, предстоящее теперь русскому народу, состоитъ въ томъ, чтобы развязать тотъ великій грѣхъ, который давно уже мучаетъ и раздѣляетъ людей не въ одной Россіи, но во всемъ мірѣ.

Развязать же этотъ грѣхъ могутъ ни политическія реформы, ни соціалистическіе проекты въ будущемъ, ни революціи въ настоящемъ, ни еще менѣе филантропическія пожертвованія или правительственныя учрежденія для покупки и раздачи земель крестьянамъ. Такія палліативныя мѣры только отвлекаютъ вниманіе отъ сущности вопроса и этимъ самымъ задерживаютъ разрѣшеніе его. Не нужно никакихъ жертвъ, никакой заботы о народѣ, нужно только сознаніе своего грѣха всѣми людьми, совершающими его или участвующими въ немъ и желаніе избавленія отъ него.

Надо, чтобы та несомнѣнная истина, которую всегда знали и знаютъ лучшіе люди народа, что земля не можетъ быть исключительной собственностью нѣкоторыхъ и что недопущеніе къ землѣ тѣхъ, которымъ она нужна, есть грѣхъ, стало общимъ сознаніемъ всѣхъ людей, чтобы людямъ стало совѣстно удерживать землю отъ тѣхъ, которые хотятъ кормиться на ней, чтобы совѣстно было такъ или иначе участвовать въ этомъ удержаніи земли отъ нуждающихся, чтобы совѣстно было владѣть землей, совѣстно было бы пользоваться трудами людей, принужденныхъ работать только потому, что отъ нихъ отнято ихъ законное право на землю. Нужно, чтобы было то, что было съ крѣпостнымъ правомъ, когда владѣть крѣпостными стало совѣстно дворянамъ, помѣщикамъ, стало совѣстно провительству поддерживать эти несправедливыя и жестокія узаконенія, когда самимъ крестьянамъ стало явно, что надъ ними совершается ничѣмъ не оправдываемое беззаконіе. То же самое должно быть и съ земельной собственностью. И нужно это не для какого-нибудь одного сословія, какъ бы многочисленно оно ни было, а нужно это для всѣхъ сословій, не только для всѣхъ сословій и людей одного государства, а для всего человѣчества.

Цитируя дальше Генри Джорджа, Толстой выставляетъ и свою теорію:

«Общественная реформа,—писалъ Генри Джорджъ,—не можетъ быть достигнута шумомъ и крикомъ, жалобами и оговорами, образованіемъ, партій и устройствомъ революцій; она можетъ быть достигнута лишь пробужденіемъ мысли и поступательнымъ движеніемъ въ мірѣ идей. Пока нѣтъ правильной мысли, не можетъ быть и правильнаго дѣйствія, а когда есть правильная мысль, правильное дѣйствіе уже само собою будетъ вытекать изъ нея.

Потому-то величайшее дѣло каждаго человѣка и каждой организаціи людей, стремящихся улучшить общественныя условія, бываетъ распространеніе идей. Все прочее можетъ быть полезно только постольку, поскольку оно помогаетъ этому дѣлу. А въ этомъ дѣлѣ можетъ участвовать всякій мыслящій человѣкъ, сначала вырабатывая для себя правильныя понятія, затѣмъ пытаясь пробудить мысль въ людяхъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе».

Это совершенно справедливо, но для того, чтобы услужить этому великому дѣлу, кромѣ мыслей, должно быть и другое—религіозное чувство, то чувство, вслѣдствіе котораго прошлымъ столѣтіемъ владѣльцы крѣпостныхъ признавали себя виноватыми и искали средства, несмотря на личный ущербъ, даже разореніе, избавиться отъ грѣха, который тяготилъ ихъ.

Вотъ это чувство по отношенію земельной собственности должно пробудиться въ людяхъ достаточныхъ классовъ для того, чтобы совершилось великое дѣло освобожденія земли, пробудиться въ той степени, чтобы люди готовы были жертвовать всѣмъ, только чтобы избавиться отъ того грѣха, въ которомъ они жили и живутъ.

Владѣя сотнями, тысячами, десятками тысячъ десятинъ, торгуя землями, пользуясь такъ или иначе земельной собственностью и живя роскошно благодаря задавленности народа, происходящей отъ этой жестокой и явной несправедливости,—толковать въ разныхъ комитетахъ и собраніяхъ объ улучшеніи крестьянскаго быта безъ жертвы своимъ исключительно выгоднымъ положеніемъ, вытекающимъ изъ этой несправедливости, есть не только недоброе, но гадкое, вредное дѣло, одинаково осуждаемое здравымъ смысломъ и честностью и христіанствомъ. Не придумывать нужно хитроумныя средства улучшенія положенія людей, лишенныхъ ихъ законнаго права на землю, но понять свой грѣхъ передъ ними и прежде всего перестать участвовать въ немъ, чего бы это ни стоило. Только такая внутренняя, нравственная дѣятельность каждаго человѣка можетъ и будетъ содѣйствовать разрѣшенію предстоящаго человѣчеству вопроса.

Освобожденіе крестьянъ въ Россіи совершено не Александромъ II, а тѣми людьми, которые поняли грѣхъ крѣпостного права и старались независимо отъ своей выгоды, избавиться отъ него; преимущественно же совершено такими людьми, какъ Новиковъ, Радищевъ, декабристы, тѣми людьми, которые готовы были страдать и страдали сами (не заставляя никого страдать) ради вѣрности тому, что они признавали правдой.

Тоже должно совершиться и по отношенію къ освобожденію земли Я вѣрю, что такіе люди есть теперь и что они сдѣлаютъ то великое, не одно русское, а всемірное дѣло, которое предстоитъ русскому народу.

Земельный вопросъ дошелъ въ настоящее время до той степени зрѣлости, до которой дошелъ вопросъ крѣпостного права 50 лѣтъ тому назадъ. Повторяется совершенно то же. Какъ тогда люди искали средства исправленія того всеобщаго недомоганія, недовольства, которое чувствовалось въ обществѣ, прилагали всякія внѣшнія, правительственныя средства, и ничто не помогало, и не могло помочь, пока оставался назрѣвающій и не разрѣшенный вопросъ рабства личнаго, такъ точно теперь никакія внѣшнія мѣры не помогаютъ и не могутъ

помочь, пока не будетъ разрѣшенъ назрѣвшій вопросъ земельнаго рабства. Точно такъ же какъ теперь предлагаются мѣры прирѣзокъ земли, выкупа земли посредствомъ банковъ и т. п., тогда предлагались и принимались палліативныя мѣры, инвентари, правила о трехдневной барщинѣ и мн. др. Точно такъ же какъ теперь владѣльцы земли говорятъ о несправедливости прекращенія преступнаго влядѣнія, говорили тогда о незаконномъ отнятіи крѣпостныхъ. Точно таке же какъ тогда церковь оправдывала крѣпостное право, теперь (то, что занимаетъ мѣсто церкви) наука оправдываетъ земельную собственность. Такъ же какъ теперь рабовладѣльцы, болѣе или менѣе чувствуя свой грѣхъ, старались разными средствами, не развязывая, смягчить его, и переводили съ оброка на барщину, уменьшали поборы, такъ точно и теперь наиболѣе чуткіе землевладѣльцы, чувствуя свою вину, стараются искупить ее, отдавая землю крестьянамъ на наиболѣе льготныхъ условіяхъ, продавая ее черезъ банки, устраивая для народа школы, смѣшные, увеселительные дома, волшебные фонари и театры.

Совершенно то же и равнодушное отношеніе правительства къ вопросу. И какъ тогда вопросъ разрѣшенъ былъ не тѣми людьми, которые придумывали хитроумныя средства облегченія, улучшенія быта крѣпостныхъ, а признавая настоятельность рѣшенія, не откладывали его въ будущее, не предвидѣли особенной трудности его, а сейчасъ, сразу старались прекратить зло и не допускали мысли о томъ, что могутъ быть такія условія, при которыхъ сознанное зло должно продолжаться, и брали то рѣшеніе, которое при данномъ положеніи представлялось наилучшимъ,—то же и теперь съ земельнымъ вопросомъ.

Вопросъ будетъ рѣшенъ не тѣми людьми, которые будутъ стараться смягчить зло или придумывать облегченія народу или откладывать дѣло въ будущее, а тѣми, которые поймутъ, что, сколько ни смягчай неправды, она останется неправдой,—и что безумно придумывать облегченія человѣку, котораго мы мучаемъ, и нельзя откладывать, когда люди страдаютъ, а надо сейчасъ брать наилучшій способъ рѣшенія и сейчасъ прилагать къ дѣлу. И тѣмъ болѣе должно быть такъ, что способъ рѣшенія земельнаго вопроса выработанъ Генри Джорджемъ до такого совершенства, что *при существующемъ государственномъ строѣ и обязательныхъ податяхъ*, невозможно придумать какого-либо другого лучшаго, болѣе справедливаго, практическаго и мирнаго рѣшенія.

Хочется мнѣ думать, что мы, русскіе паразиты, вскормленные и получившіе досугъ для умственной работы трудами народа, поймемъ нашъ грѣхъ и, независимо отъ своей личной выгоды, во имя правды, которая осуждетъ насъ, постараемся развязать его.

Толстой вслѣдъ за Генри Джоржомъ, подчеркивая, говоритъ, что „при существующемъ государственномъ строѣ и обязательныхъ податяхъ“ теорія Джоржа—единственное мирное рѣшеніе вопроса.

Такъ ли? Если земля будетъ ничьею и во владѣніи лишь того, кто ее обработать можетъ, то ни о какомъ изъ существующихъ государственныхъ строевъ, ни о какой культурѣ говорить уже будетъ нельзя.

Несомнѣнно, что земля есть единственная валюта, изображаю-

щая изъ себя всѣ цѣнности, находящіяся въ пользованіи человѣческомъ, несомнѣнно и то, что земледѣлецъ, по возможности, долженъ быть обезпеченъ отъ всякой нужды, но если каждый будетъ владѣть землею настолько, насколько ее воздѣлать можетъ, то получится удивительный результатъ. Сведенная къ первобытной простотѣ жизнь не только положитъ предѣлъ развитію торговли и промышленности, но и самому развитію науки. Всякій не на землѣ сидящій обратится въ паразита, въ существо ненужное и даже вредное. Жизнь, въ томъ видѣ, какъ она складывалась за всѣ тысячелѣтія исторіи человѣчества, остановится. Каждый на своей нивѣ будетъ выколачивать хлѣбъ на пропитаніе и легко обратится не въ усовершенствованное существо, а просто въ первобытное, почти звѣриное состояніе. И это, при предположеніи, что всѣ земледѣлы будутъ людьми равной энергіи, равнаго характера. А такъ какъ этого никогда не было и не будетъ, то упрощенное человѣчество вновь вступитъ въ борьбу въ лицѣ своихъ членовъ и, вновь, возьмутъ верхъ тѣ, которые сильнѣе, умнѣе, хитрѣе. И опять равенство нарушится, а жизнь пойдетъ обычнымъ русломъ преобладанія немногихъ надъ многими, т. е. опять выйдетъ въ свой, отъ вѣка установившійся фазисъ.

Ученіе Джорджа и Толстого—чисто утопическое, на практикѣ неосуществимое. Говоримъ такъ, руководствуясь не предвзятыми, философскими шаблонами, а подчиняясь силѣ вещей и указаніямъ историческаго опыта. Сосредоточеніе богатства въ рукахъ однихъ, болѣе сильныхъ, въ ущербъ другимъ есть не политико-экономическая теорія, это—одинъ изъ факторовъ борьбы за существованіе.

Статья Толстого, если бы ее запретили, была бы орудіемъ ученія о черномъ передѣлѣ. Разрѣшенная,—она безвредна.

Всякое ученіе имѣетъ двѣ стороны: теорію и практику. Въ теоріи, какъ видите, ученіе Толстого не даетъ ничего путнаго. А какъ же привести его въ исполненіе на практикѣ, какъ „независимо отъ своей личной выгоды, во имя правды“ развязать его? Кто покажетъ этому примѣръ?

Графъ Л. Н. Толстой, хотя бы не лично, но въ лицѣ своей семьи, не разстанется съ удобствами Ясной Поляны и не подѣлитъ ее между земледѣльцами, оставивъ надѣлъ и себѣ. Если бы онъ и хотѣлъ это сдѣлать, родные его къ тому не допустятъ. И никто либо не сдѣлаетъ этого, либо ему помѣшаютъ сдѣлать. А потому не лучше-ли, не блуждая въ эмпиреяхъ, смотрѣть на жизнь, какъ она есть, и на исторію человѣчества, какъ она сложилась. Лишь этимъ путемъ можно, разумѣется при наличности религіи, найти выходъ, если не совершенный, то, по крайней мѣрѣ, мыслимый.

Н. Я. Стародумъ.

Современная лѣтопись.

Охраняй, улучшая.

Учрежденіе Государственной Думы.—Положеніе о выборахъ въ Думу.—Завершеніе системы русской закономѣрной Монархіи.—«Монархическій принципъ» въ германскомъ публичномъ правѣ.—Шталь, Захаріе, Герберъ, Лабандъ.—„Оффиціальный“ текстъ конституціи, „начертанной“ г. Петромъ Струве.—Ревизія „задушевныхъ желаній“ московскаго „большинства“ сенаторомъ Постовскимъ.—Проекты конституціи г. Герценштейна и „Русскихъ Вѣдомостей“.—Новыя формы правленія Россіи.—Самообличеніе нашихъ фетишистовъ конституціонализма.—Status libertatis въ монархическомъ государствѣ.—Декларація правъ въ проектахъ конституціи.—Соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи.—Партія политическаго соціалъ-демократизма.—„Чарующій идеалъ федерализма“.—Чистые либералы.—Схема русскихъ политическихъ партій.—Бесѣда С. Ѳ. Шарапова.—Проектъ г. Селиванова.—Областные сеймы и федеративная монархія.—Лучшій государственный строй изъ возможныхъ.—Наши подводные камни.

Учрежденіе Государственной Думы.

6-го сего августа обнародовано Учрежденіе Государственной Думы и положеніе о выборахъ въ Думу. Сими актами система закономѣрной Монархіи достигаетъ полноты. Въ основу актовъ положенъ принципъ, выраженный въ манифестѣ, возвѣстившемъ о новой эрѣ Россіи, такъ:

„Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ *единеніемъ* Царя съ народомъ и народа съ Царемъ“.

Еще манифестъ 26 февраля 1903 года призывалъ къ тѣсному единенію всѣхъ—для *усовершенствованія государственнаго порядка* установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда уже Верховную Власть озабочивала мысль о *согласованіи* выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи *разлада* между ними.

Итакъ, двѣ цѣли стояли предъ законодателемъ: единеніе Царя съ народомъ и устраненіе средостѣній между ними; согласованіе

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ).

ОКТЯБРЬ.

1905.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

ОТЪѢЗДЪ.

Ѣду на сѣверъ далекій обратно...
Неба лазурь безмятежно чиста,
Солнечно, тихо, свѣжо, ароматно;
Море шумитъ и кругомъ красота!

* * *

Ѣду и, будто-бы передъ невзгодой,
Сердце тупая сжимаетъ печаль;
Съ этой роскошной, картинной природой,
Съ моремъ и солнцемъ разстаться мнѣ жаль!

* * *

Ѣду обратно; но, мыслью свободный,
Южную, свѣтлую эту красу
Въ край мой далекій, родной, но холодный,
Бережно въ сердцѣ моемъ унесу.

Н. Никифоровъ.

Чей-же Герценъ?

(Продолженіе).

XV.

Мы отмѣчали и отмѣчаемъ тѣ стороны дѣятельности Герцена которыя вызываютъ у насъ лучшія симпатіи къ независимости и трезвости его сужденія, къ его смѣлой и находчивой логикѣ, къ его выдающемуся и острому здравому смыслу. На первомъ планѣ мы поставили наиболѣе *общіе* вопросы, логическія основы всего міровоззрѣнія, которыя характеризуютъ духовный остовъ его психологіи и логики.

Всѣхъ этихъ общихъ вопросовъ мы, конечно, не исчерпали. Нѣкоторые изъ нихъ очень сложны и требуютъ много справокъ и предварительныхъ соображеній. На своемъ мѣстѣ мы къ нимъ вернемся. А теперь отмѣтимъ нѣсколько не общихъ вопросовъ, вопросовъ будничной, газетной полемики, домашнихъ симпатій и антипатій, которыя характеризуютъ не столько міровоззрѣніе Герцена, сколько эстетическія и этическія стороны его характера.

У насъ, по отвлеченности всей нашей жизни, самые общіе вопросы стали будничною жвачкою періодическихъ коровъ, отощавшихъ на метафизическомъ подножномъ корму. Эти всеобщности и обобщенія написаны на каждомъ знамени каждой газеты и толкуются вкривь и вкось въ каждомъ уличномъ листкѣ. Великое и праздничное стало маленькимъ и будничнымъ, вывалялось въ уличной грязи и потеряло свою серьезность и сложность.

Но кто же не знаетъ, что эти общія идеи—только на знамени, только для показа, для отвода глазъ, для школьнической декламаціи, для того, чтобы построчной платѣ придать видъ гражданской заслуги? Но кто же не знаетъ, что въ жизни любого передоваго органа печати есть интересы несоизмѣримо меньшей общности и цѣнности, которые на самомъ дѣлѣ являются единственными рычагами идейной

гибкости, приспособляемости и заказнаго краснорѣчія? Пусть эти интересы мелки, иногда пошлы, слишкомъ тенденціозны и узки, но они больше характеризуютъ данную эпоху, чѣмъ высокопарная декламація, сваренная подъ соусомъ знаній, добытыхъ изъ энциклопедическаго словаря.

Каждое поколѣніе, кромѣ большихъ, имѣетъ маленькіе предразсудки и маленькія суевѣрія, особыя манеры модной суеты, свои пріемы риторическаго паѳоса, свой способъ имитировать умъ и чувство. Всей этой области охватить, конечно, нельзя, въ виду ея пестроты и сложности, но можно выдѣлить особенно красочныя черты, сохраняющія всѣ оттѣнки текущаго легкомыслія.

Какъ славянофилы, такъ и Герценъ стояли за свободу слова, это фактъ несомнѣнный и для споровъ здѣсь мѣста нѣтъ. Честь имъ и слава. Это болѣе общій вопросъ и здѣсь мы его касаться не будемъ: здѣсь мы отмѣчаемъ сравнительно мелочи.

Слово должно быть свободнымъ и будетъ свободнымъ. Но было бы, конечно, младенчески-наивнымъ предполагать, что каждое свободное слово будетъ честнымъ и умнымъ словомъ. Исключеній въ этой области такъ много, что въ виду ихъ поражающаго количественнаго превосходства, ихъ можно считать правиломъ, а честное и умное свободное слово исключеніемъ. Свободное слово вѣдь тоже не стоитъ внѣ критики. Поэтому возможно, всѣмъ сердцемъ исповѣдуя свободу слова, отмѣчать общій уровень прессы и общій уровень читаемыхъ, но не всегда грамотныхъ сотрудниковъ.

Ростъ общественнаго сознанія измѣряется его отношеніемъ къ прессѣ. Чѣмъ серьезнѣе и сознательнѣе общество, тѣмъ меньше его учатъ газеты. Онѣ довольствуются поставкою сыраго фактическаго матеріала и остерегаются брать въ руки указки, зная, что онѣ имѣютъ дѣло съ аудиторіею взрослыхъ людей, а не гимназистовъ и студентовъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи дѣло стоитъ тамъ, гдѣ ростъ общественной сознательности еще не начинался. Газеты, зная смиренную некнижность своихъ читателей, учатъ ихъ чуть не букварю, даютъ медицинскіе совѣты, составляютъ меню завтрака и обѣда, объясняютъ, что такое конституція, народное представительство, гарантіи общественной свободы, ростъ личности и т. п. Спросъ на газеты съ каждымъ годомъ растетъ, а предложеніе, т.-е. кадры сотрудниковъ, отстаютъ отъ рыночнаго потребленія и, количественно увеличиваясь, теряютъ въ качествѣ. Въ виду этого часто случается, что учительскую кафедру занимаютъ люди, которымъ самимъ еще надобно было бы многому и многому поучиться.

Но простодушная по неопытности и наивная аудиторія этого не замѣчаетъ. Она слѣпо вѣритъ какъ передовику, „властителю думъ“, такъ и юному дебютанту съ его дѣвственными рѣчами

въ хроникѣ и дневникѣ происшествій. „Написано въ газетѣ, такъ, значитъ, вѣрно,“ — говорятъ довѣрчивые читатели. Создается такимъ образомъ культъ прессы, причемъ, вполнѣ естественно, что простодушные читатели не даютъ себѣ отчета въ томъ, что хорошо и что дурно, что именно и гдѣ приврано для красоты слога и ради чего собственно распинаются люди того ими другого лагеря.

На почвѣ взаимнаго довѣрія и непониманія—то преднамѣренно, то случайно—создается вся мудрость даннаго дня, философія и логика ежедневной болтовни, кумиры и идолы толпы, суевѣрія и предразсудки партіи и прихода.

Какъ-же Герценъ относился къ этой размѣнной монетѣ общественнаго базара? Цѣнилъ онъ этотъ культъ ежедневнаго гласнаго слова и радовался-ли онъ тѣмъ „огромнымъ шагамъ“ впередъ, которые, надѣвъ сапоги-скороходы, дѣлаютъ ежедневные мыслители и пророки? Уважалъ ли онъ почтенный цехъ журналистовъ и видѣлъ ли въ нихъ трибуновъ народной свободы и безпристрастныхъ судей текущей дѣйствительности? Видѣлъ ли онъ въ прессѣ благую и зиждительную силу? Затѣмъ, какъ онъ относился къ тѣмъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, которыя — теперь, напримѣръ, — являются „гвоздемъ“ радикальной печати?

XVI.

По нашему мнѣнію, этотъ вопросъ имѣетъ существенное и важное значеніе. Пресса—сила огромная и страшная сила. Значительную часть общества воспитываетъ и обучаетъ исключительно она. Чтеніе наскоро мыслящей Россіи сплошь и рядомъ ограничивается газетнымъ листкомъ и только изрѣдка поднимается до книжки ежемѣсячнаго журнала. Для многихъ это предѣлъ, „его-же не прейдеши“. Это вершина идейнаго и научнаго Олимпа, съ которой развязные борзописцы голосомъ Пиѳіи поучаютъ темную, невѣжественную и суевѣрную идейную толпу. На самомъ дѣлѣ эти колдуны и гадалки съ Олимпомъ ничего общаго не имѣютъ. Въ сущности это герои и пророки довѣрчиваго и простодушнаго захолустья. Но для захолустья это великіе олимпійцы, мечущіе настоящіе громы и знающіе тайны судьбы.

Въ прежнее время такого вліятельнаго фактора въ общественной жизни не было. Онъ появился въ XIX в. и пріобрѣлъ свою силу только во второй его половинѣ. Прежде печатное слово уважали больше, потому что печатали меньше. Теперь чтеніе по печатному стало будничною и заурядною потребностью, для значительной части общества замѣнило мозгъ, совѣсть и сердце, и раздѣлило мыслящую по газетѣ

Россію на стада и толпы. Газетныя страсти и убѣжденія по дешевой цѣнѣ проникали въ верхніе, такъ называемые интеллигентные слои общества и, снабдивъ на день потребителя темами для бесѣдъ на злобы дня, учили жить этого потребителя чужими словами и чужими вѣрованіями. Обыватель избавлялся отъ скучной и тяжелой обязанности разсуждать, вдумываться и понимать и въ любую минуту могъ слазать въ карманъ за дешевымъ покупнымъ словомъ. И періодическаго ума на мыслящую Россію хватаетъ, хотя часто, по желѣзному закону заработной платы, гг. сотрудники поставляютъ не умъ, а плагіатъ и рутину.

Такъ и должно быть. Это лежитъ уже въ самой сущности дѣла. Надо только отличать то, что слѣдовало бы „по принципу", отъ того, что получается на самомъ дѣлѣ. „По принципу" пресса, зоркая, внимательная и безпристрастная, по показаніямъ очевидцевъ на мѣстѣ изучаетъ всякое новое явленіе, отмѣчаетъ всѣ его видовыя и родовыя черты, всѣ его индивидуальныя особенности, даетъ по принятому выраженію „человѣческіе документы" и, устраняясь отъ предвзятаго и односторонняго освѣщенія, показываетъ несомнѣнную дѣйствительность.

А на самомъ дѣлѣ она по поводу всякаго новаго явленія дня роется въ книжкахъ, находитъ тамъ готовыя формулы и рецепты, отбрасываетъ всѣ видовые признаки, всѣ характерныя отличія, холоститъ жизнь съ искусствомъ опытнаго оскопителя и повторяетъ старыя давно набившія оскомину схемы схоластической рутины. „Такъ говоритъ жизнь",—гордо увѣряетъ передовой умъ, чихая отъ книжной пыли въ своей старовѣрческой кельѣ. И это явленіе вполнѣ понятное и естественное.

На такую уйму читателей писателей не наберешься. Не только умъ и талантъ, не только опытъ и знаніе, но и грамотность явленіе далеко не заурядное. Отзываться на каждое новое явленіе жизни глубоко обдуманнымъ, по всей совѣсти провѣреннымъ и въ то же время живымъ словомъ, отзываться въ дѣйствительности на сложныя явленія пестрой и загадочной—дѣло исключительнаго дарованія, чуткой и недремлющей совѣсти, напряженной и проницательной вдумчивости. Въ сущности, людей настолько даровитыхъ и честныхъ ненаберешь и для одной газеты. Но такихъ статей много и не напишешь. Надо очень хорошо знать предметъ, чтобы сказать вѣское, содержательное и новое слово. Тогда даже самымъ талантливымъ газетнымъ сотрудникамъ „по принципу" пришлось бы писать не болѣе одной статьи въ мѣсяцъ. А не по принципу приходится писать по статьѣ въ день, а нѣкоторымъ и по двѣ въ день. Очевидно, что на такой сизифовъ трудъ ни ума, ни знанія, ни таланта не хватитъ у самаго плодовитаго и безудержнаго поставщика статей на всѣ темы, на всѣ

злобы дня, на всѣ „настроенія" идейныхъ кривлякъ. Правда, спросъ рождаетъ предложеніе и нынѣ имѣетъ не мало періодическихъ вождей человѣчества, готовыхъ писать что угодно и о очемъ угодно, этихъ модныхъ en tout cas, которые годятся на всякую погоду. Этимъ, конечно, и объясняется изобиліе періодической болтовни, постоянныхъ повтореній, шаблонныхъ фразъ, затасканныхъ остротъ, перевранныхъ цитатъ и несвѣжихъ анекдотовъ. Этимъ же объясняется и то, что дѣло періодической мудрости становится дѣломъ рутины. Свѣжихъ впечатлѣній и личныхъ наблюденій —нѣтъ: для этого надо ѣздить или жить съ людьми и на людяхъ въ общемъ дѣлѣ и за общей работой. А нашъ современный публицистъ живетъ внѣ жизни и надъ жизнью, видитъ только горныя вершины и просторъ голубого эфира, занятъ общими вопросами, бѣжитъ отъ реальной жизни, и, пренебрегая интересами волости, уѣзда, губерніи, области и государства, говоритъ только для всѣхъ временъ и народовъ и ради будущаго жертвуетъ всѣмъ настоящимъ. Отсюда мистическій ужасъ передъ „мѣстными" людьми, передъ „народными представителями", этими магами и волшебниками, которые могутъ сказать что-то совершенно неожиданное, совершенно по новому умное, что никогда не приходило въ голову мудрецамъ нашей планеты. Это прикровенное сознаніе въ своемъ банкротствѣ съ рѣдкимъ комизмомъ прошло по нашей передовой печати, когда открылась возможность появленія мужика въ Государственной Думѣ. А вдругъ мужикъ ляпнетъ и заговоритъ не по шаблонамъ марксистовъ и народниковъ?

Это прямо логическая необходимость. Чѣмъ выше тиражъ періодическихъ изданій, тѣмъ ниже уровень идейной сознательности и добросовѣстности газетнаго слова, тѣмъ больше рутины и плагіата въ идейныхъ словоизвитіяхъ, больше книжной пыли и вымученнаго риторства, тѣмъ проще и низменнѣе думы и чувства, къ которымъ взываетъ поденщикъ-доктринеръ. Мыслящая Россія отъ „Сына Отечества", „Нашей Жизни" черезъ „Колокольчики", „Кинь-Грусти", „Поцѣлуи" и другой макулатурно-періодическій хламъ благополучно возвращается къ „Гуаку" и „Прекрасной магометанкѣ". Общедоступныя идеи принижаются почти до полной безграмотности и въ порывѣ вящаго „опрощенія" щеголяютъ такимъ нагишомъ, что все безобразіе періодическихъ и популярно-научныхъ Терситовъ обнажается воочію безъ единаго фиговаго листа.

Рутинность и схоластичность прессы дошли до того, что явная глупость выдается за послѣднее слово науки, чѣмъ надолго профанируется самое имя науки; несомнѣнная чепуха подъ схоластическими покровами пріобрѣтаетъ кажущуюся серьезность и гримасы клоуна признаются за государственный умъ. Пресса по необходи-

мости становится ремесломъ маленькихъ умовъ, маленькихъ знаній, но шумной рѣчи и крѣпкихъ словъ. Это даетъ особенно благопріятную обстановку для горделиваго оказательства круглаго невѣжества, личной нравственной испорченности и фантастической мечтательности людей, совершенно не призванныхъ къ учительству и проповѣди.

На нашихъ глазахъ передовая пресса стала самымъ могучимъ орудіемъ рутины и обскурантизма, умственнаго застоя и нравственной косности. Она держитъ въ позорномъ плѣну и унизительномъ рабствѣ стада „мыслящей" интеллигенціи, удалившейся въ каменистую пустыню, чтобы питаться идейными акридами и дикимъ медомъ, изъ опасенія, что явится такой „мѣстный человѣкъ" и скажетъ такое „новое слово", что отъ нея ничего не останется. Теперь пресса повторяетъ идейные зады, которые лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ были пройдены съ полною сознательностью и глубокимъ пониманіемъ дѣла,—поклоняется тому, что было осмѣяно лучшими (по ея-же признанію) умами сороковыхъ годовъ. Она, конечно, и теперь сила, но часто мертвенная и мертвящая.

XVI.

Герценъ, трезвый и весьма здравомысленный человѣкъ, опытный журналистъ, который до „Колокола" и „Полярной Звѣзды" пробовалъ счастья и на аренѣ французской журналистики, былъ тѣмъ старымъ воробьемъ, котораго на мякинѣ не проведешь. Онъ зналъ балаганные пріемы политической прессы, особенно прессы революціонной, и крылатымъ словомъ мѣтилъ временныхъ трибуновъ гласности. Онъ зналъ, что, какъ и языкъ, „типографскій станокъ *тоже* безъ костей", и глубоко презиралъ развязныхъ и малокалиберныхъ демагоговъ революціи. Съ горячимъ сердцемъ и словомъ онъ утверждалъ, что „тянуть поколѣніе измельчавшее, ничтожное, самодовольное и кичливое, падкое на лесть и избалованное, поддерживать гордость пустыхъ и выродившихся сыновей и внучатъ, покрывая одобреніемъ генія ихъ жалкое, безсмысленное существованіе — великій грѣхъ". Это онъ примѣнялъ къ Гюго, у котораго, можетъ быть, и былъ геній. Что-же сказать о тѣхъ льстецахъ толпы, которые стараются покрыть ничтожество и мечтательность интеллигентной черни шумнымъ и неистовымъ одобреніемъ своей малограмотности и своей бездарности?

Герценъ зналъ, что „вездѣ, гдѣ есть люди, тамъ лгутъ и притворяются, но не считаютъ откровенности порокомъ, не смѣшиваютъ смѣло высказанное убѣжденіе мыслителя съ неблагопристойностью развратной женщины, хвастающей своимъ паденіемъ, не поднимаютъ лицемѣрія на степень общественной и притомъ обязательной добродѣтели".

Наша революція не первый опытъ политическаго переворота. За нею много историческихъ воспоминаній. Она говоритъ не первое слово въ новой и неизвѣданной области. Она вся состоитъ изъ плагіата и рутины. Это придаетъ ей повышенный, до ненормальности взвинченный характеръ фанатизма и деспотизма. Противники революціонный рутины представляются человѣконенавистниками, извергами рода человѣческаго, продажными кондотьерами, холопами власти. Чѣмъ меньше ума и знанія у трибуновъ схоластической и педантической революціи, тѣмъ нетерпимѣе и несдержаннѣе ихъ площадное краснорѣчіе, тѣмъ непристойнѣе и неприличнѣе ихъ полемика, тѣмъ вонючѣе грязный потокъ брани и ругательствъ. Раздѣливъ по своему скудному разуму людей на овецъ и козлищъ, они мнимыхъ овецъ и дѣйствительныхъ барановъ вѣнчаютъ дубовыми вѣнками за гражданскія заслуги, а мнимыхъ козлищъ предаютъ анаѳемѣ только за то, что они не блюдутъ обрядности старовѣровъ революціи. Ихъ мысль забинтована лубкомъ чахлой тенденціи, глазъ вооруженъ шорами ограниченности и идейной тупости, ихъ сердце истощено непониманіемъ бездарности, враждою, злобою и ненавистью метафизическаго нигилизма.

Герценъ зналъ и видѣлъ „это возмутительное стѣсненіе личности, подчиненіе ихъ категоріямъ, кадрамъ, точно историческое развитіе—барщина, на которую сотскіе гонятъ, не спрашивая воли, слабаго и крѣпкаго, желающаго и не желающаго". Онъ зналъ „шпіонствующаго юношу, съ бородой, усиками и со всѣми пріемами недоношеннаго фельетониста и неудавшагося демократа". Онъ зналъ отставного революціонера, Арнольда Руге, „въ постоянной связи съ которымъ были два-три бездарнѣйшихъ газетныхъ корреспондента, грошовыхъ фельетонистовъ, мелкихъ мародеровъ гласности, которыхъ никогда не видятъ во время сраженія и всегда послѣ, майскихъ жуковъ политическаго и литературнаго міра, каждый вечеръ съ наслажденіемъ и усердіемъ копающихся въ выброшенныхъ остаткахъ дня".

Онъ зналъ, наконецъ, нѣмецкихъ революціонеровъ Гейнца и „генерала Струве съ его адъютантами", того Струве, который сталъ прототипомъ для многихъ другихъ Струве, охотниковъ до печатной пропаганды.

„Изданіе журналовъ было тогда повальною болѣзнью: каждыя двѣ-три недѣли возникали проекты, являлись спесимены, разсылались программы, потомъ нумера два-три—и все исчезало безслѣдно. Люди, ни на что не способные, все еще считали себя способными на

изданіе журнала, сколачивали сто-двѣсти франковъ и употребляли ихъ на первый и послѣдній шагъ". „Такъ какъ у нихъ не было и тѣни новой идеи, то программа была тысячной варіацией тѣхъ демократическихъ разглагольствованій, которыя составляютъ такую же революціонную риторику на революціонные тексты, какъ церковныя проповѣди на библейскіе".

Отчего намъ такъ странно знакомы эти уродливые типы, эти мародеры гласности, эти педанты и рутинеры, эта схоластическая ветошь революціоннаго болота? Кажется, что мы ихъ видѣли собственными глазами, встрѣчались съ ними, читали ихъ статьи и брошюры. Это не вѣкъ Герцена, это нашъ вѣкъ и типы того времени, какъ допотопныя окаменѣлости, въ полной неприкосновенности мумій изъ историческаго музея, сохранились и доселѣ. Ставьте имена Юрициныхъ, Ходскихъ, Гессеновъ, Яблонскихъ, Меньшиковыхъ и многихъ, ихъ-же имена ты, Господи, вѣси,—и получится полная жизни картина изъ современной жизни, а не историческій разсказъ. Въ обветшавшей и устарѣвшей оболочкѣ поднимаются изъ могилъ схоластики непогребенные мертвецы и замогильнымъ голосомъ диктуютъ законы жизни и общественнаго быта.

Все это было, но это всѣмъ надоѣло и сказка про бѣлаго бычка томительно и тоскливо звучитъ для взрослыхъ людей, давно освободившихся отъ дѣтскихъ пеленокъ и слюнявокъ.

XVII.

Пока что, пресса еще не всемогущая сила, но во всякомъ случаѣ сила большая. Внѣ ея вліянія стоятъ только одинокіе, вполнѣ самобытные умы и простой народъ, который газетъ не читаетъ. Средній слой—ея неотъемлемое достояніе, то безпастушное стадо, которое легко загнать на любой выгонъ самыми грубыми и примитивными средствами. Нехитрое искусство льстить толпѣ обнаруживается въ цѣлой серіи испытанныхъ пріемовъ и площадныхъ фокусовъ. Въ области умственныхъ интересовъ обыватели обнаруживаютъ еще больше лѣности и распущенности, чѣмъ въ области практическаго дѣла. На этой почвѣ слагаются стадныя вѣрованія и убѣжденія, стадныя чувства, кружковщина съ ея ограниченностью, партійность съ ея нетерпимостью.

Путемъ организаціи учрежденій, вродѣ „союза всероссійскихъ журналистовъ", передовые умы заключаютъ оборонительный и наступательный союзъ для защиты и пропаганды мертвыхъ схоластическихъ формулъ, сомнительной, иногда преднамѣренно фальшивой логики, шаблонной и безжизненной декламаціи. За черту этой сектантской обособленности не проникнетъ ни одна живая мысль, ни одно честное и свободное слово, ни одно новое и широкое обобщеніе. Тенденціозность съ одной стороны и приниженность мышленія подъ гнетомъ мертвой рутины съ другой—развиваютъ фанатизмъ педантовъ революціоннаго катехизиса до бѣлаго каленія, дѣлаютъ ихъ недоступными для лучшихъ чаръ художественнаго творчества, для самыхъ счастливыхъ и жизненныхъ сближеній и сопоставленій теоретической мысли, для умной и вѣрной характеристики живого современнаго человѣка въ его настоящихъ условіяхъ.

Эта черта политической печати—въ исторіи не новость. Герценъ на себѣ испыталъ фанатическую нетерпимость революціонныхъ инквизиторовъ и кастратовъ демократическаго самооскопленія. Онъ съ рѣдкимъ мастерствомъ описалъ и самый фактъ этого изступленнаго изувѣрства и обычные пріемы шаблонной декламаціи на эту тему.

Въ началѣ статьи „Старый міръ и Россія" онъ говоритъ о той травлѣ, которую подняли противъ его взглядовъ выжлятники революціонной рутины.

„Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и, главное, прилагательныхъ словъ, которыя идутъ у нихъ на все,—ихъ, по мѣрѣ надобности, сокращаютъ, растягиваютъ, подкрашиваютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головною болью, думая о своихъ дѣлахъ,—такъ, какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ, пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ принимается, напротивъ, съ скрытой злобой, какъ незваный гость; его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроводить за дверь, а если нельзя иначе, оклеветать".

Значитъ, этой повадкѣ революціонной печати во всякомъ случаѣ больше пятидесяти лѣтъ отъ роду. И она засѣла въ передовыхъ мозгахъ крѣпко и даже въ наши дни процвѣтаетъ во всей своей свѣжести и неприкосновенности. Въ полемикѣ передовые умы прежде всего стараются перелгать мысль своего противника до полной неузнаваемости и только при такомъ вольтѣ питаютъ слабую надежду на успѣхъ. Ложь и клевета принимаютъ прямо артистическій оттѣнокъ и часто доходятъ до какого-то берсеркерскаго изступленія. Факты и событія не сдерживаютъ распаленной страсти. Въ сапогахъ-скороходахъ тенденціозный фигляръ перепрыгиваетъ черезъ дѣйствительность, чтобы скорѣе доскакать до своего партійнаго болота, до глупыхъ и грубыхъ формулъ своей отощавшей и поблекшей идеологіи. Эти лунатики не замѣчаютъ, что они живутъ

призрачною жизнью и клевещутъ на жизнь и людей, чтобы дать кажущееся оправданіе своей мертвенности и безжизненности.

Герценъ отлично понималъ тайны и секреты этого идейнаго скопчества и умѣлъ выводить маніаковъ и плутовъ этой категоріи на чистую воду.

„Трудно говорить въ наше время и независимо отъ полицейскихъ преслѣдованій,—писалъ Герценъ,—а оттого, что большинство людей, стоящихъ съ нами на одномъ берегу, расходится болѣе и болѣе; мы идемъ, они не двигаются и становятся все раздражительнѣе отъ лѣтъ, отъ несчастія и составляютъ *демократическое православіе*.

„У нихъ учреждена своя радикальная инквизиція, свой цензъ для идей: идеи и мысли, удовлетворяющія ихъ требованіямъ, имѣютъ права гражданства и гласности; другія объявляются еретическими и лишены голоса; это—пролетаріи нравственнаго міра; они должны молчать или брать свое мѣсто грудью, возстаніемъ. Противъ бунтующихъ идей является демократическая цензура, несравненно болѣе опасная, чѣмъ всякая другая, потому что не имѣетъ ни полиціи, ни подтасованныхъ присяжныхъ, ни судей въ ихъ парадныхъ беретахъ, ни тюремъ, ни штрафовъ. Цензура реакціи насильственно вырываетъ книгу изъ рукъ и книгу всѣ уважаютъ; она преслѣдуетъ автора, запираетъ типографію, ломаетъ станки и гонимое слово переходитъ въ вѣрованіе.

„Цензура демократическая губитъ нравственно; обвиненія ея раздаются не изъ съѣзжей, не изъ прокурорскаго рта, а изъ дальней ссылки изгнанія, изъ мрака заточенія; приговоръ, писанный рукой, на которой виденъ слѣдъ цѣпи, отзывается глубоко въ сердцахъ, что вовсе не мѣшаетъ ему быть несправедливымъ.

„У нашихъ старовѣровъ установилось свое обязывающее преданіе, идущее съ 1789 г., своя связующая религія, религія исключительная, притѣснительная. Они хранятъ ее въ изгнаніи, несмотря на преслѣдованія и гоненія;—это прекрасно, но мало способствуетъ къ развитію. Несчастье останавливаетъ; вѣрность былому мѣшаетъ настоящему; гонимое преданіе, съ своимъ терновымъ вѣнкомъ на головѣ, ограничиваетъ сердце, мысль, волю.

„Демократы-формалисты, точно Бурбоны, ничему не научились въ бѣдственную годину, начавшуюся на другой день послѣ февральской революціи. Оттого они такъ упорны въ своихъ мнѣніяхъ, не могутъ надивиться, откуда произошли всѣ ихъ неудачи, и добродушно объясняютъ ихъ частными ошибками, измѣнами. Воротись они изъ тюремъ и ссылокъ въ правительство, они будутъ продолжать свою невозможную *несоціальную* республику, — такъ, какъ эмигранты послѣ 1815 г. продолжали свою невозможную монархію-рококо.

„Все то, что останавливается и оборачивается назадъ, каменѣетъ какъ жена Лота, и покидается на дорогѣ. Исторія постоянно принадлежитъ одной партія, партіи движенія.

„Революціонный консерватизмъ дошелъ въ послѣднее время до того, что охранительное начало въ немъ перевѣшиваетъ революціонное, и какъ ни парадоксально это покажется, а разрушеніе старыхъ общественныхъ формъ идетъ впередъ, благодаря реакціонерамъ и дѣйствительнымъ консерваторамъ“ (V, 148—149).

У нашихъ революціонеровъ въ прошломъ нѣтъ ни свободы, ни революціи. Они по первому абцугу начинаютъ съ инквизиціи и тираніи. Это, очевидно, плохое стереотипное изданіе шаблонной революціонной азбуки для невѣждъ и тупицъ.

Кстати, отмѣтимъ одно случайное замѣчаніе Герцена о революціонной юмористикѣ, о томъ идейномъ „свистѣ“, который такъ любезенъ мидасовымъ ушамъ нашихъ передовыхъ головъ.

„Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего, Боже, сохрани) и *до Станислава на шею*“.

Наши свистуны и сами не знаютъ, съ чего они свищутъ.

„Гдѣ же эта святая мономанія, этотъ magnum ignotum, этотъ сфинксовый вопросъ нашей цивилизаціи? Гдѣ—та могущая мысль, та страстная вѣра, то горячее упованіе, которое можетъ закалить тѣло, какъ сталь, довести душу до того судорожнаго ожесточенія, которое не чувствуетъ ни боли, ни лишеній и твердымъ шагомъ идетъ на плаху, на костеръ?

„Посмотрите кругомъ, что въ состояніи одушевить лица, поднять народы, поколебать массы? Религія-ли папы съ его незапятнаннымъ рожденіемъ Богородицы, или религія безъ папы съ ея догматомъ воздержанія отъ пива въ субботній день? Ариѳметическій-ли пантеизмъ всеобщей подачи голосовъ, суевѣріе-ли въ республику или суевѣріе въ парламентскія реформы?.. Нѣтъ и нѣтъ; все это блѣднѣетъ, старѣетъ и укладывается, какъ нѣкогда боги Олимпа укладывались, когда они съѣзжали съ неба, вытѣсняемые новыми соперниками“.

Это слишкомъ уже серьезные вопросы для нашихъ милыхъ паяцевъ и свистуновъ. Они свищутъ, потому что свищется, потому что они веселые и смѣшливые люди, потому что они любятъ баловаться.

XVIII.

Герцену пришлось и лично наблюдать предтечъ русской революціи. Отъ его зоркаго взора не скрылась босяцкая душа свирѣпыхъ рутинеровъ—„желчевиковъ", по его терминологіи.

„Эти *болѣе свирѣпые* были тѣ ультра, тѣ угловатые и шершавые представители „новаго поколѣнія," которыхъ можно назвать *Собакевичами* и *Ноздревыми* нигилизма".

„Большею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затрудняло всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

„Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись, какъ *мать родила*, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранялась въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

„Съ одной стороны, реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды. Тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая, мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ.

„Но съ другой стороны, эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общества личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ гоголевскаго Пѣтуха и при томъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много съ пріемами подьяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкѣ. Для него они остались чужимъ, низкимъ слоемъ враждебнаго стана, захудалыми баричами, стрекулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ".

Дѣти и внуки этихъ Собакевичей и Ноздревыхъ нигилизма, этихъ взъерошенныхъ и уродливыхъ Терситовъ и стрекулистовъ, нынѣ сдѣлали, въ лицѣ Горькихъ, Андреевыхъ и другихъ обосячившихся вождей человѣчества, огромный шагъ впередъ и идеологи русской интеллигенціи земно поклонились имъ за грязную неотесанность и наглое разгильдяйство. Таковъ прогрессъ! Такова культура! Такова передовая пресса въ своихъ скрижаляхъ и въ своемъ евангеліи!

И вотъ эти-то юродивые безобразія ради—въ качествѣ властителей думъ—по своему невѣжеству и безстыдству хотятъ придать себѣ видъ убѣжденныхъ и сознательныхъ поклонниковъ единоспасающей западной культуры, западнаго общественнаго и государственнаго строя, западной quasi-науки, въ которой видятъ драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ даровъ Минервы. Но Герценъ не побоялся „кощунства въ дѣвичьей спальнѣ Минервы" и смѣло показалъ, что въ покои чистой цѣломудренной богини порой проникали самыя растрепанныя блудницы съ торга и съ улицы.

„Старая цивилизація истощила свои средства; она становится все болѣе и болѣе *книжной*; способность прямо, безъ письменныхъ документовъ относиться къ предмету, теряется; заучившійся человѣкъ меньше наблюдаетъ, чѣмъ вспоминаетъ; привычка все узнавать изъ книгъ дѣлаетъ его больше способнымъ для чтенія и меньше способнымъ для смотрѣнія. Ученый авторитетъ, сѣдѣя, теряетъ терпимость, становится обязательнымъ и принимаетъ отрицаніе за обиду и крамолу. У него есть прочный запасъ давно рѣшенныхъ истинъ, началъ, законовъ; къ нимъ онъ не возвращается; оно и не было нужно, пока дѣло шло о продолженіи, о приложеніи, о развитіи прежняго, словомъ о продолженіи. Но тутъ, какъ нарочно, міръ не можетъ идти по старому, а догматики не вѣрятъ, чтобы міръ могъ шагъ сдѣлать внѣ формъ и категорій, впередъ ими признанныхъ".

Не учившіеся, но считающіе себя учеными, авторитеты нашей передовой прессы, всѣ отъ мала до велика сотрудники любой уличной газеты, на этомъ основаніи считаютъ себя непогрѣшительными оракулами, призванными учителями жизни, и съ величайшимъ ап-

ломбомъ пробуютъ коверкать жизнь и перевирать факты. Серьезное достоинство печатнаго слова свалилось въ грязь и многіе стали доказывать, что они призваны на чреду пророчества, только потому, что когда-то пророчествовала и валаамова ослица.

Какой благородной скромностью, съ какимъ чувствомъ мѣры и высокаго достоинства говоритъ Герценъ о своей литературной дѣятельности, о смыслѣ и характерѣ своей общественной проповѣди, о томъ значеніи своего смѣлаго и умнаго слова, на которое онъ претендуетъ!

„Мы не вели, а шли вмѣстѣ,—говоритъ онъ,—мы не учили, а служили отголоскомъ думъ и мыслей, умалчиваемыхъ дома“. (VI, 208).

„Тѣхъ рѣшеній,—говорилъ онъ въ „Отвѣтѣ русской дамѣ“,—о которыхъ вы говорили, я не могу дать; я ихъ не имѣю; я самъ ихъ ищу; я не учитель, а попутчикъ. Мы вмѣстѣ доискиваемся; оттого, можетъ быть, у насъ есть сочувствіе. Я не берусь имъ говорить, *что надобно*; но, кажется, довольно вѣрно указываю, *чего не надобно*.

„Вы хотите отъ меня доктрины. Вы правы. Доктрина дѣйствительно стоитъ между церковью и свободнымъ мышленіемъ, вродѣ разстриженнаго монаха, не привыкнувшаго еще къ свѣтскому платью. Того разлада, той неудовлетворительности, которую вы находите во мнѣ, конечно, нѣтъ у доктринеровъ, какъ вообще нѣтъ у религіозныхъ людей. Доктрина—религія, изъ которой Богъ выѣхалъ, а церковная утварь осталась; отъ этого она вамъ знакомѣе, въ ней еще ладономъ пахнетъ. Церковь замѣняется государствомъ, монастырь — присутственнымъ мѣстомъ, чины небесные — служебными чинами, поглощеніе лица въ Богѣ—поглощеніемъ его въ государствѣ; священники стали квартальными. Народъ по прежнему остается паствой; пастухи-бюрократы знаютъ, куда пасутъ его. Такой доктрины, опредѣленной, ограниченной, умѣренной и воздержной, у меня такъ-же нѣтъ, какъ вѣры“. (VI, 232—233).

Такихъ сомнѣній у нашей прессы нѣтъ. Она все знаетъ. У нея на все есть готовыя рѣшенія. Съ буйнымъ легкомысліемъ разстриги-монаха, она, мертвая мыслью и сердцемъ, въ одиночествѣ мечтаетъ о какой-то невозможной свободѣ и о новой породѣ людей съ новою логикою и съ новою психологіею.

На этой почвѣ создаются изъ затхлой мертвечины самыя современныя будто-бы формулы вѣрованій и убѣжденій. Этотъ дикій лабиринтъ слишкомъ извилистъ и сложенъ, чтобы освѣтить всѣ его закоулки. Да не стоитъ и труда изучать эти лужи, норы и трущобы. Достаточно отмѣтить только кульминаціонныя точки стаднаго помраченія. Революція – обязываетъ. Разъ она признана въ принципѣ, она обязываетъ стоять за большинство голосовъ, за представительное правленіе,—обязываетъ боготворить революціонеровъ и эмигрантовъ, видѣть въ нихъ воплощеніе исключительной силы духа, великаго гражданскаго мужества, чрезмѣрной доблести и подвига, хотя бы при ближайшемъ знакомствѣ они оказывались бы, какъ это часто бываетъ, просто шутами гороховыми.

По этимъ четыремъ рубрикамъ мы отмѣтимъ нѣкоторые взгляды Герцена, который имѣлъ полную возможность изучить младенческую вздорность этой идеологіи и настоящую сущность этихъ, съ виду серьезныхъ и даже мрачныхъ революціонныхъ типовъ.

XIX.

Что скажетъ, что можетъ и должна сказать наша радикальная пресса о человѣкѣ, который отрицаетъ принципъ большинства голосовъ? Вѣдь безъ этого большинства она—ничто, нуль, полная пустота. Именно въ виду этого она должна стоять за большинство, какъ за единственный якорь спасенія, какъ за краеугольный камень своей убогой храмины, какъ за самую жизненную основу своего существованія. Къ этому призовому столбу она должна гнать свою логику кнутомъ, не бояться никакихъ софизмовъ, не слушать никакихъ возраженій и обливать грязью каждаго, кто укажетъ дыры и сальныя пятна на истрепанномъ знамени.

А Герценъ.. Да, въ этомъ вопросѣ Герценъ не съ радикалами.

„Республика временнаго правительства,—говоритъ онъ про республиканцевъ 1848 года,—основанная на старыхъ монархическихъ началахъ, была бы вреднѣе всякой монархіи. Она явилась, не какъ нелѣпость насилія, а какъ вольное соглашеніе, не какъ историческое несчастіе, а какъ нѣчто раціональное, справедливое съ своимъ тупымъ большинствомъ голосовъ и съ своею ложью на знамени.“

Революція 1848 г. была очень поучительною пробою этого мнимо-справедливаго, а на самомъ дѣлѣ только схоластическаго принципа.

„Французскіе мѣщане... со всѣмъ своимъ лукавствомъ и двоедушіемъ оборвались въ монархію. Увѣренные въ побѣдѣ, они провозгласили основой новаго государственняго порядка *всеобщую подачу голосовъ*! Это ариѳметическое знамя было имъ симпатично; истина представлялась сложеніемъ и вычитаніемъ; ее можно было прикидывать на счетахъ и мѣтить булавками.

Въ „Consolatio“ („Съ того берега“) Герценъ споритъ съ Робеспьеромъ, который „сказавши, что атеизмъ аристократиченъ, заключилъ, что атеизмъ ложь. Для меня это возмутительная демагогія. Это покореніе разума нелѣпому большинству голосовъ“.

„Я сказалъ, что истина принадлежитъ меньшинству. Развѣ вы этого не знали?“

„Оуэнъ, — говоритъ Герценъ въ „Быломъ и думахъ“,—если онъ былъ сумасшедшимъ, то вовсе не потому, что его свѣтъ считалъ такимъ и онъ платилъ ему той-же монетой, а потому, что, зная очень хорошо, что живетъ въ домѣ умалишенныхъ и окруженъ больными, онъ *шестьдесятъ лѣтъ* говорилъ съ ними, какъ со здоровыми.

„*Число* больныхъ тутъ ничего не значитъ; умъ имѣетъ свое оправданіе не въ большинствѣ голосовъ, а въ своей логической самозаконности. И если вся Англія будетъ убѣждена, что такой-то medium призываетъ духи умершихъ, а одинъ Фарадей скажетъ, что это вздоръ, то истина и умъ будетъ съ его стороны, а не со стороны всего англійскаго населенія. Еще больше; если и Фарадей не будетъ этого говорить, тогда истина объ этомъ предметѣ совсѣмъ существовать не будетъ, какъ сознанная; но тѣмъ не меньше единогласно принятая цѣлымъ народомъ нелѣпость—все же будетъ нелѣпость“.

„Большинство, на которое жаловался больной, не потому страшно, что оно умно или глупо, право или неправо, во лжи или въ истинѣ, а потому что оно сильно и потому что ключи отъ Бедлама у него въ рукахъ.

„Сила не заключаетъ въ своемъ понятіи сознательности, какъ необходимаго условія; напротивъ, она тѣмъ непреодолимѣе, тѣмъ безумнѣе, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ безсознательнѣе. Отъ поврежденнаго человѣка можно спастись, отъ стада бѣшеныхъ волковъ труднѣе, а передъ безсмысленной стихіей человѣку остается сложить руки и погибнуть“.

„Умъ,—нѣсколько ниже въ той-же статьѣ объ Оуэнѣ, говоритъ Герценъ,—*количественно* всегда долженъ уступить; онъ *на вѣсъ* всегда окажется слабѣйшимъ; онъ, какъ сѣверное сіяніе свѣтитъ далеко, но едва существуетъ. Умъ—послѣднее усиліе, вершина, до которой развитіе не часто доходитъ; оттого-то онъ мощенъ, но не устоитъ противъ кулака. Умъ, какъ сознаніе, можетъ вовсе не быть на земномъ шарѣ; онъ едва родился въ сравненіи съ маститыми альпійскими старцами,—свидѣтелями и участниками геологическихъ революцій. Въ до-человѣческой, въ около-человѣческой природѣ нѣтъ ни ума, ни глупости, а необходимость условій, отношеній и послѣдствій. Умъ мутно глядитъ въ первый разъ молочнымъ взглядомъ животнаго. Онъ медленно мужаетъ, выростаетъ изъ своего ребячества, проходя стадной и семейной жизнью рода человѣческаго. Стремленіе пробиться къ уму изъ инстинкта постоянно является вслѣдъ за сытостью и безопасностью, такъ что въ какую-бы минуту мы ни остановили людское сожитіе, мы поймаемъ его на этихъ усиліяхъ достигнуть ума изъ-подъ власти безумія. Пути впередъ не назначено; его надо прокладывать; исторія, какъ поэма Аріосто, несется зря, двадцатью эпизодами, бросаясь туда, сюда, съ тѣмъ тревожнымъ безпокойствомъ, которое уже безцѣльно волнуетъ обезьяну и котораго почти совсѣмъ нѣтъ у низшихъ звѣрей, этихъ довольныхъ животнаго царства“.

„Рано или поздно истина всегда побѣждаетъ“,—слова Герцена изъ „La belle France“.—А мы думаемъ, *очень поздно* и *очень рѣдко*. Разумъ споконъ вѣка былъ недоступенъ или противенъ большинству. Для того, чтобы *разумъ* могъ понравиться, Анахарсисъ Клоотсъ долженъ былъ одѣть его въ хорошенькую актрису, а ее раздѣть донага. Дѣйствовать на людей можно только грезя ихъ сны яснѣе, чѣмъ они сами грезятъ и не доказывая имъ свои мысли такъ, какъ доказываютъ геометрическія теоремы“.

XX.

Правъ-ли Герценъ? Достаточна-ли его аргументація? Доказалъ-ли онъ свой выводъ?

Зачѣмъ спрашивать объ этомъ? Для вопроса, который мы рѣшаемъ теперь, это безразлично. Но онъ чувствовалъ себя въ правѣ уходить въ эту высокую область самыхъ общихъ вопросовъ знанія, рѣшать ихъ по своему, сразу же, не спрашивая разрѣшенія у няньки, дядьки или гувернера, не чувствовалъ на своей шеѣ извощичьей узды, не боялся грубыхъ окриковъ наемнаго поводыря. Для него весь міръ былъ открытъ и кандалы не звенѣли на ногахъ добровольнаго колодника.

Можетъ-ли самый передовой, самый популярный фельетонистъ либеральной газеты, профессоръ въ студенческой аудиторіи, адвокатъ въ залѣ суда поднять голосъ противъ большинства голосовъ? Да кто имъ позволитъ? Какъ они смѣютъ забываться? Фельетониста подхватитъ за фалды разсчетливый издатель, профессора освищутъ студенты, адвоката остановитъ предсѣдатель суда, ибо они по должности, по профессіи, по ремеслу обязались безропотно и рабски вѣрить этому фетишу и ползать передъ нимъ на брюхѣ. Они не смѣютъ. Имъ не позволятъ. Это нарушеніе партійной дисциплины.

Такъ ниже-же гните теперь ненужныя вамъ и проданныя вами головы, жалкіе рабы, продавшіе свободу мнѣнія и слова за чечевичную похлебку, жалкіе поденщики на чужой барщинѣ, усердные и послушные холопы чужихъ страстей, чужой стяжательности, чу-

жого вымогательства! Вотъ на вашемъ пиру, какъ нѣкогда передъ Валтасаромъ „мани, факелъ, фаресъ“, огненными чертами горитъ вашъ холопскій девизъ: „большинство голосовъ“!

Только до этой черты, какъ полураздавленный червякъ, можетъ доползти вашъ сжатый и сдавленный мозгъ. Дальше ни шагу! Назадъ! Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Куда лѣзете! Хотите быть умнѣе, чѣмъ это дозволено? Умничать захотѣли? Такъ на васъ найдется плеть и дыба въ застѣнкѣ партіи, въ обозѣ литературнаго и политическаго лагеря и херемъ въ нѣдрахъ кружковой синагоги. И цѣлуйте кнутъ, дисциплинирующій васъ въ норму партійной ограниченности, посредственности и тупоумія. Если вы высоки ростомъ, мы посадимъ васъ въ клѣтку и заставимъ васъ пригнуться. Вы слишкомъ длинны. Не забывайте про крустово ложе. Чтобы укоротить васъ, мы отрѣжемъ вамъ голову и тогда вы будете по мѣркѣ нашей общепризнанной и общеобязательной ничтожности. Не забывайте, что вы членъ партіи, и берегите ея знамена.

Отданъ приказъ: вѣнцомъ человѣческой мудрости, упованіемъ всѣхъ временъ и народовъ, панацеею всѣхъ золъ, драгоцѣннѣйшимъ клейнодомъ человѣчества считать народное представительство по формуламъ романо-германскаго міра. Гдѣ тотъ Люциферъ, который изъ тьмы адскаго обскурантизма поднимаетъ свой голосъ противъ декрета партійнаго большинства? Каиномъ-братоубійцею, Геростратомъ великаго святотатства назовутъ того повременнаго поставщика идей и убѣжденій, который дерзновенно посмѣетъ поставить этотъ вопросъ, мужественно и безъ идолопоклонства посмотрѣть ему въ корень.

А Герценъ имѣлъ эту смѣлость, могъ смѣть и умѣлъ смѣть.

„Представительная система, — говорилъ онъ,—въ ея континентальномъ развитіи, дѣйствительно, всего больше идетъ, когда нѣтъ ничего яснаго въ головѣ, или ничего возможнаго на дѣлѣ. Это великое *покамѣстъ*, которое перетираетъ углы и крайности обѣихъ сторонъ въ муку и выигрываетъ время. Этимъ жерновомъ часть Европы прошла, другая пройдетъ. Чего Египетъ? И тотъ въѣхалъ на верблюдахъ на представительную мельницу, подгоняемый арапникомъ“.

Вы слышите? Вы стоите за представительную систему? Значитъ, у васъ нѣтъ ничего яснаго въ головѣ. Значитъ, для васъ нѣтъ ничего возможнаго на дѣлѣ. Вы видите арапникъ, которымъ гоняютъословъ на мельницу? Вертите же свой жерновъ, слѣпые Самсоны, перетирайте здоровое зерно въ гнилую муку, рабы...

„Европа догадалась, благодаря реакціи, что представительная система,—хитро придуманное средство перегонять въ слова и безконечные споры общественныя потребности и энергичную готовность дѣйствовать“.

Вамъ это непонятно? Или это не вѣрно? Не слушайте этихъ словъ: это голосъ дьявола-искусителя.

XXI.

Что смѣетъ думать мыслящая Россія о революціонерахъ и эмигрантахъ, какъ типическихъ представителяхъ эпохи и движенія, какъ о живыхъ личностяхъ, какъ о живыхъ людяхъ, съ мелочными недостатками, съ своеобразными достоинствами?

„Мыслящая Россія“ на то и мыслящая, чтобы ничего не мыслить, когда отданъ такой приказъ по линіи. А приказъ отданъ. Революціонеры и эмигранты—это люди нечеловѣчески-возвышеннаго духа, нечеловѣчески-благороднаго и высокаго подвига, неоплатно-цѣнной гражданской заслуги, такіе же полупѣгіе полубоги, какъ само человѣчество. Здѣсь мышленіе по рубрикамъ, категоріямъ, кличкамъ и вѣдомствамъ торжествуетъ полную побѣду. Думать иначе, снять розовые очки, позволить себѣ видѣть, критиковать и оцѣнивать,—значитъ поднять знамя партійнаго раздора и мятежа. Здѣсь нѣтъ мѣста свободному изслѣдованію: здѣсь подъ страхомъ кагальнаго херема всѣ должны быть одного мнѣнія. Здѣсь всякій, кто не съ ними, человѣконенавистникъ и стоитъ внѣ закона. Противъ него всѣ и всякія средства хороши. Умъ, зоркость мысли, наблюдательность взгляда не имѣютъ права на существованіе тамъ, гдѣ начинается партійная дисциплина.

Но, конечно, не Герцену было идти въ дисциплинарные батальоны. Онъ, до тонкости изучившій революцію и эмиграцію, и въ этой области позволялъ себѣ роскошь личнаго мнѣнія и свободнаго слова. Пока отмѣтимъ только нѣкоторыя черты въ живыхъ и яркихъ набросках революціонно-эмиграціоннаго жанра.

Въ Парижѣ, „въ кафе, за десяткомъ маленькихъ столиковъ, важно засѣдали разные habitués революціи, значительно и мрачно посматривавшіе изъ-подъ поярковыхъ шляпъ съ большими полями, изъ подъ фуражекъ съ крошечными козырьками. Это были вѣчные женихи революціонной Пенелопы, неизбѣжныя лица всѣхъ политическихъ демонстрацій, составляющіе ихъ *табло*, ихъ *фонъ*, грозные издали, какъ драконы изъ бумаги, которыми китайцы хотѣли застращать англичанъ.

„Въ смутныя времена общественныхъ пересозданій, бурь, въ которыя государства надолго выходятъ изъ обыкновенныхъ пазовъ своихъ, нарождается новое поколѣніе людей, которыхъ можно на-

звать хористами революціи; выращенное на подвижной и вулканической почвѣ, воспитанное въ тревогѣ и перерывѣ всякихъ дѣлъ, оно съ раннихъ лѣтъ вживается въ среду политическаго раздраженія, любитъ драматическую сторону его, его торжественную и яркую постановку. Для нихъ всѣ эти банкеты, демонстраціи, протестаціи, сборы, тосты, знамена—главное въ революціи...

„Толкуя всю жизнь о небольшомъ числѣ политическихъ мыслей, они объ нихъ знаютъ, такъ сказать, риторическую сторону, ихъ священническое облаченіе, т. е. тѣ общія мѣста, которыя послѣдовательно одни и тѣ же, à tour de rôle, какъ уточки въ извѣстной дѣтской игрушкѣ, въ газетныхъ статьяхъ, въ банкетныхъ рѣчахъ и въ парламентскихъ выходкахъ.

„Сверхъ людей наивныхъ, революціонныхъ доктринеровъ, въ эту сферу естественно втекаютъ непризнанные артисты, несчастные литераторы, студенты, не окончившіе курса, но окончившіе ученье адвокаты безъ процессовъ, артисты безъ таланта, люди съ огромнымъ самолюбіемъ, но съ малыми способностями, съ огромными притязаніями, но безъ выдержки и силы на трудъ. Внѣшнее руководство, которое гуртомъ пасетъ въ обыкновенныя времена стада человѣческія, слабѣетъ во времена переворотовъ, люди, оставленные сами на себя, не знаютъ, что имъ дѣлать. Легкость, съ которой, — и то только повидимому, — всплываютъ знаменитости въ революціонныя времена, поражаетъ молодое поколѣніе и оно бросается въ пустую агитацію; она пріучаетъ ихъ къ сильнымъ потрясеніямъ и отучаетъ ихъ отъ работы. Жизнь въ кофейныхъ и клубахъ увлекательна, полна движенія, льститъ самолюбію и вовсе не стѣсняетъ. Опоздать нельзя, трудиться не нужно; что не сдѣлано сегодня, можно сдѣлать завтра, можно и вовсе не дѣлать.

„Хористы революціи, подобно хору греческихъ трагедій, дѣлятся еще на полухоры. Къ нимъ идетъ ботаническая классификація: одни изъ нихъ могутъ называться *тайнобрачными*, другіе *явнобрачными*. Одни изъ нихъ дѣлаются вѣчными заговорщиками, мѣняютъ по нѣсколько разъ квартиру и форму бороды. Они таинственно приглашаютъ на какія-то необыкновенно важныя свиданія, если можно, ночью или въ какомъ-нибудь неудобномъ мѣстѣ. Встрѣчаясь публично съ своими друзьями, они не любятъ кланяться головой и значительно кланяются глазами. Многіе скрываютъ свой адресъ, не сообщаютъ день отъѣзда, не сказываютъ, куда ѣдутъ, пишутъ шифрами и химическими чернилами новости, напечатанныя просто голландской сажей въ газетахъ“.

Только это скоморошество и только этотъ балаганъ и усвоили себѣ постоянные женихи русской революціонной Пенелопы. Все это хористы; хормейстеровъ, великихъ революціонеровъ нѣтъ. Сегодня

одинъ, завтра другой—мелькаютъ и исчезаютъ майскіе жуки освободительныхъ безпорядковъ. И при общей мелкомысленности революціи профессора кажутся студентами, студенты гимназистами, а гимназисты младенцами,—всѣ же вообще людьми шалыми и совсѣмъ несуразными.

Туманное мелкомысліе доводитъ претенціозное ничтожество до свирѣпой тираніи и крайне ограниченнаго деспотизма. Наши освободители не слушаютъ послѣднихъ словъ Л. Толстого къ его статьѣ „Великій грѣхъ“, какъ на западѣ и теперь еще не слушаютъ Генри Джорджа, какъ въ свое время французы не слушали Прудона.

„Прошедшій годъ,—говоритъ Герценъ въ „Omnia mea mecum porto“,—чтобы достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ странное зрѣлище: *борьбу свободнаго человѣка съ освободителями человѣчества.* Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, безпощадное отрицаніе, неутомимая иронія Прудона возмутили записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ; они напали на него съ ожесточеніемъ; они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ. Они испугались его атеизма и его анархіи; они не могли понять, какъ можно быть свободными безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не люди для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ; они его предали революціонной анаѳемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего. Талантъ Прудона и звѣрство полиціи спасли его отъ клеветы. Уже гнусное обвиненіе въ предательствѣ ходило изъ устъ въ уста демократической черни, когда онъ бросилъ свои знаменитыя статьи въ президента, который не нашелъ лучшаго отвѣта, оглушенный ударомъ, какъ тѣснить колодника, запертаго за мысль и слово. Видя это, толпа примирилась.

„И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привиллегированные освободители человѣчества! Они боятся свободы. Имъ надобенъ господинъ для того, чтобы не избаловаться; имъ нужна власть, потому что они не довѣряютъ себѣ“.

XXII.

Теперь нѣсколько замѣчаній о томъ нигилистическомъ ореолѣ, которымъ органы русскаго либерализма пытаются окружить побѣдныя головы эмигрантовъ.

„Сколько страданій, — писалъ Герценъ,—сколько лишеній, слезъ... И сколько пустоты, сколько узости, какая бѣдность умственныхъ

силъ, запасовъ, пониманія, какое упорство въ раздорѣ и мелкость въ самолюбіи!

„Съ одной стороны, люди простые, инстинктомъ и сердцемъ понявшіе дѣло революціи и приносящіе ему наибольшую жертву, которую человѣкъ можетъ принести, добровольную нищету, составляютъ небольшую кучку. Съ другой, это худо прикрытыя, затаенныя самолюбія, для которыхъ революція была служба, position sociale, и которые сорвались въ эмиграцію, не достигнувъ мѣста. Потомъ всякіе фанатики, мономаны всѣхъ мономаній, сумасшедшіе всѣхъ сумасшествій; въ силу этого натянутаго, раздраженнаго, нервнаго состоянія—верченіе столовъ надѣлало въ эмиграціи страшное количество жертвъ. Кто не вертѣлъ столовъ, отъ Виктора Гюго и Ледрю Роллена до Квирика Филопанти, который пошелъ дальше... и узнавалъ все, что человѣкъ дѣлалъ тысячу лѣтъ тому назадъ?"

Во время Герцена всѣ подонки европейскаго броженія въ концѣ концовъ осѣдали въ Лондонѣ. И Герценъ превосходно работалъ въ этой алхимической лабораторіи, изучая и классифицируя homunculus'овъ задняго двора революціи.

„Можно себѣ представить, сколько противоположнаго снадобья захватываютъ съ собой съ материка и оставляютъ въ Англіи приливы и отливы революцій и реакцій, истощающихъ, какъ перемежающаяся лихорадка, европейскій организмъ, и что за удивительные слои людей низвергаются этими волнами и бродятъ по сырому, топкому лондонскому дну. Каковъ долженъ быть хаосъ понятій, воззрѣній у этихъ образцовъ всѣхъ нравственныхъ формацій, всѣхъ протестовъ, всѣхъ утопій, всѣхъ отчаяній, всѣхъ надеждъ, встрѣчающихся въ закоулкахъ, харчевняхъ и питейныхъ домахъ Леснеръсквера и его *проселочныхъ* переулковъ... Тамъ по public hous'амъ и харчевнямъ сидятъ эти чужіе, эти гости за джиномъ съ горячей водой, съ холодной водой и совсѣмъ безъ воды, съ горькимъ портеромъ въ кружкѣ и съ еще больше горькими словами на губахъ, поджидая революціи, къ которой они больше не способны и денегъ отъ родныхъ, которыхъ никогда не получатъ".

Это люди конченные и больше ни на что негодные.

„Эмиграціи, предпринимаемыя не съ опредѣленною цѣлью, а вытѣсняемыя побѣдой противной партіи, замыкаютъ развитіе и утягиваютъ людей изъ живой дѣятельности въ призрачную. Выходя изъ родины съ затаенной злобой, съ постоянною мыслью завтра снова въ нее въѣхать, люди не идутъ впередъ, а постоянно возвращаются къ старому; надежда мѣшаетъ осѣдлости и длинному труду; раздраженіе и пустые, но озлобленные споры не позволяютъ выйти изъ извѣстнаго числа вопросовъ, мыслей, воспоминаній, изъ которыхъ образуется обязательное, тяготящее преданіе. Люди вообще, но пуще всего люди въ исключительномъ положеніи, имѣютъ такое пристрастіе къ формализму, къ цеховому духу, къ профессіональной наружности, что тотчасъ принимаютъ свой ремесленническій, доктринерный тонъ.

„Всѣ эмиграціи, отрѣзанныя отъ живой среды, къ которой принадлежали, закрываютъ глаза, чтобы не видѣть горькихъ истинъ, сживаются больше въ фантастическій, замкнутый кругъ, состоящій изъ косныхъ воспоминаній и несбыточныхъ надеждъ. Если прибавимъ къ этому отчужденіе отъ не эмигрантовъ, что-то озлобленное, подозрѣвающее, исключительное, ревнивое, то новый упрямый Израиль будетъ совершенно понятенъ.

Другой тормазъ, останавливающій эмиграціи, состоитъ въ отстаиваніи себя другъ противъ друга; это страшно убиваетъ внутреннюю работу и всякій добросовѣстный трудъ. Объективной цѣли у нихъ нѣтъ; всѣ партіи упрямо консервативны; движеніе впередъ кажется имъ слабостью, чуть не бѣгствомъ; сталъ подъ знамя, такъ стой подъ нимъ, хотя бы со временемъ и разглядѣлъ, что цвѣта не совсѣмъ такіе, какъ казалось".

„Сходя съ вершинъ въ средніе слои эмиграціи, мы увидимъ, что большая часть была увлечена въ изгнаніе благороднымъ порывомъ и риторикой. Люди эти жертвовали собой за слова, т.-е. за ихъ музыку, не давая себѣ никогда яснаго отчета въ смыслѣ ихъ. Они любили ихъ горячо и вѣрили въ нихъ, какъ католики любили и вѣрили въ латинскія молитвы, не зная по-латыни. La fraternité universelle comme base de la république universelle—это кончено и принято! Point de sallarie et la solidarité des peuples. И, покраснѣйте; этого иному достаточно, чтобы идти на баррикаду, а ужъ коли французъ пойдетъ, онъ съ нея не побѣжитъ".

„Массы эмиграціи представляютъ своего рода вѣчно открытое угрызеніе совѣсти предъ глазами вождей. Въ нихъ всѣ ихъ недостатки являются въ томъ преувеличенномъ и смѣшномъ видѣ, въ какомъ парижскія моды являются гдѣ-нибудь въ русскомъ уѣздномъ городѣ".

Изъ этихъ дикихъ и мрачныхъ фактовъ, изъ этихъ первобытныхъ и уродливыхъ типовъ Герценъ дѣлаетъ страшный, безпощадный и категорическій выводъ.

„Я пять лѣтъ не видалъ свѣтлаго лица, не слыхалъ простого смѣха, понимающаго взгляда. Все фельдшеры были вездѣ, да прозекторы. Фельдшеры все пробовали лѣчить, прозекторы все указывали имъ по трупу, что они ошиблись,—ну, и я, наконецъ, схватилъ скальпель; можетъ рѣзнулъ слишкомъ глубоко съ непривычки".

Нельзя не любоваться на свѣжій, свѣтлый и зоркій умъ Герцена! Ни одно идейное бѣльмо не омрачаетъ его взгляда; его уши

не заткнуты пропотѣвшею ватою схоластической рутины; его слово не отдано подъ долгосрочную росписку въ партійную кассу ссудъ; его мозгъ не давитъ безсмысленный прессъ революціоннаго обскурантизма. Онъ не беретъ по заборной книжкѣ ежедневный, еженедѣльный и ежемѣсячный хлѣбъ въ мелочной лавочкѣ идейнаго приказчика, торгующаго колоніальною гнилью. Онъ богатъ,—богатъ своимъ умомъ и своею совѣстью.

Наши либеральные и радикальные органы утверждаютъ, что революціонеры и эмигранты—свѣтъ міру и соль земли, что это Атласы, держащіе на своихъ плечахъ небо, что это рыцари безъ пятна и упрека. Простодушные простофили, вѣря въ кредитъ фантастическимъ утопіямъ своихъ вождей, въ метафизической дали, въ идейномъ туманѣ видятъ чуть не маститыхъ альпійскихъ старцевъ.

Возьмите третій томъ собранія сочиненій Герцена и подойдите поближе. Развѣ вы не видите, что это облѣзлыя и вонючія чучела изъ музея доисторическихъ древностей, куклы изъ парикмахерской для демонстраціи парика и волосъ, огородныя пугала, шуты гороховые?

XXIII.

По многимъ вопросамъ съ Герценомъ можно и должно спорить. Вѣдь и на склонѣ лѣтъ, умудренный огромнымъ житейскихъ опытомъ мыслитель въ блестящихъ и остроумныхъ тирадахъ иногда оставался тѣмъ же упрямымъ, задорнымъ и неугомоннымъ Шушкой, который падалъ на полъ и притворялся мертвымъ, когда не сразу исполняли его дѣтскіе капризы. И въ конечныхъ выводахъ онъ порой оказывался такимъ же баловнемъ, какимъ бывалъ когда-то въ дѣтской.

Но что за богатырское здоровье, какая юношеская свѣжесть, сколько искренняго увлеченія въ страстной, нервной, всегда умной, хотя порой слишкомъ узорной и причудливой рѣчи этого сѣдовласаго Шушки! Онъ до смерти не утратилъ юношеской стремительности и впечатлительности. Но его взглядъ скоро сталъ пытливымъ и зоркимъ. На схоластической мякинѣ провести его было невозможно. Онъ жилъ, хотѣлъ жить и умѣлъ жить,— т. е. обладалъ тѣмъ искусствомъ, память о которомъ давно исчезла среди нашего опустившагося и дряблаго поколѣнія. Это уже человѣкъ не нашего вѣка,— человѣкъ здоровый, прямой, честный въ словѣ и мысли, отвѣтственный за свои дѣла и свою проповѣдь. Это Гулливеръ для пигмеевъ нашего времени и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ проявленіяхъ его тонкой, изящной, артистической натуры заморыши

текущаго поколѣнія видятъ слѣды титанической мощи, гнѣвныя вспышки Прометеева огня.

Этимъ намъ милъ и дорогъ Герценъ, сучковатою дубиною разбившій вдребезги уродливыхъ фетишей прогресса, эволюціи, человѣчества, безпрерывной амнистіи, постоянной невмѣняемости и безотвѣтственности,—человѣкъ рожденный для земли, сокрушитель уродливыхъ химеръ.

Но, можетъ быть, насъ обвинятъ въ чрезмѣрности аппетита? Можетъ быть, скажутъ намъ, что Герценъ, въ отмѣченныхъ здѣсь чертахъ, лакомый кусокъ и для противной стороны и что безъ бою мнѣ его не отдадутъ?

Но это обвиненіе основано на недоразумѣніи. Я любуюсь Герценомъ со стороны, какъ опытнымъ и непобѣдимымъ гладіаторомъ на аренѣ діалектики. Мнѣ Герценъ въ его конечныхъ выводахъ, въ его „рѣшеніяхъ“, — а такія рѣшенія у него были, хотя отъ этого онъ и отпирался, — совсѣмъ не нуженъ. Предъявлять своихъ правъ на него я не буду и безъ боя отдамъ его западникамъ, съ самымъ искреннимъ пожеланіемъ пріятнаго аппетита.

Если бы эта сдѣлка состоялась, для передовой печати насталъ бы золотой вѣкъ. Сантиментальныя ламентаціи по адресу полупѣгаго полубога, человѣчества, перестали бы наводить тяжелый сплинъ на людей здоровыхъ, простыхъ и честныхъ. Совершенно идіотскія рѣчи о прогрессѣ и эволюціи, о стихійности и закономѣрности общественной жизни не сплетали бы вѣнковъ для бродягъ и громилъ, для забастовщиковъ и хулигановъ, для пестраго отребья общественнаго дна, для пьяной толпы лѣнтяевъ и озорниковъ. Открылась бы возможность для сознательной и разумной дѣятельности. Можетъ быть, хотя и не сразу, вспыхнули бы и загорѣлись искорки здраваго смысла. Можетъ быть, хотя и не сразу, явился бы смѣльчакъ, который о земныхъ и мірскихъ дѣлахъ заговорилъ бы какъ человѣкъ этого міра. Можетъ быть, нашелся бы юный витязь съ сифономъ сельтерской воды, который проникъ бы въ заколдованный замокъ спящей послѣ долгой попойки царевны, нашей интеллигенціи, и развѣялъ бы ея хмельной идейный сонъ. Можетъ быть, идейный обскурантизмъ и идейное мракобѣсіе отошли бы на дно, за стѣну, въ туманы и остались бы достояніемъ только самозванныхъ „дѣтей солнца“.

Можетъ быть... Но, къ глубочайшему сожалѣнію, ничего подобнаго быть не можетъ. Ни западники, ни народники, ни марксисты, ни врачи и провизоры, ни обсоюженные профессора и журналисты *этого* Герцена не возьмутъ. На этихъ страницахъ они читаютъ роковую надпись: „смерть тараканамъ“, т. е. профессорамъ Карѣеву, Трачевскому, Милюкову, Бодуэну де-Куртене, на благо человѣчеству

уже выслужившему пенсію, и журналистамъ Юрицыну, Ходскому, Меньшикову, съ ихъ пестрымъ и разноязычнымъ причтомъ, и прочей фалангѣ млекопитающихъ и живущихъ жвачкою скверной бумаги общедоступныхъ изданій.

Этого Герцена они всегда оставляли и навсегда оставятъ подъ сурдинкой, какъ будто бы его вовсе и не было, какъ будто бы онъ вовсе и не былъ самымъ тонкимъ и опытнымъ экспертомъ по дѣламъ революціи и эмиграціи.

Какъ же въ такомъ случаѣ дѣлить Герцена, чтобы окончательно не опростоволоситься, т. е. хоть кое-какъ, черезъ пень въ колоду, провести межевую черту и отдѣлить площади несомнѣннаго владѣнія тяжущихся сторонъ?

По здравому смыслу и разсужденію, дѣло слѣдовало бы повести такъ. Герценъ, конечно, вездѣ Герценъ—отъ первой страницы перваго тома до послѣдней седьмого. На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ неизгладимая печать его личности, его самобытности и его духа. Но онъ росъ очень скоро. И въ „Дневникѣ“, напримѣръ, есть черты того же ума и того же характера, которые такъ ярко и всесторонне проявились въ „Быломъ и думахъ“. Но, если бы Герценъ, кромѣ „Дневника“, ничего не написалъ, его имя теперь было бы забыто. Никто не могъ бы предсказать, что могло бы возникнуть изъ такого смутнаго и безформеннаго хаоса, какъ этотъ „Дневникъ“. Поэтому, казалось бы, что по отдѣльнымъ стадіямъ его развитія, по періодамъ, можно опредѣлить, въ какую сторону онъ росъ, что съ годами было брошено и что окрѣпло, въ какую сторону тянули его послѣднія думы.

И сдѣлать это было бы не трудно. Сами собою, точно и опредѣленно, въ жизненной и духовной драмѣ Герцена намѣчаются четыре періода: 1) періодъ переписки съ Н. А. Захарьиной и „Дневника“; 2) періодъ „Писемъ изъ Франціи и Италіи“ и особенно серіи статей подъ общимъ заглавіемъ „Съ того берега“; 3) періодъ „Былого и думъ“ и 4) періодъ публицистическихъ статей въ „Колоколѣ“.

Можно думать, что первые три пункта приметъ и противная сторона. Противъ четвертаго слѣдуетъ ждать возраженій. Уже говорили и непремѣнно будутъ говорить, что Герценъ четвертаго періода уже не Герценъ, что онъ съ годами выжилъ изъ ума и будто бы измѣнилъ своимъ традиціямъ, съ которыми онъ выѣхалъ изъ Россіи. Этотъ четвертый періодъ не сказался въ какомъ-нибудь яркомъ и законченномъ произведеніи, въ родѣ „Былаго и думъ“, и поэтому на этой почвѣ возможны споры. Могутъ сказать, что только дипломатическій тактъ г. Витте можетъ разрубить этотъ гордіевъ узелъ; и тогда на своихъ требованіяхъ я настаивать не буду, заручившись тѣмъ, что мнѣ удастся прихватить по первымъ тремъ пунктамъ.

Пока намѣчу только прелиминарныя условія и статьи предполагаемаго соглашенія.

XXIV.

„Дневникъ“, безъ всякихъ споровъ и пререканій, придется уступить западникамъ, республиканцамъ, революціонерамъ и доктринерамъ. До личнаго знакомства съ западомъ, Герценъ былъ правовѣрнымъ западникомъ. Но Герценъ сталъ настоящимъ Герценомъ только послѣ 1848 г. До этого времени онъ не выдѣлялся изъ рядовъ и шелъ въ ногу съ Бѣлинскимъ и до крупной размолвки съ Грановскимъ. До этого времени, по его собственному сознанію, онъ былъ молодъ, но состарился въ два года за эти дни разочарованія.

Неопытностью молодости и незрѣлостью мысли вѣетъ отъ „Дневника“. Это время рабскаго преклоненія передъ доктринами и авторитетами, время идоложертвеннаго культа передъ Сенъ-Симономъ, Фейербахомъ, Прудономъ и самыми разнородными фетишами международнаго капища. Молодая восторженность бьетъ черезъ край. Мечтательная мысль безцѣльно бродитъ по горнымъ вершинамъ, не спускаясь въ долины, и на Икаровыхъ крыльяхъ перелетаетъ бездны. Герценъ за это время еще не нашелъ своего слога и писалъ блѣдно и вычурно, какъ послѣ него писали Шелгуновы и Михайскіе, Милюковы и Прокоповичи.

Герценъ на свою переписку съ невѣстой смотрѣлъ, какъ на литературное произведеніе, и впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, критически оцѣнилъ эти любопытные документы молодого лиризма и сдѣлалъ это довольно точно и вѣрно.

„Разница между слогомъ писемъ Natalie и моимъ очень велика, особенно въ началѣ переписки; потомъ онъ уравнивается и впослѣдствіи дѣлается сходенъ. Въ моихъ письмахъ, рядомъ съ истиннымъ чувствомъ, ломанныя выраженія, изысканныя, эффектныя слова, явное вліяніе школы Гюго и новыхъ французскихъ романистовъ. Ничего подобнаго въ ея письмахъ; языкъ ея простъ, поэтиченъ, истиненъ; на немъ замѣтно одно вліяніе, вліяніе Евангелія. Тогда я все еще старался писать свысока и писалъ дурно, потому что это не былъ мой языкъ. Жизнь въ непрактическихъ сферахъ и излишнее чтеніе долго не позволяютъ юношѣ просто и естественно говорить и писать; умственное совершеннолѣтіе начинается для человѣка только тогда, когда его слогъ устанавливается и принимаетъ свой послѣдній складъ“ (II, 362).

*

Но объ этой перепискѣ говорить нечего. Едва ли среди „мыслящей Россіи“ найдется хоть одинъ человѣкъ, какимъ бы рьянымъ поклонникомъ Герцена онъ ни былъ, который могъ бы одолѣть этотъ увѣсистый седьмой томъ. Послѣ нѣсколькихъ десятковъ страницъ (всего 588, шрифтъ очень убористый) является такая убійственная тоска, что томъ самъ собою выпадаетъ изъ рукъ. Но и это признаніе Герцена имѣетъ значеніе для оцѣнки его слога до 1848 г., значитъ, и для „Дневника“.

Еще цѣннѣе другое признаніе Герцена. Онъ хвалитъ профессора Павлова за ясность изложенія философскихъ идей.

„Молодые философы приняли, напротивъ, какой-то условный языкъ; они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей.

„Я имѣю право это сказать, потому что, увлеченный тогдашнимъ потокомъ, я самъ писалъ точно такъ же, да еще удивлялся, когда извѣстный астрономъ Перевощиковъ называлъ это „птичьимъ языкомъ“. Никто въ то время не отрекся бы отъ подобной фразы: „конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, въ которой онъ, опредѣляясь для себя, потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ“. Замѣчательно, что тутъ русскія слова, какъ на извѣстномъ обѣдѣ генераловъ, о которомъ говорилъ Ермоловъ, звучатъ иностраннѣе латинскихъ“.

И Герценъ правъ: даже въ „Дневникѣ“ онъ писалъ такъ же, какъ и другіе „молодые философы“. Подлинникъ иногда ничѣмъ не уступаетъ пародіи. Вотъ что, напримѣръ, онъ писалъ въ декабрѣ 1842 года:

„Философія ведетъ къ имманенціи; но если самопознаніе, субъективность развертывается, погружаясь въ міръ реальный, а міръ реальный idealiter долженъ развиться въ самопознаніе, но можетъ gehemmt sein на дорогѣ случайностью, стало, можно предположить такую эпоху вселенной, въ которой субъективности, сознанія вовсе нѣтъ, а есть dumpfes unklares für sich броженіе,— а если планета такая же индивидуальность, какъ индивидуальность человѣка, то, и развившись до сознанія, она можетъ погибнуть, и съ ней весь побѣжденный процессъ, который долженъ бы былъ продолжаться на всѣхъ. Но изъ нихъ каждое такъ же зависитъ отъ случайности,— отсюда хаотическое, страшное воззрѣніе“.

Это, очевидно, общепринятый языкъ всѣхъ передовыхъ умовъ отъ Герцена до нашихъ дней,—вѣрный признакъ вавилонскаго плѣненія оторванныхъ отъ земли іудеевъ.

XXV.

Въ сознаніи Герцена рано поднимаются тѣ вопросы, которые волновали его всю жизнь, которые были главными проблемами его ищущей мысли и совѣсти. Эти вопросы возникали и опредѣлялись при столкновеніи со взглядами славянофиловъ.

Германецъ вноситъ въ исторію и жизнь идею личности. „Но имѣли ли мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своемъ поставитъ не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распредѣленіе труда, не принадлежитъ Европѣ? Въ этомъ весь вопросъ. Славяне ли, оплодотворясь Европой, одѣйствоварятъ (!) идеалъ ея и пріобщатъ къ своей жизни дряхлую Европу, или она насъ пріобщитъ къ поюнѣвшей жизни своей? Славянофилы разрѣшаютъ этого рода вопросы скоро, какъ будто дѣло давно рѣшенное. Есть указанія, но далеко нѣтъ полнаго рѣшенія“ (VI, 107).

Это наивныя рѣчи довѣрчивой молодости,—рѣчи того, кто много читалъ объ Европѣ, но Европы не видѣлъ. Впрочемъ, въ ту пору у Герцена было уже и полное „рѣшеніе“ этого вопроса.

„Славянофильство приноситъ ежедневно пышные плоды, — писалъ онъ гораздо раньше этого. — Открытая ненависть къ западу есть открытая ненависть ко всему процессу развитія рода человѣческаго, ибо западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній, все прошлое и настоящее человѣчество (ибо не ариѳметическая цифра, счетъ племенъ или людей—человѣчество)“. (VI, 94—95)

Это ужъ почти по Милюкову, — это тѣ избитыя и шаблонныя, общія мѣста, которыя въ кредитъ и на вѣру принимаются современными мѣстными и немѣстными дѣятелями, помѣшанными на конституціи. Сколько остроумія и негодующей ироніи пришлось потратить Герцену, чтобы въ дребезги разбить эту затхлую рутину, гнилую мудрость праздности, лѣности и скудоумія! Но въ періодъ „Дневника“ Герценъ былъ прямолинеенъ и послѣдователенъ.

„Святая почва Европы, благословенье ей, благословенье!“ (VI, 142).

Съ нелегкой руки Герцена это выраженіе, какъ и формула „страна святыхъ чудесъ“, обошла всѣ передовые умы и произвела большой кавардакъ. Писатели и читатели изъ третьихъ и десятыхъ рукъ получали эти фразы, твердили ихъ, какъ попугаи, и въ простодушномъ невѣжествѣ не знали, что для Герцена, когда онъ сбросилъ розовые очки молодого легкомыслія, эта святая почва—оказалась только Campo Santo, кладбищемъ.

Но любопытно, что и въ „Дневникѣ“ есть намеки на ту трезвую и широкую мысль, которая спасла Герцена отъ революціонной рутины, отъ схоластическаго староверчества западниковъ и безжизненнаго формализма доктринеровъ.

15 декабря Герценъ посылалъ благословенье святой почвѣ Европы, а 17 записалъ въ своемъ „Дневникѣ“ слѣдующее.

„Оттого, что мы глубоко, непримиримо распались съ существующимъ,—оттого ни у кого нѣтъ собственно практическаго дѣла, которое было бы принимаемо за дѣло истинное, вовлекающее въ себя всѣ силы души. Отсюда небрежность, nonchalence, дальше эгоизмъ, лѣнь и бездѣйствіе“. (VI, 143).

Вотъ мысль, которая, какъ мышь, перегрызла теоретическія путы, сковавшія юную мощь порывистаго львенка, которая изъ метафизическихъ дебрей вывела Герцена на широкую дорогу здраваго смысла, которая свѣяла съ живой совѣсти живого человѣка наносные слои книжной пыли!

И все таки въ „Дневникѣ“ Герценъ—западникъ до мозга костей. Эти бѣглыя зарницы разумной критики и нормальнаго мышленія тонутъ въ глубокомъ мракѣ идейной ночи и дороги впередъ не освѣщаютъ. Чтобы перестать быть западникомъ, Герцену нужно было переѣхать границу, побывать въ Парижѣ, посмотрѣть на революцію и размыкивать жгучее разочарованіе по Франціи и Италіи,—надо было пережить ту катастрофу, которая вызвала гнѣвъ и скорбь „Писемъ изъ Франціи и Италіи“ и серіи статей „Съ того берега“.

XXVI.

„Я стыжусь за наше поколѣніе,—это слова Герцена; помните, *Герцена*,—мы какіе-то бездушные риторы; у насъ кровь холодна, а горячи одни чернила; у насъ мысль привыкла къ какому-то безслѣдному раздраженію, а языкъ къ страстнымъ словамъ, не имѣющимъ никакого вліянія на дѣло. Мы размышляемъ тамъ, гдѣ надобно разить, обдумываемъ тамъ, гдѣ надобно увлечься; мы отвратительно благоразумны, на все смотримъ свысока; мы все переносимъ, мы занимаемся однимъ *общимъ, идеей, человѣчествомъ*. Мы заморили наши души въ отвлеченныхъ и общихъ сферахъ,—такъ, какъ монахи обезсиливали ее въ мірѣ молитвы и созерцанія. Мы потеряли вкусъ къ дѣйствительности, вышли изъ нея вверхъ,—такъ, какъ мѣщане вышли внизъ.

„А вы что сдѣлали, революціонеры, испугавшіеся революціи? Политическіе шалуны, паяцы свободы, вы играли въ республику, въ терроръ, въ правительство; вы дурачились въ клубахъ, болтали въ камерахъ, одѣвались шутами съ пистолетами и саблями, цѣломудренно радовались, что заявленные злодѣи, удивляясь, что живы, хвалили ваше милосердіе. Вы ничего не предупредили, ничего не предвидѣли. А тѣ, лучшіе изъ васъ, заплатили головой за ваше безуміе. Учитесь теперь у вашихъ враговъ, которые васъ побѣдили, потому что они умнѣе васъ. Посмотрите, боятся-ли они реакціи, боятся-ли они идти слишкомъ далеко, замарать себѣ кровью руки? Они по локоть, по горло въ крови. Погодите немного, они васъ всѣхъ переказнятъ; вы недалеко ушли. Да, что переказнятъ,—они васъ пересѣкутъ всѣхъ.

„Меня просто ужасаетъ современный человѣкъ. Какая безчувственность и ограниченность, какое отсутствіе страсти, негодованія, какая слабость мысли, какъ скоро стынетъ въ немъ кровь, какъ рано изношено въ немъ увлеченіе, энергія, вѣра въ собственное дѣло!—И гдѣ? Чѣмъ? Когда эти люди истратили свою жизнь, когда они успѣли потерять силы? Они растлились въ школѣ, гдѣ ихъ одурачили. Они истаскались въ пивныхъ лавкахъ, въ студентской одичалости; они ослабли отъ маленькаго грязнаго разврата; родившіеся, выросшіе въ больничномъ воздухѣ, они мало принесли силъ и завяли потомъ, прежде нежели расцвѣли; они истощились не страстями, а страстными мечтами. И тутъ, какъ всегда, литераторы, идеалисты, теоретики, они мыслью постигли развратъ, они прочитали страсть. Право, иной разъ становится досадно, что человѣкъ не можетъ перечислиться въ другой родъ звѣрей; разумѣется, быть осломъ, лягушкой, собакой пріятнѣе, честнѣе и благороднѣе, чѣмъ человѣкомъ XIX в.

„Винить некого: это не ихъ, не наша вина. Это несчастіе рожденія тогда, когда цѣлый міръ умираетъ.

„Одно утѣшеніе и остается: весьма вѣроятно, что будущія поколѣнія выродятся еще больше, еще больше обмелѣютъ, обнищаютъ умомъ и сердцемъ; имъ ужъ и наши дѣла будутъ недоступны и наши мысли будутъ непонятны. Народы, какъ царскіе домы, передъ паденіемъ тупѣютъ; ихъ пониманіе омрачается; они выживаютъ изъ ума, какъ Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ какомъ-то чаду, ни разу не пришедши въ себя. Какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измельчавшая Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ, безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искусствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію лѣтописей“. (V, 274).

3 февраля 1857 г. въ Лондонѣ Герценъ произнесъ свой собственный судъ надъ цикломъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ „Съ того берега". Вспомнилъ онъ о нихъ въ статьѣ „Еще варіація на старую тему". „Положимъ,—говорилъ онъ,—что мой взглядъ и былъ болѣзненный, страстный, личный, когда я восемь лѣтъ тому назадъ писалъ „Съ того берега"; но время такъ грозно подтвердило его, что онъ сталъ еще незыблемѣе въ моемъ умѣ и, не измѣняясь ни въ чемъ существенномъ, только остылъ".

Это замѣчаніе доказываетъ, какъ остороженъ и точенъ былъ Герценъ въ своихъ словахъ и выраженіяхъ. Ему, очевидно, казалось, что онъ, можетъ быть, ошибся, что ему, можетъ быть, измѣнилъ глазъ, что грядущія поколѣнія, можетъ быть, и не свалятся на дно темной бездны. Но онъ, къ сожалѣнію былъ правъ. Его потрясающее пророчество сбылось до послѣдняго слова.

Наше время еще болѣе грозно подтвердило невеселую правду его словъ.

Мы съ завистью, благоговѣніемъ и уваженіемъ смотримъ на людей сороковыхъ годовъ, какъ на какихъ-то титановъ мысли, какъ на крупныхъ, смѣлыхъ, честныхъ и чистыхъ людей, надолго вписавшихъ свои имена въ скрижали исторіи общественной жизни. Сыновья и внуки этого по нашему сильнаго поколѣнія—карлики въ сравненіи съ богатырями той эпохи.

Герценъ утѣшался мечтою о томъ, что слѣдующее, т. е. наше поколѣніе будетъ подло и глупо. И его мечта сбылась. До войны и до освободительныхъ безпорядковъ одичаніе и оподленіе русской интеллигенціи еще не было такъ замѣтно. Теперь оно бьетъ въ глаза каждому, кто не обсоюзился и не съорганизовался съ худшими элементами общества ради достиженія самыхъ низменныхъ цѣлей. И неужели можно найти утѣшеніе въ томъ, что поколѣніе, идущее намъ на смѣну, будетъ еще глупѣе и еще подлѣе? Наглый до наивности развратъ, самодовольная до гордости продажность и безчестность, размашистая и торжествующая лживость,—очевидныя примѣты нашего времени,—только порогъ при спускѣ въ глубочайшіе круги дантовскаго ада? Тогда больше утѣшенія въ лавѣ вулкана, потому что чѣмъ скорѣе погибнетъ Содомъ и Гоморра, тѣмъ лучше.

XXVII.

Страшны эти правдивыя и грозныя рѣчи и, казалось бы, страшнѣе ихъ быть ничего не можетъ. Но Герценъ сказалъ и болѣе страшное слово,—то слово, которое кровь и казни, убійства и мятежи, quasi-суровыя драмы и мнимыя трагедіи превращаетъ въ постыдное кривлянье скомороховъ, въ дикую пляску дикаря-фанатика передъ жертвеннымъ пиромъ, въ фантастическую оргію мертвецовъ.

Тогда рѣчь Герцена шла о Франціи.

„Разумѣется, правительство когда-нибудь упадетъ; все имѣетъ конецъ, особенно во Франціи. Да вы-то во всемъ этомъ что? Народъ не за правительство,—зачѣмъ клепать на него?—Да и не за васъ.

„Народъ не съ вами, потому что въ вашей свободѣ онъ не находитъ своей, потому что ваша борьба—борьба двухъ правительственныхъ формъ—не его борьба. Вы воображаете, что пріобрѣли дѣло, когда произнесли слово, а народу дѣла нѣтъ до словъ. Народъ не съ вами, наконецъ, потому что вы должны быть съ нимъ. Вы должны изучить его стремленія, его желанія, а не онъ давать свою кровь на ваши теоретическія попытки, на вашъ курсъ экспериментальной революціи. Вы видите, что прежней дорогой идти нельзя... Если-же вы не хотите новыхъ путей, если-же вы не можете переродиться, то сознайтесь откровенно, что вы—прошедшее, и доживайте спокойно вашъ вѣкъ, какъ историческая рѣдкость, какъ образчикъ иного времени, не усиливаясь ходить и мутить міръ послѣ смерти, какъ легитимисты, іезуиты, піэтисты". (V, 144).

Для современной русской интеллигенціи—это похоронный звонъ, свидѣтельство ея смерти. Она мертва, потому что въ ней нѣтъ ни мозга, ни сердца, ни крови.

И Герценъ—западникъ даже тогда, когда онъ говоритъ: „народъ не съ вами, потому что вы должны быть съ нимъ". Кто смѣлъ это говорить, кромѣ славянофиловъ?

XXVIII.

Исторія русской интеллигенціи даетъ одинъ поразительный выводъ. Можно загипнотизировать ложью цѣлое поколѣніе или два поколѣнія; можетъ случиться, что за пятьдесятъ лѣтъ ни одинъ человѣкъ не скажетъ правды, хотя эту правду многіе знаютъ.

Сколько лѣтъ всѣ передовые скоморохи, грамотные и полуграмотные, по-идіотски хихикаютъ, вспоминая славянофильское выраженіе, что западъ гніетъ.

Но развѣ они не знали, что Герценъ послѣ 1848 г. постоянно, упрямо, съ поразительною настойчивостью, въ каждомъ своемъ произведеніи, на тысячи ладовъ, съ удивительною силою его убѣж-

денія, его сарказма доказывалъ, что западъ умеръ, что западъ мертвъ, что дѣло гуманности и чести ускорить его смерть?

Приведу,—пока только для иллюстраціи,—два, три примѣра.

„Смерть, — говорилъ Герценъ, — не уничтожаетъ составныхъ частей, а развязываетъ ихъ отъ *прежняго* единства, даетъ имъ волю существовать при иныхъ условіяхъ". (V, 248).

„Мнѣ кажется, что роль *теперешней* Европы совершенно окончена; съ 1848 г. разложеніе ея ростетъ съ каждымъ шагомъ.

„Слова эти ужасаютъ и всѣ безотчетно оспариваютъ ихъ. Разумѣется, не народы погибнутъ,—погибнутъ государства, погибнутъ учрежденія,—римскія, христіанскія, феодальныя, парламентскія, монархическія или республиканскія,—все равно". (V, 304).

Истинный смыслъ этихъ словъ и необходимые выводы изъ нихъ мы покажемъ ниже. Здѣсь мы констатируемъ только фактъ, фактъ его вѣры—то бурной и страстной, то холодной и спокойной—въ смерть запада, въ смерть не западныхъ народовъ, а западной культуры и цивилизаціи, т. е. западной интеллигенціи.

Нѣкоторые радикалы, конечно, знали это, но имъ невыгодно было обнажать эту тайну. Другіе передовые умы по убогому безграмотству этого не знали и съ простодушною довѣрчивостью съ чужаго голоса приписывали Герцену взгляды, которыхъ у него не было. Для стратеговъ партійной полемики дѣломъ тактики было надѣть на Герцена маску паяца, а для рядовыхъ періодическихъ вралей это было дѣломъ лагеря и партіи, непререкаемой истиной, общеобязательной догмой.

Это можно было дѣлать, когда „большой публикѣ" сочиненія Герцена были недоступны. Теперь они вышли въ свѣтъ и безнаказанно лгать стало невозможно. Но за пятьдесятъ лѣтъ эта ложь пустила крѣпкіе корни въ нигилистическихъ дебряхъ и теперь лгутъ уже по старой привычкѣ. И не могутъ не лгать, и будутъ лгать, потому что ложь единственное оружіе въ полемическомъ арсеналѣ нашихъ передовыхъ публицистовъ и журналистовъ, абсолютныхъ врачей и радикальныхъ адвокатовъ, потому что имъ пришлось бы сознаться, что Герценъ непримиримый врагъ ихъ программы, ихъ идеологіи, ихъ дѣятельности, какъ такимъ же непримиримымъ врагомъ ихъ оказался недавно и гр. Л. Толстой въ его замѣчательной статьѣ „Великій грѣхъ".

И имъ *надо* лгать, чтобы отодвинуть на задній планъ огромный и сложный вопросъ, который такъ ярко и опредѣленно ставили Герценъ и Хомяковъ, Толстой и Генри Джорджъ.

Но всякій безпристрастный и добросовѣстный свидѣтель, который, дѣйствительно, прочитаетъ Герцена,—а этого, конечно, не сдѣлаютъ его газетные и журнальные рецензенты и критики,—долженъ будетъ сказать, что вѣра въ смерть запада, другими словами вѣра въ смерть всякой интеллигенціи XIX и XX в.—самая пылкая и пламенная вѣра Герцена, что она давала ему богатый матеріалъ для ироніи и сатиры, для бытовой картины и для картиннаго обобщенія. Эта мысль слишкомъ честна и проста, чтобы войти въ область безчестности и тупоумія по формуламъ текущей идейной извращенности и потому рецензенты, отмѣчая въ сочиненіяхъ Герцена всякіе пустяки, съ удивительнымъ проворствомъ и юркостью обходятъ его центральную мысль.

Съ его точки зрѣнія, положеніе было безусловно безотраднымъ и безусловно безнадежнымъ. „Всѣ побѣждены, все побѣждено, а побѣдителя нѣтъ"!... съ ужасомъ и удивленіемъ подводилъ онъ итоги.

„Когда многіе надѣялись, мы говорили имъ, что это не выздоровлэніе, это румянецъ чахотки. Смѣлые мыслію, дерзкіе на языкъ, мы не побоялись ни изслѣдовать зло, ни высказать его, а теперь выступаетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу передъ темною ночью, которая наступаетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются такъ скоро, что совершеніе ихъ такъ неотразимо...

„Прощай, отходящій міръ! Прощай, Европа!" (V, 247).

Это уже не „Дневникъ". Тамъ „святая почва Европы, благословеніе ей, благословеніе!"

Герценъ сробѣлъ. Герценъ труситъ. Герценъ, который ничего и никого не боялся. Это удивительное дѣло, смыслъ котораго откроется ниже. За этимъ рубежомъ въ сущности бояться нечего. Это потомъ созналъ и самъ Герценъ. Но поклонники Герцена изъ западниковъ и доктринеровъ-формалистовъ этому не повѣрили и не вѣрятъ. Имъ казалось и кажется, что Герценъ, когда онъ труситъ, съ ними. И это имъ кость съ обѣденнаго стола Герцена на прокормъ и утѣху. Въ свое время Герценъ пересталъ трусить.

XXIX.

Самое зрѣлое и обдуманное, самое значительное и яркое произведеніе Герцена,—конечно, „Былое и думы". Это не восторженный поклонникъ Шиллера и Гегеля періода „Дневника", не сраженный титанъ, стонущій отъ обиды и горя „Съ того берега". Это уравновѣшенный, узнавшій себя человѣкъ, искушенный опытомъ и искусившійся въ опытѣ, оцѣнившій ничтожество и произвольность ходячихъ теорій, глубоко постигшій площадное фиглярство мнимой науки, человѣкъ своихъ глазъ, своей головы и своего сердца. Это

здоровый, крѣпкій и трезвый человѣкъ, который твердо стоитъ на своихъ ногахъ, который видалъ виды и умѣетъ извлекать всѣ выгоды изъ своего огромнаго и пестраго житейскаго опыта. Съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, онъ всегда себѣ на умѣ, не поддается рыночному величію и модной популярности. Ни краснорѣчіемъ, ни нахальствомъ, ни общими мѣстами революціонной декламаціи его не прошибешь; онъ,—но всегда по своему,—видитъ человѣка насквозь и умнымъ сарказмомъ сбиваетъ спесь непризнаныхъ геніевъ и нелѣпыхъ шалопаевъ, въ какія-бы яркія тряпки они ни рядились.

Здѣсь онъ рѣже публицистъ и мыслитель, чаще бытописатель и разсказчикъ. Но мѣтко подчеркнутая бытовая черта quasi-идейнаго человѣка часто принижаетъ до дѣйствительнаго уровня не только личность этого человѣка, но и цѣнность его идеи. Талантомъ романиста Герценъ не обладалъ. Его романы идейны, т. е. скучны и плохи. Всегда строгій къ себѣ, онъ и самъ сознавалъ это. Ему была нужна реальная почва и новые люди, чтобы опереться на непосредственные факты для умной, изящной, тонкой и мѣткой характеристики. За то въ этой области онъ вполнѣ мастеръ своего дѣла. Ничего подобнаго въ русской литературѣ нѣтъ. Подобные же опыты въ западныхъ странахъ куда плоше.

О той же порѣ и даже о тѣхъ же людяхъ писалъ, напримѣръ Либкнехтъ. Даже въ манерѣ разсказа и изложенія замѣтно много общаго. Но въ сравненіи съ Герценомъ Либкнехтъ бездарный мазилка и лубочныхъ дѣлъ мастеръ. До тонкости и виртуозности богато одаренной и артистической натуры Герцена педантическому другу Маркса и Энгельса далеко. Одинъ штрихъ Герцена живѣе и ярче, чѣмъ ярко и грубо размалеванныя балаганныя полотна Либкнехта.

Здѣсь свѣжій и трезвый талантъ Герцена развернулся во всю. Единственнымъ, можетъ быть, недостаткомъ является излишнее обиліе и излишняя пестрота красокъ. Шумный каскадъ умныхъ и острыхъ словъ оглушаетъ. Фейерверкъ остроумія и самой неожиданной находчивости и изворотливости отнимаетъ зоркость у глаза. Великолѣпныя подробности обременяютъ большую, строгую и точно опредѣленную мысль. Юмора и шутокъ такъ много, что трудно сохранить серьезное настроеніе, хотя это необходимо почти для каждой страницы.| Для нашихъ отцовъ онъ прежде всего былъ остроумцемъ и его острословіе не допустило въ ихъ сознаніе основную мысль герценовской проповѣди. Въ виду этого его остроты и нынѣ извѣстны всѣмъ, а его убѣжденія очень и очень немногимъ. Его остроты безъ имени автора гуляли по всѣмъ органамъ передовой печати, даже кой въ чемъ набили оскомину, а мысли его еще долго останутся подъ спудомъ, хотя самъ онъ нынѣ положенъ на вскрытіи.

Стоило бы настойчиваго труда отмѣтить мастерскіе пріемы тонкой и умной описательной манеры Герцена, но это отвлекло бы насъ отъ нашей прямой задачи. Для нашей мысли достаточно отмѣтить только одну подробность.

Въ великолѣпной портретной галлереѣ Герцена нѣтъ людей сѣрыхъ, будничныхъ, заурядныхъ, такихъ, которые не имѣли бы никакого отношенія къ міру идей, къ интересамъ научнаго и политическаго движенія, къ вопросамъ общественной дѣятельности и жизни. Здѣсь у него замѣтенъ даже избытокъ виртуозности. Кетчеръ, Энгельсоны, Базиль и Армансъ, Кельсіевъ, русскій князь Голицынъ, ассирійскій полубогъ-полубыкъ въ „Апогеѣ и Перигеѣ“—не своими достоинствами снискали безсмертіе. На нихъ упалъ творческій взглядъ Герцена и изъ скверной глины сдѣлалъ подобіе живого и типичнаго человѣка. Бакунинъ меньше выдвинулся своими личными дѣлами и понятіями, чѣмъ своимъ отраженіемъ въ сознаніи Герцена, на палитрѣ котораго краски были новы, свѣжи и такъ разнообразны.

Но и въ этомъ родѣ литературной живописи Герценъ былъ вполнѣ самобытнымъ. Описывая человѣка, онъ съ нимъ полемизируетъ. Страстно и съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ онъ доказываетъ, что этотъ человѣкъ жилъ и дѣйствовалъ не такъ, какъ надо, что онъ въ сущности недостаточно уменъ, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ могъ бы быть лучше и сообразительнѣе. Если подъ его фотографическій аппаратъ попадетъ человѣкъ поплоше, съ странностями и смѣшными привычками, отъ него живого мѣста не останется. У крупнаго человѣка онъ оборветъ павлиньи перья и, когда начинаетъ восторгаться и хвалить, не церемонится и съ своимъ кумиромъ, такъ что кумиръ съ каждой новой страницей становится мельче, ниже, глупѣе.

Больше всего Герценъ любилъ Гарибальди. Восторгъ не только Италіи, но и всего міра окружалъ личность итальянскаго героя ореоломъ рѣдкаго величія и безпорочной славы.

„Эта минута вносилась въ исторію“,—писалъ Герценъ по поводу словъ Гарибальди о Маццини за ихъ товарищескимъ обѣдомъ.

Рядъ статей о „красной рубашкѣ“, о великомъ героѣ Италіи, завершается любопытнымъ аккордомъ.

„...Ступай, великое дитя, великая сила, великій юродивый и великая *простота*. Ступай на свою скалу, плебей въ красной рубашкѣ и король Лиръ!..“

Ворцель, Маццини, Орсини и даже Прудонъ, при всемъ ихъ великомъ достоинствѣ, были не безъ слабостей, а на слабости у Герцена былъ орлиный взоръ и не ударить по нимъ было выше его воли.

Все это отнюдь не въ укоръ Герцену. Другимъ онъ быть и не

могъ. Таковы были его политическія и теоретическія убѣжденія, что при нихъ люди ложной идеи по необходимости теряли нѣчто и въ личномъ достоинствѣ.

„Былое и думы“ въ зародышѣ уже слагалось и готовилось еще въ статьяхъ „Съ того берега“.

„Чѣмъ ближе мы подходили къ партіямъ и людямъ, тѣмъ пустыня около насъ дѣлалась больше, тѣмъ больше становились мы одни“ (V, 249).

Это великая истина, о которой всѣ забываютъ въ вѣкъ книжности и младенческой идейности. Надо видѣть и знать того человѣка, который проповѣдуетъ „новыя слова“ и „новую правду“. Если по виду святыя и великія слова говоритъ жалкій и безпутный человѣкъ, если эту манеру декламаціи онъ усвоилъ только ради повышенія построчной платы,—онъ вопіетъ и долженъ вопіять въ пустынѣ, ибо это во всякомъ случаѣ одна изъ разновидностей шантажа.

И Герценъ скоро и вѣрно понялъ всю вздорность и произвольность доктринъ и теорій, когда лично познакомился съ ихъ создателями и проповѣдниками. По дѣламъ людей онъ угадывалъ лживость ихъ словъ и переставалъ придавать значеніе ихъ проповѣди. Онъ лучше другихъ понималъ обыденную физіологію идеи въ ея бытовомъ воплощеніи и, когда видѣлъ обнаженныхъ Терситовъ, безъ всякихъ обиняковъ говорилъ, что у нихъ горбъ на спинѣ и ноги кривы.

Если бы у Герцена были единомышленники, люди одной вѣры, онъ не могъ бы написать „Былого и думъ“. Въ основѣ своей „Былое и думы“—это элегія одиночества, лирика нераздѣленной вѣры при сознаніи своей правоты. Это тотъ основный фонъ, на блѣдномъ освѣщеніи котораго проходятъ туманныя картины сложной панорамы революціи и эмиграціи.

XXX.

Основная мысль „Былого и думы“ дана уже въ статьѣ „Omnia mea mecum porto“ изъ серіи „Съ того берега“.

„Потерянные безъ дѣла въ этомъ мірѣ, который рушился со всѣхъ сторонъ, оглушенные безсмысленными спорами, ежедневными оскорбленіями,—мы предавались горю и отчаянію; намъ хотѣлось одного: сложить гдѣ-нибудь усталую голову, не справляясь о томъ, есть ли сновидѣнія или нѣтъ“ (V, 249).

Герценъ уѣзжалъ въ Ниццу, какъ въ мирную обитель, чтобы бѣжать „отъ міра сего“.

„Счастливый ему путь! Онъ довольно меня мучилъ и я не сержусь на него; онъ не виноватъ, но я не имѣю больше ни силы, ни охоты дѣлить его свирѣпыя игры, его пошлый отдыхъ.

„Это вовсе не значитъ, что я совсѣмъ посхимился, далъ обѣтъ, заклятіе; я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, я не считаю себя въ правѣ кабалить мое будущее... Нѣтъ, я поступилъ гороздо проще; я отошелъ въ сторону отъ непогоды и долгаго ненастья, не видя средствъ остановить его“ (V, 141).

На всемъ протяженіи „Былаго и думъ“—Герценъ одинокъ. Здѣсь онъ—ничей. Онъ гнѣвно рветъ былыя отношенія и связи и сердито требуетъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

„Внутри все было оскорблено, все опрокинуто; очевидныя противорѣчія, хаосъ, снова ломка, снова ничего нѣтъ. Давно оконченныя основы нравственнаго быта превращались опять въ вопросъ; факты сурово поднимались со всѣхъ сторонъ и опровергали ихъ. Сомнѣніе заносило свою тяжелую ногу на послѣднія достоянія; оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторскія мантіи, а революціонныя знамена... Изъ общихъ идей оно пробиралось въ жизнь. Пропасть лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и сомнѣньемъ, переходящимъ въ поведеніе; мысль смѣла, языкъ дерзокъ, онъ легко произноситъ слова, отъ которыхъ сердце бьется; въ груди еще тлѣютъ вѣрованія и надежды тогда, когда забѣжавшій умъ качаетъ головой. Сердце отстаетъ, потому что любитъ,—и, когда умъ приговариваетъ и казнитъ, оно еще прощается“.

„Что же, наконецъ, все это? Шутка? Все завѣтное, что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали? Жизнь обманула, исторія обманула, обманула въ свою пользу; ей нужны для закваски сумасшедшіе—и дѣла нѣтъ, что съ ними будетъ, когда они придутъ въ себя; она ихъ употребила,—пусть доживаютъ свой вѣкъ въ инвалидномъ домѣ. Стыдъ, досада! А тутъ возлѣ простосердечные друзья жмутъ плечами, удивляются вашему малодушію, вашему нетерпѣнію, ждутъ завтрашняго дня и, вѣчно озабоченные, вѣчно занятые однимъ и тѣмъ же, ничего не понимаютъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, вѣчно идутъ—и все ни съ мѣста... Они васъ судятъ, утѣшаютъ, журятъ... Какая скука! Какое наказаніе!

„Люди вѣры, люди любви“, какъ они называютъ себя въ противоположность намъ, людямъ „сомнѣнія и отрицанія“, не знаютъ, что такое полоть съ корнемъ упованія, взлелѣянныя цѣлой жизнью; они не знаютъ *болѣзни истины*; они не отдавали никакого сокровища съ тѣмъ „громкимъ воплемъ“, о которомъ говоритъ поэтъ:

Ich riss sie blutend aus dem wunden Herzen,
Und weinte laut und gab sie hin.

„Счастливые безумцы, никогда не трезвѣющіе; имъ незнакома внутренняя борьба; они страдаютъ отъ внѣшнихъ причинъ, отъ

злыхъ людей и случайностей; внутри все цѣло, совѣсть спокойна, они довольны. Оттого-то червь, точащій другихъ, имъ кажется капризомъ, эпикуреизмомъ сытаго ума, праздной ироніей. Они видятъ, что раненый смѣется надъ своей деревяшкой, и заключаютъ, что операція ему ничего не стоила; имъ въ голову не приходитъ, отчего онъ состарился не по лѣтамъ и какъ ноетъ отнятая нога при перемѣнѣ погоды, при дуновеніи вѣтра". (Ш, 27—28).

„Теоретически освобожденный, я не то, что хранилъ разныя непослѣдовательныя вѣрованія, *а они сами остались*; романтизмъ революціи я пережилъ; мистическое вѣрованіе въ прогрессъ, въ человѣчество оставалось дольше другихъ теологическихъ догматовъ; а когда я ихъ пережилъ, у меня оставалась религія личностей, вѣра въ двухъ, трехъ, увѣренность въ себя, въ волю человѣческую. Тутъ были, разумѣется, противорѣчія; внутреннія противорѣчія ведутъ къ несчастьямъ, тѣмъ болѣе прискорбнымъ, обиднымъ, что у нихъ впередъ отнято послѣднее человѣческое утѣшеніе, оправданіе въ своихъ собственныхъ глазахъ". (Ш, 137).

Сазоновъ въ разговорѣ съ Герценомъ высказалъ сожалѣніе, что Бѣлинскому не было другой дѣятельности, кромѣ журнальной работы, да еще работы подцензурной. Онъ хотѣлъ бы для Бѣлинскаго „другого поприща".

Герценъ вспылилъ.

— Да, скажите, пожалуйста, ну вы, живущіе безъ цензуры, вы, полные вѣры въ себя, полные силъ и талантовъ, что же вы сдѣлали? Или что вы дѣлаете? Неужели вы воображаете, что ходить съ утра изъ одной части Парижа въ другую, чтобы еще разъ переговорить съ Служальскимъ или Хоткевичемъ о границахъ Польши и Россіи— дѣло? Или что ваши бесѣды въ кафе и дома, гдѣ пять дураковъ слушаютъ васъ и ничего не понимаютъ, а другіе пять ничего не понимаютъ и говорятъ,—дѣло?" (Ш, 197).

Всегда общительный и доступный Герценъ здѣсь говоритъ языкомъ совершенно недипломатическимъ. Очевидно, слишкомъ уже надоѣла тухлятина непризнанныхъ героевъ революціи, рѣчистыхъ болтуновъ на рутинныя темы, обильное словоизліяніе людей ни на что негодныхъ. Сазоновъ, западникъ и революціонеръ, на своей шкурѣ испыталъ, какъ въ эту пору опрометчиво и опасно было говорить Герцену: „ты нашъ". Надо думать, что въ другой разъ съ такимъ панибратствомъ къ Герцену онъ не совался. А многоименные Милюковы не такъ обидчивы. Они и по сю пору ломятся въ запертыя для нихъ двери Герценова дома.

Герценъ вспоминаетъ великую французскую революцію, вспоминаетъ взятіе Бастиліи.

„*Тогда*, въ этихъ громахъ и молніяхъ, раскрылось новое откровеніе, откровеніе государства, основаннаго на разумѣ, новое искупленіе изъ средневѣковаго мрачнаго рабства. Съ тѣхъ поръ искупленіе революціей обличилось несостоятельнымъ: на разумѣ государство не устроилось. Политическая реформація выродилась, какъ и религіозная въ риторическое пустословіе, охраняемое слабостью однихъ и лицемѣріемъ другихъ. Марсельеза остается гимномъ прошедшаго, какъ Gottes feste Burg. Звуки той и другой пѣсни вызываютъ и теперь рядъ величественныхъ образовъ, какъ въ Макбетовской процессіи тѣней:—все цари, но все мертвые". (Ш, 262).

Напомнимъ простыя, но страшныя по своей силѣ и опредѣленности слова Герцена, долго варившагося въ котлѣ эмиграціи и революціи. „Я пять лѣтъ не видалъ свѣтлаго лица, не слыхалъ простого смѣха, понимающаго взгляда". А вѣдь онъ жилъ среди людей все-же крупныхъ и грамотныхъ, которымъ современные русскіе революціонеры, дѣти какого-то неземного солнца, не годятся и на подметки. Что было бы съ впечатлительнымъ и брезгливымъ Герценомъ, который, какъ mimosa pudica, сжимался при одномъ видѣ идейнаго нахальства, прогрессивной грубости и передовой неотесанности, если бы эти пять лѣтъ ему пришлось прожить среди вождей, капраловъ и каптенармусовъ текущей русской революціи, съ тупоуміемъ ихъ дикой рѣчи, съ безумнымъ блескомъ ихъ фанатически воспаленныхъ глазъ, съ животной безсознательностью звѣриной безудержности?

Послѣ 1848 г. Герценъ находилъ, что честнѣе и благороднѣе быть осломъ и лягушкою, чѣмъ человѣкомъ XIX в. Во что бы онъ захотѣлъ превратиться при видѣ людей XX в.?

„Теперь разстанемтесь,—писалъ Герценъ 1 октября 1855 г.,— и на прощанье одно слово къ вамъ, друзья юности.

„Когда все было похоронено, когда даже шумъ, долею вызванный мною, долею самъ накликавшійся, улегся около меня и люди разошлись по домамъ, я приподнялъ голову и посмотрѣлъ вокругъ: живого, родного не было ничего, кромѣ дѣтей. Побродивши между посторонних, еще присмотрѣвшись къ нимъ, я пересталъ въ нихъ искать *своихъ* и отучился—не отъ людей, а отъ близости съ ними".

„... кромѣ дѣтей". Сказано сильно и опредѣленно. Герценъ дома. Онъ свой и ничей больше. Зачѣмъ же такъ назойливо и безцеремонно стучитесь въ закрытыя двери его дома, вы, гг. Милюковы, чуть не полвѣка?

XXXI.

Но не такова была натура Герцена, чтобы долго просидѣть дома, въ своей семьѣ. Это былъ цыганъ и непосѣда до мозга костей. Онъ

вышелъ на улицу. Онъ сталъ издавать „Колоколъ". Куда же пошелъ вѣчный скиталецъ? Куда, по крайней мѣрѣ, онъ обратилъ взоръ свой?

Онъ смотрѣлъ на востокъ. Онъ за туманомъ видѣлъ Россію. Онъ всю жизнь вѣрилъ въ Россію и этой вѣрѣ не измѣнилъ до конца дней.

Странникъ и пришелецъ, на рубежѣ таинственной земли ханаанской, охваченный лучшими воспоминаніями дѣтства и молодости, съ юношески загорѣвшимся взоромъ, посѣдѣлый мудрецъ вѣщимъ сердцемъ чуялъ зарю новой великой правды и говорилъ: только тамъ—и больше нигдѣ въ мірѣ.

Западники пускаютъ въ ходъ всѣ виды казуистики и софистики, чтобы спустить занавѣсъ надъ благороднымъ и трогательнымъ эпилогомъ великой драмы Герцена. Это не онъ, это не Герценъ,—говорятъ они. Къ этому времени онъ утратилъ свою популярность среди молодящихся профессоровъ и одержимой собачьей старостью молодежи, т. е. перешелъ въ инобытіе, умеръ, хуже того: оскандалился.

Но шесть печатей съ его сочиненій упало. Кто хочетъ, можетъ безъ особаго труда развернуть семь томовъ и читать... Тамъ это сказано,—сказано такимъ сильнымъ, серьезнымъ и опредѣленнымъ языкомъ, что мѣста для сомнѣнія не остается. И при этомъ, какъ неожиданная премія за законную и благородную любознательность, дается одно своеобразное впечатлѣніе.

Герценъ говоритъ, что съ 1848 г. онъ въ два года сталъ старикомъ. Это неправда. Это слишкомъ субъективное впечатлѣніе, необязательное для постороннихъ. Только съ 1848 г. онъ сталъ молодъ и съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ становился все моложе и моложе. До той поры онъ былъ однимъ изъ легіона тѣхъ блѣдныхъ и чахлыхъ юношей-старцевъ, голова которыхъ набита до потолка чужимъ хламомъ и напоминаетъ заброшенный чердакъ, по которому на полной свободѣ гуляютъ сквозные вѣтры. Только въ 1848 г. онъ задержалъ въ своемъ сознаніи своего личнаго бога и съ гнѣвомъ юнаго титана вымелъ изъ своего храма соръ и обломки разбитыхъ имъ чужихъ идоловъ. Онъ чувствовалъ, что у него хватитъ силы разорвать оковы книжнаго рабства и выйти на волю. Но и для богатыря этотъ подвигъ былъ не изъ легкихъ. Изо всѣхъ угловъ безшумно и незамѣтно, какъ змѣи, тянулись прогнившія веревки проклятыхъ сѣтей, болотные огоньки тянули въ прежній омутъ, обольстительныя сирены когда-то любимой рутины манили старыми, много напоминавшими пѣснями. Надо было уйти въ затворъ, отсидѣться и, если не посхимиться, то такъ или иначе отчураться отъ бѣсовскихъ чаръ идейной чертовщины.

Этому временному затвору мы обязаны лучшимъ произведеніемъ Герцена. Это, конечно, „Былое и думы". Но „Былое и думы" не послѣдняя лебединая пѣсня Герцена. Какъ лебедь на водахъ излучистаго Стримона, онъ началъ свою послѣднюю, свою лучшую пѣсню... и умеръ, не допѣвъ этой пѣсни.

XXXII.

Признаюсь откровенно, что этотъ четвертый фазисъ духовной жизни Герцена — самый критическій и опасный моментъ въ моей работѣ. Слишкомъ уже сердятся западники, когда говорятъ о взглядахъ Герцена за этотъ періодъ. Сгоряча не только обвиняютъ своихъ противниковъ въ тенденціозности, шуллерствѣ, передержкахъ, человѣконенавистничествѣ, кровосмѣшеніи и святокупствѣ, но исподтишка отпускаютъ колкости по адресу своего любимаго писателя и ехидно шепчутъ: шлепнулся въ лужу старикашка,—съ Марксомъ и Энгельсомъ не поладилъ и желчевиковъ, т. е. Чернышевскаго съ его нигилистическимъ причетомъ, не записалъ въ календарь съ почтительнымъ, какъ слѣдовало бы, титуломъ: „иже во святыхъ..."

Около этого періода скопилось столько литературныхъ дрязгъ и сплетень, столько полемической грязи, что какъ-то стыдно и оскорбительно разбираться въ мусорѣ этихъ авгіевыхъ конюшенъ. Много лгали на Герцена, много лгали о Герценѣ, но больше всего лгали о Герценѣ послѣдняго періода. Остается или пуститься въ настоящую полемику на нынѣшній вкусъ, т. е. копаться въ грязи, ехидничать, разбираться въ бабьихъ сплетняхъ и идейныхъ пересудахъ, или поискать другой дороги, напримѣръ, лучше понять *основныя* понятія Герцена и въ первыхъ трехъ періодахъ.

Я избираю послѣдній путь, ибо теперь нѣтъ нужды въ томъ, чтобы противники, какъ козлы въ узкомъ проходѣ, сталкивались лбами, брыкались, бодались, бичевали другъ друга отдѣльными цитатами и побѣдоносно прыгали при каждой авангардной схваткѣ. Здѣсь-же отмѣчу только тѣ слова и выраженія Герцена, которыя доказываютъ, что онъ уже ушелъ отъ своего почти одинокаго очага, вышелъ изъ дома, что онъ уже не ничей, а чей-то, что въ тишинѣ затворничества созрѣли новыя мысли.

„Мы перестали любить терроръ, — 1 іюля 1858 г. писалъ Герценъ, — въ чемъ бы онъ ни былъ и какая бы цѣль его ни была" (VI, 199).

„Перестали",—значитъ любили, но и тогда терроръ любили не ради террора, какъ любятъ его люди первобытно-дикіе и ни въ какомъ отношеніи не просвѣщенные.

Въ 1852 г. въ 118 № „Колокола", Герценъ напечаталъ свое причитанье надъ мертвыми,—„Mortuos plango". Это своеобразное причитанье. Простая, эпикурейская и всегда языческая мудрость Герцена говорила ему, что то, что умерло, того нѣтъ. И почти надъ всякой могилой онъ пѣлъ гимны жизни.

„...А возлѣ хоронили цѣлый міръ идей и стремленій, не замѣчая того, и цѣлый міръ, если не сходилъ съ ума, то съуживался въ умѣ. Легкомысленное непониманіе того, что совершалось, надменное самодовольство передовыхъ людей, передовыхъ журналовъ, общественнаго мнѣнія наводило тоску и ужасъ. На откровенныя слова, указывавшія грядущія бѣды, отвѣчали свистомъ и насмѣшками. У насъ въ Россіи разные доктринеры тоже натягивали на себя западную тупость; это явленіе, вызванное негодованіемъ, оппозиціей, у насъ не имѣло корней; но видѣть на мѣстѣ, дома, обтерханныхъ людей, которые съ надменностью Донъ Сезаръ де Базана величественно завертываются въ грязный, продырявленный плащъ, съ полной увѣренностью, что ихъ дѣла завтра пойдутъ самымъ блестящимъ образомъ, и знать, что они завтра пойдутъ еще хуже и все хуже,—это ужасно!

„Годы шли и шли... Все больше дрогъ, распущенныхъ шляпъ, факеловъ... Мало-по-малу мы стали догадываться, что это все хоронятъ *чужихъ* или дальнихъ родственниковъ, отъ которыхъ мы получаемъ въ наслѣдство все, за исключеніемъ горести объ умершемъ, *мы*, осмѣлившіеся надѣяться, когда ночь кругомъ становилась темнѣе, мы, вѣровавшіе въ Россію тогда, когда вѣра въ нее была безуміемъ" (VI, 316—317).

Удивительно тонкая и умная замѣтка изъ области психологіи общественной жизни! Наши доктринеры, въ сальныхъ, длинныхъ сюртукахъ покроя Маркса и Энгельса, считаютъ себя живыми, хотя всѣмъ видно, что они мертвы духомъ и совѣстью. Можетъ быть, при рутинности и обскурантизмѣ нашей темной и невѣжественной интеллигенціи они добьются успѣха. Дѣла и теперь идутъ плохо и будутъ идти еще хуже и все хуже. Наблюдательнымъ и вдумчивымъ людямъ надо готовиться къ этой психологіи. Уже и теперь много горечи и печали въ душѣ каждаго, у кого есть глаза, чтобы оцѣнить балаганную мишуру режиссеровъ освободительныхъ безпорядковъ и видѣть всю бездну паденія высшихъ слоевъ русскаго народа. Правда, и теперь понятно для насъ это „ужасно!" Герцена. Но онъ жилъ въ лучшее, болѣе благородное и болѣе сознательное время. Поэтому-то наше „ужасно" гораздо ужаснѣе его тревоги. А что будетъ, судя по знаменамъ, девизамъ, идеямъ и личностямъ освободительныхъ безпорядковъ, если всѣ скоморохи запляшутъ подъ ихъ дудку, трудно себѣ и представить: стыдъ и брезгливость мѣшаютъ останавливаться на подробностяхъ не только возможной, но и вѣроятной вакханаліи...

Ясно, открыто—съ профессорской кафедры и съ предсѣдательскаго кресла ректоровъ—orbi et urbi—заявлено, что отнынѣ академіи и университеты будутъ служить не строгой и безстрастной наукѣ, а станутъ твердынями идейнаго обскурантизма, политической рутины, разсадниками кособокаго невѣжества подъ облыжнымъ именемъ научности, что свѣтъ на вершинѣ погасъ и ночь освѣщается только свѣтляками и болотными огоньками. Fuit, non est scientia. Fuerunt, non sunt professores. Никакія усилія русскихъ ученыхъ уже не поднимутъ на прежнюю высоту когда-то почтенное званіе профессора. Это уже не строгій жрецъ холодной науки, а ослѣпленный софистъ и риторъ партіи, презрѣнный льстецъ толпы, ничтожный угодникъ площади и базара.

Мы въ дантовскомъ лимбѣ. Но ни холодные, ни горячіе люди; это царство тепловатыхъ въ тѣстѣ подогрѣтой рутины. Это рѣчи земскихъ дѣятелей на московскомъ съѣздѣ, рѣчи новыхъ ректоровъ и профессоровъ по имени, фельетонистовъ по призванію и ремеслу. Такихъ людей, по словамъ Данте, не принимаетъ небо, потому что они его недостойны, но ихъ не принимаетъ и адъ, чтобы грѣшники при видѣ ихъ не стали гордиться. Это еще лимбъ, повторяемъ мы. А впереди еще девять круговъ новаго ада. Уже и на порогѣ его мы читаемъ роковую надпись: „оставь надежду всякъ сюда идущій". Невольно изъ глубины сознанія поднимается приливъ чувства гадливости и омерзѣнія.

А вотъ еще неожиданная связка выводовъ и соображеній, которыхъ такъ ясно и категорически Герценъ прежде не говорилъ, хотя они и намѣчались довольно опредѣленно.

„За собственнымъ шумомъ и собственными рѣчами, добрые квартальные правъ человѣческихъ и Петры I свободы, равенства и братства долго не слыхали, что говоритъ *государь-народъ*; потомъ разсердились на навуходоносоровскій матеріализмъ его... Однако и тутъ не спросили, въ чемъ дѣло.

„Они были убѣждены, что лучше народъ поучать, чѣмъ учиться у него, что лучше строить, чѣмъ ломать" [1]), что лучше писать у себя въ кабинетѣ счетъ безъ хозяина, чѣмъ его спрашивать у него... Не только Сіесъ и Сперанскій писали всякаго рода блѣдныя конституціи, но нѣмцы-то, нѣмцы. Что они написали и что возвели въ науку!? А пропасть между ними и народомъ не только не уменьшилась, но и увеличилась; и это вслѣдствіе трагической, неотвратимой необходимости. Всякій успѣхъ, всякій шагъ впередъ увлекаетъ

[1]) Корректурная оплошность? Не наоборотъ ли?

свѣтлый берегъ; онъ двигается быстрѣе и быстрѣе, становится все дальше и дальше отъ темнаго берега и темнаго люда. Чѣмъ тутъ наполнить пропасть? Какимъ доктринерскимъ схоластицизмомъ тутъ поможешь? Какая догматическая регламентація, какое академическое упражненіе хватитъ черезъ нее? Сдѣланъ былъ опытъ; не удался; и опять таки потому, что соціалисты учили прежде, чѣмъ знали, устраивали фаланстеры, не отыскавъ нигдѣ такой породы людей, которая хотѣла бы жить въ рабочихъ домахъ".

При этомъ Герценъ вспоминаетъ „іюньскіе дни" въ Парижѣ. „*Іюньскіе дни*", дни, ничего не создавшіе, ничего не уложившіе, дни, въ которые самые лучшіе и самые несчастные изъ народа, гонимые нуждой и отчаяніемъ, вышли безумно, безъ плана, безъ цѣли, отъ отчаянія и сказали своимъ опекунамъ-законодателямъ: *мы васъ не знаемъ*! Мы были голодны, вы намъ дали парламентскую болтовню; мы были наги,—вы насъ послали на границу убивать другихъ голодныхъ и нагихъ; мы просили совѣта, мы просили научить насъ, какъ выйти изъ нашего положенія,—вы научили насъ риторикѣ; мы возвращаемся въ тьму сырыхъ подваловъ нашихъ; часть насъ ляжетъ въ неравномъ бою, но прежде мы *вамъ*, книжники революціи, скажемъ громко и ясно:

„*Народъ не съ вами*" (VI, 329).

Съ Герценомъ, когда онъ пророчествуетъ, спорить трудно. Вѣщимъ пониманіемъ онъ вошелъ въ роль Кассандры. Онъ предсказываетъ только бѣду и гибель, но многія пророчества его сбылись. Современные русскіе книжники революціи должны бы призадуматься надъ этими картинами будущаго. Что они скажутъ, если самые лучшіе и самые несчастные изъ народа придутъ къ нимъ съ этимъ правдивымъ и суровымъ укоромъ?

Дальнозоркій и прозорливый на далекіе горизонты, Герценъ видитъ въ далекомъ будущемъ, кромѣ общихъ контуровъ, даже детали и мелочи. Онъ, какъ мы видимъ, напророчилъ нашимъ книжникамъ революціи даже Сперанскаго. Изъ бюрократическаго проекта бюрократической конституціи Сперанскаго вырвали одну бюрократическую фразу о единоспасающей силѣ учрежденій, каковы бы ни были люди. Трудно сказать, кто первый пустилъ въ оборотъ эту фразу, но потомъ адвокаты съ ихъ забавною претензіею на ученость, ветеринары и фармацевты, приказчики колоніальныхъ магазиновъ и носильщики на волжскихъ пристаняхъ въ своихъ петиціяхъ и резолюціяхъ повторяли эту фразу, какъ величайшую мудрость вѣковъ, какъ послѣднее слово науки, и имя Сперанскаго въ области философіи и знанія вдругъ затмило имена Аристотеля, Бэкона и Канта и приравнялось даже къ такимъ свѣтиламъ нашего зодіака, какъ Энгельсъ, Марксъ, Милюковъ, Юрицинъ, Ходскій, Меньшиковъ и многоименные Розановы.

XXXIII.

Открытый, полный и вполнѣ сознательный разрывъ Герцена съ однимъ изъ русскихъ западниковъ произошелъ давно, еще въ Москвѣ, до отъѣзда Герцена за границу. Напомню одну страничку изъ „Былаго и думъ". Она полна огромнаго трагизма и по сущности мысли имѣетъ рѣшающее значеніе. Но всегда прямой и откровенный, Герценъ съ поразительною ловкостью накинулъ полупрозрачное покрывало на драматическую сцену и посторонній равнодушный взоръ не пойметъ роковой тайны авгуровъ, разгадавшихъ другъ друга. И дѣйствительно, надо очень хорошо знать сочиненія Герцена, чтобы понять сокровенный смыслъ неожиданнаго разрыва.

„Разъ мы обѣдали въ саду. Грановскій читалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" одно изъ моихъ писемъ объ изученіи природы (помнится, объ *Энциклопедистахъ*) и былъ ими чрезвычайно доволенъ.

— Да что же тебѣ нравится?—спросилъ я его,—неужели одна наружная отдѣлка? Съ внутреннимъ смысломъ ты не можешь быть согласенъ.

— Твои мнѣнія,—отвѣтилъ Грановскій,—точно такъ же историческій моментъ въ наукѣ мышленія, какъ и самыя писанія энциклопедистовъ. Мнѣ въ твоихъ статьяхъ нравится то, что мнѣ нравится въ Вольтерѣ или Дидро; онѣ живо, рѣзко затрагиваютъ такіе вопросы, которые будятъ человѣка и толкаютъ впередъ; ну, а во всѣ односторонности твоего воззрѣнія я не хочу вдаваться. Развѣ кто-нибудь говоритъ теперь о теоріяхъ Вольтера?

— Неужели нѣтъ никакого мѣрила истины и мы будимъ людей только для того, чтобы имъ сказать пустяки?

„Такъ продолжался довольно долго разговоръ. Наконецъ я замѣтилъ, что развитіе науки, что современное состояніе ея *обязываетъ насъ* къ принятію кой-какихъ истинъ, независимо отъ того, хотимъ мы ихъ или нѣтъ; что однажды узнанныя, онѣ перестанутъ быть историческими загадками, а дѣлаются просто неопровержимыми фактами сознанія, какъ Евклидовы теоремы, или Кеплеровы законы, какъ нераздѣльность причины и дѣйствія, духа и матеріи.

— Все это такъ мало обязательно,—возразилъ Грановскій, слегка измѣнившись въ лицѣ,—что я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тѣла и духа; съ ней исчезаетъ безсмертіе души. Можетъ, вамъ его ненадобно, но я слишкомъ много схоронилъ, чтобы поступиться этой вѣрой. Личное безсмертіе мнѣ необходимо.

— Славно было бы жить на свѣтѣ,—сказалъ я,—если бы все то, что кому-нибудь надобно, сейчасъ и было бы тутъ какъ тутъ, на манеръ сказокъ.

— Подумай, Грановскій,—прибавилъ Огаревъ,—вѣдь это своего рода бѣгство отъ несчастія.

— Послушайте,—возразилъ Грановскій, блѣдный и принимая видъ посторонняго,—вы меня искренно обяжете, если не будете никогда со мной говорить объ этихъ предметахъ; мало ли есть вещей занимательныхъ и о которыхъ толковать гораздо полезнѣе и пріятнѣе.

— Изволь, съ величайшимъ удовольствіемъ!—сказалъ я, чувствуя холодъ на лицѣ.

„Огаревъ промолчалъ. Мы всѣ взглянули другъ на друга и этого взгляда было совершенно достаточно; мы всѣ слишкомъ любили другъ друга, чтобы по выраженію лицъ не вымѣрить вполнѣ, что произошло. Ни слова больше, споръ не продолжался. Nathalie старалась замаскировать, исправить случившееся. Мы помогли ей. Дѣти, всегда выручающіе въ этихъ случаяхъ, послужили предметомъ разговора, и обѣдъ кончился такъ мирно, что посторонній, который пришелъ бы послѣ разговора, не замѣтилъ бы ничего...

„Послѣ обѣда Огаревъ бросился на своего Кортика. Я сѣлъ на выслужившую свои лѣта жандармскую клячу, и мы выѣхали въ поле. Точно кто-либо близкій умеръ, такъ было тяжело; до сихъ поръ Огаревъ и я, мы думали, что сладимъ, что дружба наша сдуетъ разногласіе, какъ пыль; но тонъ и смыслъ послѣднихъ словъ открылъ между нами даль, которой мы не предполагали. Вотъ она— межа, предѣлъ и съ тѣмъ вмѣстѣ цензура! Всю дорогу ни Огаревъ, ни я не говорили. Возвращаясь домой, мы грустно покачали головой и въ одинъ голосъ сказали: „итакъ, видно мы опять одни“ (III, 489).

„Можетъ быть, я былъ слишкомъ нетерпимъ, заносчиво спорилъ, колко отвѣчалъ... Можетъ быть... но въ сущности я и теперь убѣжденъ, что въ дѣйствительно близкихъ отношеніяхъ тождество *религіи* необходимо, тождество въ главныхъ теоретическихъ убѣжденіяхъ. Разумѣется, одного теоретическаго согласія недостаточно для близкой связи между людьми; я былъ ближе, по симпатіи, напримѣръ, съ И. В. Кирѣевскимъ, чѣмъ съ многими изъ нашихъ. Еще больше, можно быть хорошимъ и вѣрнымъ *союзникомъ*, сходясь въ какомъ нибудь опредѣленномъ дѣлѣ и расходясь въ мнѣніяхъ. Въ такомъ отношеніи я былъ съ людьми, которыхъ безконечно уважалъ, не соглашаясь во многомъ съ ними, напримѣръ, съ Маццини, съ Ворцелемъ. Я не искалъ ихъ убѣдить, ни они меня; у насъ довольно было общаго, чтобы идти, не ссорясь, по одной дорогѣ. Но между нами, братьями одной семьи, близнецами, жившими одною жизнію, нельзя было такъ глубоко расходиться.

„Еще бы у насъ было неминуемое дѣло, которое бы насъ совершенно поглощало, а то вѣдь собственно вся наша дѣятельность была въ сферѣ мышленія и пропаганды нашихъ убѣжденій... Какія же могли быть уступки на этомъ полѣ?“

Тогда Герцена неудержимо потянуло за границу.—

Что же такое случилось? Изъ-за чего весь сыръ-боръ загорѣлся? Только изъ-за безсмертія души? Только изъ-за матеріалистическихъ и откровенно языческихъ взглядовъ Герцена? Тутъ что-то не такъ. Чувствуются болѣе глубокія и серьезныя причины разрыва.

Что же такое такъ рѣзко и безповоротно оттолкнуло Грановскаго отъ Герцена?

Герценъ съ огромнымъ мастерствомъ, какъ всегда, выгородилъ себя, средствами беллетристики подчеркнулъ свою сдержанность, свою корректность, свое достоинство. Грановскій оказался цензоромъ, деспотомъ въ области мысли и совѣсти. Но такъ ли это? Не былъ ли цензоромъ самъ Герценъ? Не требовалъ ли онъ согласія даже въ томъ, съ чѣмъ ни одинъ западникъ не согласится, какъ не согласится ни одинъ разумный человѣкъ, который не считаетъ себя сыномъ солнца, разумомъ земли и пупомъ вселенной.

Ниже мы отмѣтимъ глубокія философскія причины неизбѣжности этого разрыва. Здѣсь намъ достаточно отмѣтить фактъ.

Мы бѣгло въ общихъ чертахъ опредѣлили четыре очень замѣтныхъ фазиса въ развитіи Герценовской мысли. Если, паче чаянія, легковѣсная и легкомысленная „мыслящая Россія“, пожелаетъ серьезно, безъ партійныхъ ужимокъ и пустой декламаціи свести свои идейные счеты съ Герценомъ, ей придется по этимъ четыремъ фазисамъ изучать его духовный ростъ и измѣнчивыя внѣшнія формы его убѣжденій. Но эта большая работа, которая не укладывается въ рамки журнальныхъ статей. Да это и не нужно для нашей цѣли. Рѣшать вопросъ о томъ, чей же Герценъ, можно и по другой дорогѣ.

Какъ бы ни былъ богатъ словами и образами талантливый и даровитый писатель, какъ бы ни разнообразны были формы внѣшняго воплощенія слова, какимъ бы блестящимъ каскадомъ ни изливалось его остроуміе,—основныхъ мыслей его системы мышленія всегда немного. Какъ бы ни мѣнялъ свои формы Протей, онъ все же Протей и никто другой. Такихъ основныхъ мыслей немного и у Герцена.

Какъ Огаревъ не былъ поэтомъ, что бы ни говорили его поклонники, такъ и Герценъ не былъ ни романистомъ, мастеромъ художественнаго слова, ни мыслителемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ не свелъ своихъ взглядовъ къ единству и даже прямо не считалъ этого нужнымъ, такъ какъ не боялся противорѣчій, дабы во всю полноту сложной и тонкой артистической натуры жить настоящимъ, не мечтая о далекомъ будущемъ. Онъ отрицалъ самодержавное единодержавіе головнаго мозга и требовалъ полной автономіи

для мѣстныхъ нервныхъ узловъ. Но у него были свои зарубки, свои дороги, по которымъ онъ любилъ бродить и въ годы юношеской мечтательности, и зрѣлымъ мужемъ, обремененнымъ опытомъ и знаніями жизни, и въ сѣдинахъ, когда такъ свѣжо и молодо билось его сердце.

Мы отмѣтимъ на сложной картѣ его идейнаго скитальчества двѣ дороги, которыя, по нашему убѣжденію, совпадали съ завѣтнѣйшими инстинктами его міровоззрѣнія, по которымъ онъ ходилъ и взадъ и впередъ, которыя обладали для него неотразимою притягательною силою, гдѣ онъ искалъ золотого руна по своей мысли и по своей совѣсти.

Это дастъ намъ новую почву для того, чтобы съ полною откровенностью понять, что такое Герценъ и чей Герценъ.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ В. Гюго.

Изъ „Les Contemplations“

Мои стихи летятъ: летятъ въ твой милый садъ
Съ моихъ живыхъ страницъ.
О если-бъ крылья имъ,—о какъ я былъ-бы радъ,—
Но только крылья птицъ.

Мои стихи летятъ,—летятъ въ твой милый дымъ,
Какъ искры яркихъ думъ.
О, еслибъ крылья имъ! Да, еслибъ крылья имъ,
Но тѣ, что носятъ умъ!

Они летятъ къ тебѣ—летятъ и день и ночь,
Поютъ, какъ соловьи.
О, еслибъ крылья имъ, чтобъ имъ летѣть помочь,
Но тѣ, что у любви!

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРЕХСОТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ).

НОЯБРЬ.

1905.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Чей-же Герценъ?

(Продолженіе).

XXXIV.

Какъ ни пестра своеобразная „идеологія“ Герцена, какъ ни ярки и ни перемѣнчивы краски на его діалектической палитрѣ,—это былъ фанатикъ одной завѣтной думы, одного глубокаго и полнаго убѣжденія. Сверкающимъ и ослѣпительнымъ фейерверкомъ по темному небу загораются остроты, афоризмы и крылатыя слова, рѣдкимъ подъемомъ духа, бурнымъ праздничнымъ настроеніемъ дышутъ пламенныя страницы, здоровый, часто неожиданный, иногда ошеломляющій смѣхъ вырывается среди серьезной и строгой рѣчи,—но дума всегда и вездѣ одна, за игрой неудержимаго остроумія слышится отчаяніе, уныніе, скорбь.

Иногда самъ Герценъ не замѣчалъ этого единства своихъ думъ и помысловъ.

„Есть двѣ, три мысли, особенно дорогія для меня,—писалъ онъ 1 сентября 1862 г.,—я ихъ повторяю болѣе пятнадцати лѣтъ; фактъ за фактомъ подтверждаетъ ихъ съ ненужною роскошью“. (V, 376)

Но мыслей было не три и не двѣ, а одна. И самъ же Герценъ свелъ свои главныя мысли къ единству, когда сказалъ, что соціальный вопросъ и русскій вопросъ—одинъ и тотъ же вопросъ.

Но для того, чтобы дать такую постановку дѣлу, надо было ярко, категорически и незыблемо установить одну предпосылку, которая въ корнѣ измѣняетъ всю систему европейскаго мышленія.

— Умеръ великій Панъ!—когда-то прошла по античному міру роковая вѣсть.

— Западъ умеръ. Его цивилизація обречена на гибель. Его интеллигенція погибла сама и ведетъ другихъ къ погибели.

Такъ говорилъ Герценъ съ 1848 г. до своей смерти.

Другой, болѣе завѣтной вѣры у него долго не было. Онъ ставилъ себѣ въ честь и заслугу сознательность и окончательность своего разрыва съ европейскою цивилизаціею, съ европейскими передовыми умами, съ педантами и рутинерами демократіи.

„Борьба съ западомъ“—девизъ Герцена съ момента посвященія въ тайны задняго двора европейской революціи до его послѣдняго издыханія.

Онъ, сынъ своего времени, говорилъ не нашимъ языкомъ. Въ его время идейное одичаніе и оподленіе еще не выработало такихъ условностей языка, какъ слова: интеллигенція, передовые умы, мыслящая Россія,—съ помощью которыхъ плутоватые дѣльцы и авантюристы замасленнымъ брезентомъ мнимой научности прикрываютъ жалкую и младенчески-глупую пропаганду новаго солнца и новой земли.

Но перевести его на современный идейный языкъ нетрудно. Тѣ же явленія, хотя и не въ такой каррикатурной и уродливой формѣ, стояли и передъ его глазами. Многіе темные и невѣжественные передовые умы и передъ нимъ пробовали плясать свой идейный кэкъ-уокъ. Но великій мастеръ тонкой шутки не терпѣлъ базарныхъ шутовъ, безпощадно стягивалъ съ нихъ пестрое рубище и отпускалъ босяковъ своего времени на площади и улицы, въ чемъ мать родила.

Вотъ двѣ формулы, которымъ самъ онъ придавалъ особенное значеніе.

„Мало-по-малу всѣ интересы, предубѣжденія, запутанности, занимавшіе въ продолженіе цѣлаго вѣка умы европейскіе, начинаютъ блѣднѣть, становятся равнодушными, переходятъ въ вопросы партій. Гдѣ великія слова, потрясавшія сердца и наполнявшія слезами глаза? Гдѣ святыя знамена, которымъ Іоаннъ Гусъ заставилъ поклоняться въ одномъ станѣ, а 89 годъ—въ другомъ? Съ тѣхъ поръ, какъ туманъ, покрывавшій февральскую революцію, разсѣялся, рѣзкая простота замѣнила путаницу,—осталось только два интересныхъ вопроса:

„Вопросъ соціальный.

„Вопросъ русскій.

„Въ сущности, эти два вопроса составляютъ одинъ и тотъ же“. (V, 311)

„Различіе между вашими законами,—говоритъ Герценъ людямъ запада,—и нашими указами заключается только въ заглавной формулѣ. На насъ лежитъ слишкомъ много цѣпей, чтобы мы добровольно надѣли на себя еще новыя. Мы не принимаемъ ничего отъ нашихъ враговъ.

„Россія никогда не будетъ протестантскою.

„Россія никогда не будетъ juste-milieu.

„Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью отдѣлаться отъ царя и замѣнить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими“. (V, 280)

Для каждаго западника эти рѣчи—полное вѣроотступничество, достойное кагальнаго херема.

Какъ же Герценъ пришелъ къ этимъ выводамъ? Какія соображенія доказали ему гнилость западной цивилизаціи и гнилость всякой интеллигенціи, особенно русской?

Для этого вопроса у Герцена есть своя собственная аргументація. Правда, по существу дѣла его аргументы—тѣ же, которыми пользовались всѣ крупные и здоровые умы истекшаго вѣка, когда дѣлали выводы о періодической суетливости и постоянной ограниченности передовыхъ умовъ. Но онъ придалъ имъ своеобразную форму и свой оттѣнокъ.

Много времени и мѣста пришлось бы потратить, чтобы систематически и шагъ же шагомъ прослѣдить его разрывъ съ интеллигенціею всего міра и отмѣтить всѣ колебанія и всѣ безповоротные шаги. Мы укажемъ только самые характерные моменты въ увѣренности, что отмѣченныя нами вершины дадутъ читателю понятіе и о томъ пути, которымъ смѣлый и безтрепетный путникъ шелъ на свой Монбланъ.

О розни между интеллигентами и народомъ поднималась рѣчь и въ наши дни. Но это казалось какимъ-то пустякомъ въ сравненіи съ конституціею, человѣчествомъ, вѣчностью и солеными огурцами. Можетъ быть, негодующему слову Герцена удастся освѣтить эти роковыя бездны.

———

XXXV.

„Перерывъ всякой связи между народомъ и дворянствомъ, между народомъ и чиновничествомъ очевиденъ и никогда не былъ онъ рѣзче обозначенъ, какъ теперь. Лѣтъ сто тому назадъ богатые помѣщики изъ аристократизма щадили своихъ крестьянъ; бѣдные жили между ними и мало отличались отъ нихъ нравами и образованіемъ. Все это измѣнилось. Образованіе совершенно разъединило помѣщиковъ съ крестьянами и они не могли болѣе ни брать участія, ни любить крестьянъ, ни жалѣть ихъ: все чуждое для насъ безразлично. Но они могли и хотѣли пользоваться ими и пользовались. Крестьянинъ перешелъ въ разрабатываемую собственность. Развитіе промышленности фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, *переложенной на россійскіе нравы*, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, „патріархальный глава общины“, сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ негровъ“. (V, 299)

Это еще при крѣпостномъ правѣ. Тогда все было мягче и проще. Теперь нравы ожесточились. Недавніе разночинцы чувствуютъ себя прирожденными баричами и хотятъ на дешевомъ трудѣ мужика создать для себя „золотой вѣкъ“ съ оргіями и танцовщицами, съ декадентскими козами и недвусмысленными мистическими миквами. Стѣна треснула. Щель шла глубже и глубже.

„Кромѣ царя и духовенства, всѣ элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу. Крестьянинъ находится въ буквальномъ смыслѣ слова внѣ закона. Судъ ему не заступникъ и все его участіе въ существующемъ порядкѣ дѣлъ ограничивается двойнымъ налогомъ, тяготѣющимъ на немъ и который онъ вноситъ трудомъ и кровью. Отверженный всѣми, онъ понялъ инстинктивно, что все управленіе устроено не въ его пользу, а ему въ ущербъ, и вся задача правительства и помѣщиковъ состоитъ въ томъ, какъ бы получить изъ него побольше труда, побольше рекрутъ, побольше денегъ. Понявши это,—и одаренный смѣтливымъ и гибкимъ умомъ, онъ обманываетъ ихъ вездѣ и во всемъ“. (V, 271—272)

Эти времена—прошли? У интеллигенціи совсѣмъ другое отношеніе къ мужику, чѣмъ у помѣщиковъ? Нашъ судъ—для народа? И наши радикалы не крѣпостники въ душѣ? Развѣ извѣстная Салтычиха не возмутилась бы при видѣ тиранніи и деспотизма нашихъ передовыхъ умовъ, которые—славу Богу, пока въ теоріи,—гнутъ мужика въ идейный бараній рогъ? Они не присутствуютъ лично при поркѣ, они не выбиваютъ изъ мужика деньги своими руками или руками своихъ управляющихъ. У нихъ есть свой насосъ. Это доктрина, идеологія, система, которая заглазно, не оскорбляя измочаленныхъ нервовъ мечтателей-тунеядцевъ, даетъ имъ средства для безпечальной жизни философствующихъ паразитовъ.

„Нечего и повторять о томъ, какъ туго, тяжело развивалась Русь. Кнутомъ и татарами насъ держали въ невѣжествѣ; топоромъ и нѣмцами насъ просвѣщали и въ обоихъ случаяхъ рвали намъ ноздри и клеймили желѣзомъ. Петръ I такимъ клиномъ вбилъ намъ просвѣщеніе, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. Едва теперь, черезъ полтораста лѣтъ, мы начинаемъ понимать, какъ раздвинулась эта трещина. Ничего общаго между ними. Съ одной стороны—грабежъ и презрѣніе; съ другой—страданіе и недовѣріе. Съ одной стороны, ливрейный лакей, гордый своимъ общественнымъ положеніемъ и надменно показывающій это; съ другой, обо-

бранный мужикъ, ненавидящій его и скрывающій это. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы единоплеменная каста, взявшая верхъ, сдѣлалась до такой степени чужестранной, какъ наше служилое дворянство. Ренегатъ всегда доходитъ до крайности, до нелѣпаго и отвратительнаго, до того наконецъ, чтобъ сажать человѣка въ тюрьму, потому что онъ, будучи литераторомъ, *одѣвается по-русски*; не пустятъ его и въ трактиръ, потому что онъ въ кафтанѣ и подпоясанъ кушакомъ. Это колоссально и напоминаетъ индѣйскую Азію!" (V, 342)

За помѣщиками, когда они ушли въ земли, въ ренегатство потянулись и разночинцы. Послѣ воли на землѣ остались почти только мужики. И ренегаты въ отхожемъ промыслѣ по большимъ городамъ, уклонившись принципіально и навсегда отъ нравственнаго суда своего народа, стали большими кусками отдавать крещеную собственность сосѣдямъ и инородцамъ, въ разсчетѣ на дипломъ благодѣтелей рода человѣческаго. До какихъ геркулесовыхъ столповъ можетъ дойти эта „самодержавная толпа сплоченной посредственности", лучше всего показываетъ недавній съѣздъ мечтательныхъ земцевъ и вѣчно праздныхъ „дѣятелей" въ Москвѣ.

„Но что это за каста, что за народъ, который побѣждаетъ и усмиряетъ, расчищаетъ лѣсъ и пишетъ протоколы, водитъ солдатъ и подводитъ законы?

„Невѣроятнѣйшій сбродъ всего на свѣтѣ составлялъ эту петербургскую *Сѣчь*,—сказали бы мы, если бы намъ не жаль было бѣдныхъ запорожцевъ. Бритые русскіе князья и бояре, иностранная сволочь, шедшая на добычу, рейтеры и ланскене всѣхъ краевъ міра, пасторскія дѣти и профессора, шулера и военно-плѣнные, остзейцы, финляндцы, шведы, поляки, молдаване, сербы, греки, татары, нѣмцы и нѣмцы... Чего и чего тутъ не было—отъ свѣтлѣйшаго князя Кантемира до чернаго инженеръ-генерала, оставившаго Пушкину въ наслѣдство курчавые волосы и африканскія черты. П. В. Кирѣевскій говаривалъ, что разсадникъ великихъ фамилій, окружавшихъ Петра I, представлялъ тотъ элементъ въ народѣ нашемъ, который онъ самъ выразительно называетъ *голью кабацкой*; она-то,—какъ нормандскіе бароны Англію,—раздѣлила Россію на вѣдомства и управленія, провинціи и округи—и пошла володѣть ею". (VI, 369—370)

И вся эта,—ну, скажемъ,—Сѣчь всегда громко говорила и теперь во всю глотку кричитъ, что она говоритъ и кричитъ именемъ народа и отъ имени народа,

———

XXXVI.

Сознаніе и пониманіе того сложнаго и огромнаго явленія, которое за послѣднее время пряталось подъ блѣднымъ терминомъ розни между интеллигенціею и народомъ, въ настоящее время—проба каждой логики, каждаго мыслителя. Это „мани, факелъ, фаресъ" на идейномъ пиру закутившей интеллигенціи. Это пробный камень силы мысли и честности. Дѣльцы и доктринеры закрываютъ глаза на эту роковую бездну: первымъ кажется, что на ихъ вѣкъ хватитъ, вторые думаютъ, что ихъ сладковатыя мечты имѣютъ какую-то магическую силу.

Уже давно этотъ вопросъ стоитъ внѣ вниманія „мыслящей Россіи". Она готова „мыслить" о всякомъ вздорѣ, о всякихъ пустякахъ, но о главномъ, единственно-серьезномъ—мыслить не хочетъ. Для этого она слишкомъ книжна, ничтожна, бездарна и безчестна.

Всякій, кто въ настоящее время не даетъ честнаго, строго опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, кто строитъ свои выводы не на этомъ фундаментѣ, только сѣетъ бурю, торопитъ гибель, съ закрытыми глазами идетъ на встрѣчу урагану. Здѣсь столько же искусственнаго тупоумія, сколько безсознательной подлости. Утверждать, что голосъ интеллигенціи есть голосъ народа, значитъ называть народъ дуракомъ за чужую глупость. Когда этотъ идейный шантажъ становится эпидемическимъ, это служитъ несомнѣннымъ признакомъ того, что верхній классъ общества сгнилъ, умеръ и непогребенные мертвецы изъ-за гроба морочатъ публику весьма сомнительною матеріализаціею.

Прямой и честной Герценъ не пряталъ голову въ песокъ, какъ страусъ. У него было довольно ума, чтобы понять неопытную притязательность идейной лжи, и довольно совѣсти, чтобы ее можно было задушить вздорными словами. Онъ смотрѣлъ зорко и не для показу только носилъ голову на плечахъ.

О книгѣ старика Леру онъ сказалъ то, что можно сказать почти про всѣ любимыя и популярныя книги нашего поколѣнія. „Книга эта—бредъ поэта-лунатика, у котораго сохранились чувства, воспоминанія, формы, но *разумъ* не сохранился, или, если и уцѣлѣлъ, то только для того, чтобы идти вспять, распускаясь на свои элементы, переходя изъ мыслей въ фантазіи, изъ истинъ въ мистеріи, изъ выводовъ въ миѳы, изъ знанія въ откровеніе".

Онъ не замазывалъ идейной замазкой эту историческую трещину и далъ неопровержимое доказательство своей неутомимой вдумчивости и рѣдкаго здраваго смысла.

И такъ два лагеря: интеллигенціи и народъ. Одинъ, къ сожалѣ-

нію, мы знаемъ слишкомъ хорошо; другаго, къ еще большему сожалѣнію, мы почти не знаемъ. Между ними непереходимая, повидимому, бездна. Отмѣтимъ тѣ огни, которыя зажегъ надъ этою бездною смѣлый и умный Герценъ.

„Если бы въ европейской народной жизни была одна цѣль, одно стремленіе, та или другая сторона давно бы взяла верхъ. Но такъ, какъ сложилась западная исторія, она привела къ вѣчной борьбѣ. Въ основномъ бытовомъ фактѣ двойнаго образованія лежитъ органическое препятствіе послѣдовательному развитію. Жить въ двѣ цивилизаціи, въ два пласта, въ два свѣта, въ два возраста, жить не цѣлымъ организмомъ, а одною частью его, употреблять на топливо и кормъ другую и повторять о свободѣ и равенствѣ—становится труднѣе“. (III, 552).

„Якобинцы и вообще революціонеры принадлежали къ меньшинству, отдѣлившемуся отъ народной жизни развитіемъ; они составляли нѣчто вродѣ свѣтскаго духовенства, готоваго пасти стада людскія. Они представляли *высшую* мысль своего времени, его *высшее*, но не *общее* сознаніе, не *мысль всѣхъ*.

„У новаго духовенства не было понудительныхъ средствъ, ни фантастическихъ, ни насильственныхъ; съ той минуты, какъ власть выпала изъ ихъ рукъ, у нихъ было одно оружіе—убѣжденіе, но для убѣжденія недостаточно *правоты*, а необходимо еще одно—*мозговое равенство*!“ (III, 97).

„Возьмите наше время. Нѣсколько человѣкъ коснулись переворота, который совершить не въ силахъ ни они сами, ни народы. Передовые думали, что стоитъ сказать: „возьми одръ твой и иди за нами“,—все и двинется. Они ошиблись,—народъ ихъ такъ же мало зналъ, какъ и они его. Имъ не повѣрили. Не замѣчая, что за ними никого нѣтъ, эти люди предводительствовали, шли впередъ. Спохватившись, они стали кричать отставшимъ, махать, звать ихъ, осыпать упреками. Но поздно, слишкомъ поздно: голоса недостаетъ, да и языкъ ихъ не тотъ, которымъ говорятъ массы. Намъ больно сознаться, что мы живемъ въ мірѣ, выжившемъ изъ ума, дряхломъ, истощенномъ, у котораго главнымъ образомъ не достаетъ силы и убѣжденія, чтобы подняться на высоту собственной мысли. Намъ жаль старый міръ. Мы къ нему привыкли, какъ къ родительскому дому. Мы поддерживаемъ его, стараясь его разрушить, и прилаживаемъ къ своимъ убѣжденіямъ его неспособныя формы, не видя, что первая іота ихъ—его смертный приговоръ“. (V, 198—199)

„Впрочемъ, нѣтъ причины думать, что новый міръ будетъ строиться по нашему плану“... (V, 199)

„Роковая ошибка ихъ состоитъ, въ томъ, что увлеченные благородной любовью къ ближнему, къ свободѣ, увлеченные нетерпѣніемъ и негодованіемъ, они бросились освобождать людей, прежде нежели сами освободились; они нашли въ себѣ силу порвать желѣзныя, грубыя цѣпи, не замѣчая того, что стѣны тюрьмы остались. Они хотятъ, не мѣняя стѣнъ, дать имъ иное назначеніе, какъ будто планъ острога годится для свободной жизни“. (V, 198—199)

Теперь становится яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, что русскіе революціонеры не даютъ себѣ никакого отчета въ своихъ убѣжденіяхъ и своихъ поступкахъ. Они хотятъ привить народу, какъ оспу, „правовое сознаніе“, а сами всякаго правового сознанія лишены. Полные рабы въ душѣ, они проповѣдуютъ свободы. Всѣ на одно лицо, съ тѣми-же книжными формулами, съ тѣми-же крадеными рѣчами, подстриженные и обмундированные по формѣ, какъ кантонисты военныхъ поселеній, они проповѣдуютъ свободу личности. Праздные тунеядцы, они проповѣдуютъ мораль труда. Они несутъ народу то, чего у самихъ нѣтъ и не замѣчаютъ, что сами они—и тюрьма, и тюремщики.

„Либералы долго играли, шутили съ идеей революціи и дошутились до 24 февраля. Народный ураганъ поставилъ ихъ на вершину колокольни и указалъ имъ, куда они идутъ и куда ведутъ другихъ. Посмотрѣвши въ пропасть, открывавшуюся передъ ихъ глазами, они поблѣднѣли. Они увидѣли, что не только то падаетъ, что они считали за предразсудокъ, но и все остальное, что они считали за вѣчное и истинное. Они до того перепугались, что одни уцѣпились за падающія стѣны, а другіе остановились кающимися на полдорогѣ и стали клясться всѣмъ прохожимъ, что они этого не хотѣли. Вотъ отчего люди, провозглашавшіе республику, сдѣлались палачами свободы. Вотъ отчего либеральныя имена, звучавшія въ ушахъ нашихъ лѣтъ двадцать, являются ретроградными депутатами, измѣнниками, инквизиторами. За предѣлами своего умѣреннаго круга они становятся консерваторами“! (V, 199—200).

„Идеалисты большіе баловни и большіе трусы. Я уже извинялся за это выраженіе: вы знаете, что тутъ рѣчь не о личной храбрости. Ея почти слишкомъ много. Идеалисты трусы передъ истиной: вы ее отталкиваете, вы боитесь фактовъ, не идущихъ подъ ваши теоріи. Вы думаете, что, помимо вами открытыхъ путей, нѣтъ міру спасенія. Вы хотите, чтобы за вашу преданность міръ плясалъ по вашей дудкѣ, и какъ только замѣчаете, что у него свой шагъ и свой тактъ, вы сердитесь, вы въ отчаяніи, вы даже не имѣете любопытства посмотрѣть на его собственную пляску“. (V, 208—209).

„Человѣкъ, конечно, дома въ исторіи: но изъ вашихъ словъ можно подумать, что онъ гость въ природѣ, какъ будто между природой и исторіей каменная стѣна. Я думаю, что тамъ и тутъ дома, но ни

тамъ, ни тутъ не самовластный хозяинъ. Человѣкъ не оттого не оскорбляется непокорностью природы, что ея самобытность очевидна для него. Мы вѣримъ въ ея дѣйствительность, независимую отъ насъ. А въ дѣйствительность исторіи, особенно современной, мы не вѣримъ. Въ исторіи человѣку кажется воля вольная дѣлать, что хочетъ". (V, 209—210).

XXXVII.

Смѣшно и противно смотрѣть, какъ „дѣлаютъ исторію" наши современные болтуны. Многіе съ дикимъ гомомъ собственноручно черезъ газеты записывали на скрижали исторіи свои весьма сомнительныя имена, видѣли общественныя силы въ подонкахъ общества, уличнымъ скандаламъ придавали значеніе великихъ событій и въ побѣдахъ глупости, бездарности и пошлости видѣли торжественное шествіе немытаго, нечесаннаго и необутаго прогресса. Они были глубоко убѣждены, что кружокъ идейныхъ сопляковъ, убоявшихся школьной мудрости, можетъ сдѣлать не скандалъ, а подлинную исторію, если только ему не помѣшаетъ „черная сотня". Имъ кажется, что исторію могутъ дѣлать даже тѣ, которые ни на какое путное дѣло не способны, ибо это самое плевое дѣло — всѣмъ по мозгамъ и всѣмъ по силѣ.

„Сознательнаго дѣйствія, т. е. такого, которое бы удовлетворяло, не можетъ еще быть. Мы дѣйствуемъ ощупью. Мы все пробуемъ втѣснять свои мысли, свои желанія средѣ, насъ окружающей. И эти опыты, постоянно неудачные, служатъ для нашего воспитанія. Вы досадуете, что народы не исполняютъ мысль, дорогую вамъ, ясную для васъ, что они не умѣютъ спастись оружіями, которыя вы имъ даете, и перестать страдать. Но почему вы думаете, что народъ долженъ исполнять именно вашу мысль, а не свою,—именно въ это время, а не въ другое? Увѣрены-ли вы, что средство, вами придуманное, не имѣетъ неудобствъ? Увѣрены-ли вы, что онъ понимаетъ его? Увѣрены-ли вы, что нѣтъ другого средства, что нѣтъ цѣлей шире?

„Вы можете угадать народную мысль. Это будетъ удача. Но скорѣе вы ошибетесь. Вы и массы принадлежите двумъ разнымъ образованіямъ. Между вами вѣка,—больше, чѣмъ океаны, которые теперь переплываютъ такъ легко. Массы полны тайныхъ влеченій, полны страстныхъ порывовъ. У нихъ мысль не разъединилась съ фантазіей. У нихъ она не остается по нашему теоріей. Она у нихъ тотчасъ переходитъ въ дѣйствіе. Имъ оттого и трудно привить мысль, что она не шутка для нихъ. Оттого-то онѣ иногда

обгоняютъ самыхъ смѣлыхъ мыслителей, увлекаютъ ихъ поневолѣ, покидаютъ середь дороги тѣхъ, которымъ поклонялись вчера, и отстаютъ отъ другихъ вопреки очевидности. Онѣ дѣти, онѣ женщины, онѣ капризны, бурны, непостоянны. Вмѣсто того, чтобы изучить эту самобытную физіологію рода человѣческаго, сродниться, понять ея пути, ея законы, мы принимаемся критиковать, учить, приходить въ негодованіе, сердиться,—какъ будто народы или природа отвѣчаютъ за что-нибудь, какъ будто имъ есть дѣло, нравится-ли вамъ, или не нравится ихъ жизнь, которая влечетъ ихъ поневолѣ къ неяснымъ цѣлямъ и безотвѣтнымъ дѣйствіямъ. До сихъ поръ это дидактическое, жреческое отношеніе имѣло свое оправданіе. Но теперь оно становится смѣшно и ведетъ къ битой роли—разочарованныхъ". (V, 210—211).

Здѣсь Герценъ стоитъ, очевидно, на порогѣ славянофильства. Но ему не легко было переступить этотъ порогъ, хотя въ концѣ концовъ,—не безъ нѣкоторой неловкости и замѣшательства,—онъ это и сдѣлалъ. Младенческія традиціи западничества были еще крѣпки и ему нужно было еще сплясать бѣшеный танецъ ирокезца по завѣтамъ либеральной рутины, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ безповоротный шагъ. Но—онъ уже у порога. Это самый захватывающій моментъ его драмы.

„Они почти всѣ погибли,—говоритъ Герценъ про отщепенцевъ и раскольниковъ, представителей Горы 92 года,—работая для французскаго народа, котораго требованія были скромны и который безъ сожалѣнія позволилъ ихъ казнить. Я даже не назову это неблагодарностью: не въ самомъ дѣлѣ то, что дѣлалось, дѣлали они для народа. Мы *себя* хотимъ освободить. *Намъ* больно видѣть подавленнную массу. *Насъ* оскорблетъ ея рабство. *Мы* за нее страдаемъ и хотимъ снять свое страданіе. За что тутъ благодарить? Могла-ли толпа въ самомъ дѣлѣ въ половинѣ XVIII столѣтія желать свободы, „Contract social", когда она теперь, черезъ вѣкъ послѣ Руссо, черезъ полвѣка послѣ конвента, нѣма къ ней? Когда она теперь въ тѣсной рамкѣ самаго пошлаго гражданскаго быта здорова, какъ рыба въ водѣ"? (V, 233)

„Человѣку, видящему свѣтъ, страшно тяжело оставить другихъ во тьмѣ. Проповѣдь тиха, изученіе медленно, а власть быстра—и передовые люди, съ полной любовью и вѣрой, *приказали* другимъ видѣть въ темнотѣ, утѣшаясь, какъ наши предки, тѣмъ, что „поживутъ вмѣстѣ—слюбятся". Великая основная мысль революціи, несмотря ни на философскія опредѣленія, ни на римско-спартанскіе орнаменты своихъ декретовъ, быстро перегнула въ полицію, инквизицію, терроръ; желая *возстановить* свободу народа и признать его совершеннолѣтіе, для скорости обращались съ нимъ, какъ съ ма-

теріаломъ благосостоянія, какъ съ *мясомъ освобожденія*, chair au bonheur public, вродѣ наполеоновскаго пушечнаго мяса". (VI, 327)

Оглушенные музыкою революціонной карманьолы, отупѣвшіе отъ дикихъ фразъ о фатальномъ прогрессѣ и незнакомые съ исторіею, русскіе революціонныхъ дѣлъ подмастерья, разиня ротъ, считаютъ журавлей въ небѣ и у себя подъ носомъ ничего не видятъ.

„Ни микроскопъ, ни телескопъ вамъ не помогутъ; тутъ надобно имѣть *простые* глаза, а вы ихъ-то и испортили сѣрой нѣмецкой печатью". (VI, 332)

Вотъ этихъ-то „простыхъ глазъ" и нѣтъ у цѣлаго ряда поколѣній, которыя въ дикомъ кошмарѣ тунеядства и паразитизма, обвѣсившись побрякушками идейнаго балагана, грозятъ Олимпу и небу въ наивномъ убѣжденіи, что ведутъ народы „все впередъ и все выше".

Въ 1848 г. Ламартинъ и люди National'я побѣдили. Но—„они были испуганы успѣхомъ. Они привыкли къ легкой парламентской оппозиціи, къ безопасно-революціоннымъ тостамъ на банкетахъ, къ удали журнальныхъ статеекъ и къ безкровному задору съ бокаломъ въ рукѣ,—а вдругъ побѣдили королевство, сѣли на тронъ. Они никогда не уважали себя настолько, чтобы считать себя достойными побѣды". (V, 113)

„Въ тиранствѣ безъ тирана есть что-то отвратительнѣйшее. Тамъ знаешь, кого ненавидѣть. А тутъ анонимное общество политическихъ шуллеровъ и биржевыхъ торгашей, опертое на общественный развратъ, на сочувствіе мѣщанъ, опертое на полицейскихъ пиратовъ и на армейскихъ кондотьеровъ, душитъ безъ увлеченія, гнететъ безъ мѣры, изъ-за денегъ, изъ страха—и остается неуловимымъ, анонимнымъ". (V, 145).

Основныя черты роковой дилеммы поставлены ярко и выпукло. Надъ бездонной пропастью міровой разсѣлины въ идейномъ туманѣ рѣютъ идейные нетопыри и совы, въ туманѣ поднимаются метафизическія кладбищенскія тѣни, народы живутъ въ одну сотую часть своего племенного состава, и эта сотая часть—пуста, фанатична и дышитъ самымъ свирѣпымъ деспотизмомъ. Идетъ безшабашная идейная вакханалія, азартная игра въ свои козыри, льется кровь,—но все это только пляска тѣней, забавы и утѣхи одинокихъ Геростратовъ или идейной черни.

Не одинъ Герценъ видѣлъ эту бездну подъ линючими румянами истаскавшейся, продажной рутины и безпечальнаго эпикуреизма Но въ этой безднѣ своими зоркими глазами онъ видѣлъ свой край и описывалъ то, что было къ нему ближе, на свой образецъ.

Каково же взаимоотношеніе этихъ двухъ величинъ, — интеллигенціи и народа? Въ чемъ характерныя особенности той и другой стороны? Какой обѣ стороны установили modus vivendi? Чего можно ждать отъ этой роковой коллизіи?

Отмѣтимъ нѣсколько общихъ соображеній и наблюденій Герцена. Предоставимъ слово *ему* и его словами повторимъ *его* выводы.

XXXVIII.

„Критика—сила нашего вѣка, наше торжество и нашъ предѣлъ. Политическая экономія, въ ея ограниченно-доктринерской и мѣщанской формѣ, была разбита, мѣсто расчищено, — но что же было поставить вмѣсто нея? Все то, что ставила она, казалось, было неуклюже. Видя это, критика свирѣпѣла еще больше.

„Но критика и сомнѣніе—не народны. Народъ требуетъ готоваго ученія, вѣрованія, ему нужна догматика, опредѣленная межа. Люди, сильные на критику, были слабы на созданье. Народъ слушалъ ихъ, но качалъ головою и чего-то все доискивался.

„Во всѣхъ новыхъ утопіяхъ было много разъѣдающаго ума и мало творческой фантазіи.

„Народы слишкомъ поэты и дѣти, чтобы увлекаться отвлеченными мыслями и чисто экономическими теоріями. Они живутъ несравненно больше сердцемъ и привычкой, нежели умомъ. Сверхъ того, изъ-за нищеты и тяжкой работы такъ же трудно ясно видѣть вещи, какъ изъ-за богатства и лѣниваго пресыщенія.

„Попытки новаго хозяйственнаго устройства одна за другой выходили на свѣтъ и разбивались о чугунную крѣпость привычекъ, предразсудковъ, фактическихъ стародавностей, фантастическихъ преданій. Они были сами по себѣ полны желаніемъ общаго блага, полны любви и вѣры, полны нравственности и преданности, но не знали, какъ вывести мечты изъ всеобщности въ дѣйствительную жизнь, изъ стремленія въ приложеніе".

„И не странно ли, что человѣкъ, освобожденный новой наукой отъ нищеты и отъ несправедливаго стяжанія, все же не дѣлался свободнымъ человѣкомъ, а какъ-то затерялся въ общинѣ? Хоть это лучше, нежели человѣкъ-машина, человѣкъ-снарядъ, но все же оно тѣсно, неудовлетворительно. Понять всю ширину и дѣйствительность, понять всю святость правъ личности, и не разрушить, не раздробить на атомы общество—самая трудная соціальная задача. Ее разрѣшитъ, вѣроятно, сама исторія для будущаго: въ прошедшимъ она никогда не была разрѣшена.

„Новое ученіе продолжалось со старымъ не въ народныхъ дви-

женіяхъ, не переворотами, но въ мірѣ литературно-образованномъ. Старая наука, вовлеченная въ полемику, не была въ авантажѣ. Умы свѣжіе, дѣятельные, сочувствующіе съ вѣкомъ, оставляли ее,— одни по убѣжденію въ истинѣ новыхъ ученій, другіе видя недостаточность прежнихъ" (V, 44—45).

„Народныя массы, вѣчно реальныя по инстинкту, — а можетъ быть и потому, что онѣ-то и составляютъ реальность, — не слушаютъ старовѣровъ. Они смотрятъ имъ черезъ голову. Какъ, гдѣ научился народъ, — трудно сказать; только не изъ книгъ: народъ мало читаетъ. Онъ не прочь иной разъ послушать демократическія рѣчи на банкетѣ, такъ, какъ прежде любилъ слушать проповѣдниковъ. Онъ даже соглашается съ тѣми и другими отъ непривычки къ слову и увлекаясь фразой. Но на его жизнь, на поведеніе это не имѣетъ никакого вліянія.

„Народъ, какъ женщина, понимаетъ вещи особымъ процессомъ и особенно развитымъ тактомъ. Но чего мы дорабатываемся длиннымъ теоретическимъ трудомъ, то онъ схватываетъ вдругъ цѣликомъ и, повидимому, даромъ. Новая истина, поражающая его, если онъ ее пойметъ, переходитъ не въ разсужденіе, а въ непосредственное дѣйствіе; его пониманіе больше страстное и художественное, нежели логическое. Долго дремлетъ народъ, тупо слѣдуя обычаю отцовъ, привычкѣ, повторяя принятое предшествовавшими поколѣніями. Онъ склоняется передъ духовной и свѣтской властью, не разбирая ея; онъ ее принимаетъ за роковой фактъ, за неотвратимую и неподвластную ему силу,—такъ, какъ принимаютъ природу и ея явленія. У него мало досуга на отвлеченную работу: онъ работаетъ безпрерывно руками для завоеванія матеріальныхъ условій жизни. Иногда душу его волнуютъ темныя стремленія и неопредѣленная тоска; онъ чуетъ возможность лучшей жизни и гнетущую несправедливость; но поколѣнія идутъ за поколѣніями, и онъ все остается при неясной тоскѣ, при одномъ стремленіи: онъ ничего не дѣлаетъ, *повидимому*, но грудь его разъединена и готова (?). Одно слово, одно событіе и онъ рветъ, какъ Самсонъ, свои путы; ринувшись впередъ, онъ становится въ уровень революціонному движенію". (V, 150—151).

Здѣсь Герценъ ближе подходитъ ко второй изъ враждебныхъ по духу и стремленіямъ, хотя и не всегда явно, враждующихъ сторонъ,— къ народу. Эта часть огромнаго лагеря двухъ армій ему менѣе знакома. Науку и интеллигенцію своего времени онъ видѣлъ насквозь и анализировалъ не только ихъ пустоту, бездарность и фиглярство, но ихъ несостоятельность по существу дѣла. Они шли отъ мечты, отъ надуманной правды, и, какъ и слѣдовало ожидать, разбивали себѣ лбы о „чугунныя" огражденія реальной жизни и будутъ разбивать ихъ, пока будутъ находиться охотники на безумный, идейный спортъ. Но о народѣ онъ все еще говоритъ туманно. Очки лгущей доктрины онъ снялъ, призраки туманной мечтательности упали, но онъ только телескопъ смѣнилъ микроскопомъ и до простыхъ глазъ еще не дошелъ. Въ его формулахъ гораздо больше жизни, чѣмъ въ въ схоластической риторикѣ міровыхъ реформаторовъ по рутинному шаблону, но все еще жизни мало. По мѣстамъ сильно припахиваетъ книжкой. Слова слишкомъ круглы и скатываются внизъ по наклону легко.

Но не такой былъ человѣкъ Герценъ, чтобы остановиться на полъдорогѣ. И по этой, огромному большинству идейной черни невѣдомой дорогѣ онъ пошелъ дальше—подмѣчать, по старой герценовской привычкѣ, черты живой жизни, глазами, свободными отъ куриной слѣпоты доктринаризма и отъ темной воды мистицизма" (V, 333).

Впрочемъ и съ такими отличными глазами онъ много разъ падалъ въ невольныя ямы и только чудомъ выкорабкивался изъ топкаго засасывающаго болота. Но судьба дала ему возможность изучить до послѣдней глубины мелководные типы и идеи только одной стороны и не дала срока надышаться здоровымъ воздухомъ мужицкой жизни. Объ интеллигенціи онъ говоритъ съ огромнымъ знаніемъ дѣла, какъ спеціалистъ, съ огромной эрудиціею, какъ единственный экспертъ, приговоры котораго рѣшаютъ дѣло. О народѣ онъ говорилъ по наслышкѣ, по предположеніямъ и догадкамъ, которые были тѣмъ ближе къ правдѣ, чѣмъ менѣе онъ вооружалъ зрѣніе идейной артиллеріей, чѣмъ проще становились его взгляды.

Но важно, что говорилъ именно онъ и что именно онъ говорилъ. Здѣсь мѣра и его мысли, и его личности.

XXXIX.

Герценъ говоритъ о „рѣзко-коммунистическомъ характерѣ" будущей борьбы между бѣднымъ большинствомъ и богатымъ меньшинствомъ.

„Слово это пугаетъ старыхъ революціонеровъ такъ, какъ слово якобинецъ пугало вольнодумовъ-дворянъ, и слово іезуитъ—полу-католиковъ. Они проповѣдывали всю жизнь равенство и братство; теперь они хотятъ отпрянуть, когда народъ беретъ ихъ за слово, и все еще воображаютъ, что идутъ съ нимъ за одно и представляютъ во всей чистотѣ его стремленія.

„Какой практически смѣшной и щемящій сердце образъ складывается для будущаго поэта, образъ донъ-Кихота революціи... Они повторяютъ слова, потрясавшія нѣкогда сердца, не замѣчая, что они

давно задвинуты другими словами. Они все еще толкуютъ о цивизмѣ и тираніи, о коалиціи и англійскомъ вліяніи,о протестаціяхъ и петиціяхъ, о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о нарушеніи конституціи и о святомъ правѣ возстанія!

„Какъ работнику не улыбаться и не качать головой, когда ему въ осадномъ положеніи, возлѣ военныхъ судовъ и партій ссылаемыхъ безъ суда, толкуютъ о правѣ возстанія, прибавляя по нему вновь изобрѣтенную нелѣпость—„право работы". Кому онъ предъявитъ эти права? Кто обязанъ ихъ принять и на что они ему, когда сила не съ его стороны? И на что они ему, когда сила съ его стороны?..

„Наши донъ-Кихоты вышли на поле, ничего не приготовивъ ни въ себѣ, ни внѣ себя. Они вышли съ ненавистью къ царямъ и внѣшнимъ формамъ самодержавія, но съ уваженіемъ къ власти. Они не хотѣли поповъ, но алтарь хотѣли. Они назвали монархію республикой и перевели на римскую номенклатуру феодальныя постановленія, въ сущности не коснувшись до нихъ. Цѣль ихъ прекрасна—уничтоженіе тиранства, водвореніе всеобщаго братства, всемірной свободы. Но такъ какъ эти общія мѣста—безъ объясненій и развитій расплываются въ какомъ-то пріятно-окрашенномъ туманѣ, то и неудивительно, что практической прилагаемости имъ не нашлось.

„Они дерутся ржавымъ оружіемъ своихъ враговъ на изнуренной почвѣ. Ихъ бьютъ—разумѣется оттого, что противники лучше владѣютъ *своимъ* оружіемъ и что они дома. И въ тоже время—въ довершеніе бѣдствій—они столько же теряютъ и на своемъ полѣ. Ихъ знамена истаскались—и не всегда въ бояхъ, а больше на банкетахъ и демонстраціяхъ.

„Пора бы, кажется, остановиться и призадуматься, а пуще всего изучить поглубже современность—и перестать съ легкомысленной суетностью увѣрять себя и другихъ въ фактахъ, которыхъ нѣтъ, и отворачиваться отъ тѣхъ, которые есть, да намъ не нравятся. Пора не принимать больше толпы на демонстраціяхъ за готовое войско, искать голосъ народа въ газетныхъ статьяхъ, писанныхъ самими нами или нашими друзьями, и общественное мнѣніе въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей, собирающихся ежедневно для того, чтобы повторять одно и то же.

„Какъ это ни ясно, но горе тому, кто въ печальномъ стану побѣжденныхъ поднимаетъ такую рѣчь! Маститые революціонеры и ихъ ставленники увидятъ обиду, личность, измѣну въ ней и проглядятъ трагическій характеръ скорбныхъ признаній, которыми человѣкъ отдираетъ свое сердце отъ среды, съ которой жилъ, которую любилъ, но въ несвоевременности которой убѣжденъ. Они не оцѣнятъ лиризмъ ироніи и злобы, вырывающійся изъ груди человѣка,

увидѣвшаго, что онъ часть жизни шелъ по ложной дорогѣ и не знаетъ, успѣетъ ли своротить на ту, которая приведетъ къ цѣли. Они называютъ „дилетантами" мятежныя личности, не дѣлящія ихъ воззрѣній, неучтивыми гостями, которые не хотятъ дѣлать тяжелой пріуготовительной работы, а спокойно пересуживаютъ сдѣланное.

„Донъ-Кихотъ тоже трудился много и совершенно безкорыстно. Пріуготовительные труды всѣхъ эмиграцій состояли въ ссорахъ между собой, въ составленіи комитетовъ, въ которыхъ повторяли, что побѣда близка, наканунѣ пораженія и на другой день послѣ всякаго пораженія...

„Многимъ кажется напротивъ, что *они* живутъ въ совершенной праздности, даже въ праздности мысли; они не хотятъ подумать о томъ, что о нихъ говорятъ ихъ друзья и что объ нихъ говорятъ ихъ враги. Они довольны собой. Что это за умственная лѣнь, за Vornehmthuerei, за morgue aristocratique, что за сознаніе своей папской непогрѣшимости?" (V, 152—153).

XL.

Отчего же Герценъ обращается съ своими рѣчами къ интеллигенціи, отъ которой онъ ничего не ждетъ и отъ которой дѣйствительно ждать нечего, а не къ народу?

„Оставить рѣчь съ ними и обратиться къ народу—великое дѣло. Но мы его не съумѣемъ.

„Народу не то надобно, что мы можемъ сказать, что намъ хочется сказать. Наши слова—отвѣты, подмостки, разрабатываніе понятій, оскорбленіе, исповѣдь, критика, сомнѣніе. Народъ едва знаетъ привидѣнія, противъ которыхъ мы боремся. Его не занимаетъ нашъ бой, у него не та злоба. Народъ много страдаетъ. Ему тяжела жизнь. Онъ многое ненавидитъ и страстно догадывается, что скоро будетъ перемѣна. Но онъ ждетъ не пріуготовленныхъ трудовъ, а *откровенія* того, что закрыто бродитъ въ его душѣ. Онъ ждетъ не книгъ, а людей, у которыхъ вѣра, воля, убѣжденіе и сила совпадаютъ воедино,—людей, никогда не разрывавшихся съ ними,—людей, не выходящихъ изъ него, но дѣйствующихъ въ немъ и съ нимъ, съ откровенной, непотрясаемой вѣрой и ни съ чѣмъ не развлекаемой преданностью.

„Кто чувствуетъ, что онъ такъ близокъ съ народомъ, такъ освободился отъ среды искусственной цивилизаціи и такъ переработалъ и побѣдилъ ее,—кто до того окончилъ съ собою, что ему остается одно дѣйствіе, и кто достигъ цѣлости и единенія, о которой мы го-

воримъ,—тому принадлежитъ рѣчь, тотъ пусть говоритъ народу, да онъ и будетъ непремѣнно говорить: мы склонимся передъ нимъ.

„Ощущаете ли вы что-нибудь подобное въ груди?—Сомнѣваюсь. Мы вмѣстѣ трупъ и убійцы, болѣзнь и прозекторы стараго міра. Вотъ наше призваніе.

„Я долго думалъ, что можно, по крайней мѣрѣ, лично начать новую жизнь, отступить въ себя, удалиться отъ толкучаго рынка. Невозможно. Будь хоть одинъ человѣкъ возлѣ васъ, съ которымъ вы не порвали всѣ отношенія, черезъ него воротится старый міръ, порочный и распутный, лукавый и предательскій. Мы похожи на того раба въ французскихъ колоніяхъ, котораго,—разсказываетъ Шельшеръ, — господинъ въ наказаніе связалъ наглухо съ трупомъ имъ убитаго вола и—такъ оставилъ умирать.

„Смерть отживающаго міра захватитъ и насъ. Спастись нельзя. Наши испорченныя легкія не могутъ дышать другимъ воздухомъ, кромѣ зараженнаго. Мы влечемся съ нимъ въ неминуемую гибель. Она законна, необходима. Мы чувствуемъ, что насъ скоро будетъ ненужно. Но, исчезая съ нимъ, но чувствуя роковую необходимость, связавшую насъ, мы нанесемъ еще самые злые удары и, погибая въ разгромѣ и хаосѣ, радостно будемъ привѣтствовать новый міръ— міръ не нашъ—нашимъ: „Умирающіе привѣтствуютъ тебя, Кесарь!“ (V, 154—155)

Это очень красиво. Но почему же этотъ міръ и теперь не нашъ? Развѣ дороги къ нему нѣтъ? Дверь заперта? Или онъ насъ къ себѣ не пуститъ,—онъ, который ждетъ такъ долго и такъ давно? Зачѣмъ вражда, когда возможно согласіе и единеніе?

Очевидно, Герценъ еще не порвалъ всѣ путы холопской идейности. Много правды и въ этихъ его словахъ, но много еще доктринаризма и мистики. Звучитъ лиризмъ своеобразнаго романтизма. По небу бѣгутъ какія-то тучки мечтательной утопіи. На горизонтѣ еще не все ясно.

Но Герценъ пойдетъ впередъ и по этой дорогѣ. На то онъ и Герценъ.

„Vixerunt“. „Съ того берега“. Мѣняются рѣчами двѣ расколовшіяся половины Герцена. Первый, какъ и прежде, проповѣдуетъ аристократическое презрѣніе къ темному и невѣжественному народу.

„Вы говорите, что я проклялъ бы народъ,—отвѣчаетъ новый, помолодѣвшій Герценъ.—Можетъ быть. Но это было бы глупо. Народы, массы—это стихіи, океаниды; ихъ путь—путь природы; они ея ближайшіе преемники, влекутся темнымъ инстинктомъ, безотчетными страстями; упорно увлекаютъ съ собою или давятъ все, что попало на дорогѣ, хотя бы оно было хорошо“...

„Народы обвинять нелѣпо. Они правы, потому что всегда сообразны обстоятельствамъ своей былой жизни; на нихъ нѣтъ отвѣтственности ни за добро, ни за зло; они факты, какъ урожай и неурожай, какъ дубъ и колосъ. Отвѣтственность скорѣе на меньшинствѣ, которое представляетъ собою сознательную мысль времени, хотя и оно невиновато. Вообще юридическая точка зрѣнія не годится нигдѣ, кромѣ въ судѣ, и именно потому, что всѣ суды въ этомъ мірѣ никуда не годятся. Понимать и обвинять—это почти такъ же нелѣпо, какъ и понимать и казнить. Виновато ли меньшинство, что все историческое развитіе, вся цивилизація предшествовавшихъ вѣковъ была для него, что у него мозгъ развитъ на счетъ крови и мозга другихъ, что оно вслѣдствіе этого далеко ушло впередъ отъ одичалаго, неразвитаго, задавленнаго тяжкимъ трудомъ народа?

„Если мы имѣемъ нѣкоторое право требовать, чтобъ страждущій, худой отъ голода и горя, притѣсненный и оскорбляемый народъ отпустилъ намъ наше неправое стяжаніе, наше превосходство, наше развитіе, потому что мы въ немъ неповинны, потому что мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобы сознательно поправить безсознательный грѣхъ,—то откуда возьмемъ мы силу проклинать, презирать народъ, который остался Каспаромъ Гаузеромъ для того, чтобы мы съ вами читали Данте, слушали Бетховена?

„Презирать за то, что онъ не понимаетъ насъ, пользующихся монополіею пониманія,—это безобразная, гнусная жестокость. Вспомните, какъ было дѣло. Образованное меньшинство, долго наслаждаясь въ своемъ исключительномъ положеніи, въ своемъ аристократическомъ, литературномъ, художественномъ, правительственномъ кругѣ, наконецъ, почувствовало угрызеніе совѣсти: оно вспомнило забытыхъ братій. Мысль о несправедливости общественнаго устройства, какъ электрическая искра, облетѣла лучшіе умы прошлаго вѣка. Книжно, теоретически поняли люди несправедливость и книжно хотѣли ее поправить. Это позднее раскаянье меньшинства назвали либерализмомъ. Они, добросовѣстно желая вознаградить народъ за тысячелѣтнія униженія, провозгласили народъ самодержавнымъ, требовали, чтобы каждый поселянинъ вдругъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ, понялъ запутанные вопросы полусвободнаго и полурабскаго законодательства, оставилъ свою работу, т. е. кусокъ хлѣба и, новый Цинциннатъ, шелъ бы заниматься общественными дѣлами. О хлѣбѣ насущномъ либерализмъ серьезно не думалъ. Онъ слишкомъ романтикъ, чтобы печься о такихъ грубыхъ потребностяхъ. Либерализму легче было выдумать народъ, нежели его изучить. Они налгали на него изъ любви не менѣе того, что на него другіе налгали изъ ненависти. Либералы сочинили свой народъ a priori, построили его по воспоминаніямъ изъ прочтеннаго, одѣли его въ римскую тогу и въ пастушескій нарядъ. О дѣйствительномъ

народѣ мало думали. Онъ жилъ, работалъ, страдалъ возлѣ, около и, если кто его зналъ, то это его враги—попы и легитимисты. Судьба его оставалась по старому. За то народъ вымышленный сдѣлался кумиромъ въ новой политической религіи. Не освободивши ни его рукъ, ни его ума, либерализмъ посадилъ народъ на тронъ и, кланяясь ему въ поясъ, старался въ тоже время власть оставить себѣ. Народъ поступилъ, какъ одинъ изъ его представителей — Санчо Панса. Онъ отказался отъ мнимаго престола, или, лучше сказать, и не садился на него.

„Мы начинаемъ понимать ложное съ обѣихъ сторонъ. Это значитъ, что мы выходимъ на дорогу. Будемъ же указывать ее всѣмъ. Но зачѣмъ же, обертываясь назадъ, мы будемъ ругаться? Я не токмо не виню народъ, но не виню и либераловъ. Они, большею частью любили народъ по своему, они много жертвовали для своей идеи. Это всегда почтенно,—но они были на ложномъ пути. Ихъ можно сравнить съ прежними натуралистами, которые начинали и оканчивали изученіе природы въ гербаріи, въ музеѣ. Все, что они знали о жизни, былъ трупъ, мертвая форма, слѣдъ жизни. Честь и слава тѣмъ, которые догадались взять котомку и идти въ горы, плыть за море ловить природу и жизнь на самомъ дѣлѣ. Но зачѣмъ же ихъ славой, ихъ утѣхами задвигать труды ихъ предшественниковъ? Либералы были вѣчные жители большихъ городовъ и маленькихъ кружковъ, люди журналовъ, книгъ, клубовъ. Они вовсе не знали народа. Они его глубокомысленно изучали по историческимъ источникамъ, по памятникамъ, а не по деревнѣ, не по рынку. Больше или меньше всѣ мы грѣшны въ этомъ, отсюда—недоразумѣнія, досада, наконецъ, отчаяніе". (V, 221—222).

XLI.

Здѣсь надо остановиться. Мысль съ достаточною рельефностью открываетъ свои контуры, хотя ничего рѣшительнаго и положительнаго еще нѣтъ. Мысль еще въ области теоретическихъ негацій и дипломатическихъ категорій. Поставленъ уже вопросъ о грѣхѣ; но это замѣчаніе прошло безслѣдно. Гдѣ грѣхъ, тамъ и отвѣтственность. Но народъ не виноватъ; да его и не винилъ никто. Невиновата и интеллигенція, обвиненія противъ которой обоснованы на такой твердой почвѣ. Она наслаждалась, она развивалась, она процвѣтала, но никакихъ плодовъ эта безплодная смоковница не принесла.

О народѣ говорится не языкомъ деревни и рынка, не языкомъ

опыта и здраваго смысла, а языкомъ классическаго миѳа и нѣмецкой легенды. Это—океаниды, что-то очень огромное и настолько же глупое. Темнота и невѣжественность мужика принимаетъ миѳическія и стихійныя формы. Наслѣдственная темнота и высокомѣрная невѣжественность интеллигенціи принимаетъ видъ ослѣпительнаго солнечнаго сіянія. Въ этой тирадѣ замѣтны слѣды того „кобянящагося духа", которые такъ ярко отмѣтилъ Герценъ въ Кельсіевѣ.

Герценъ всегда съ поразительною безпечностью въ своемъ лихомъ челнокѣ скользилъ надъ однимъ противорѣчіемъ. Мозгъ интеллигенціи мертвъ. Онъ не принесъ, не приносилъ и не принесетъ плодовъ. Все, что онъ создалъ, погибло или должно погибнуть. Но умъ ея великъ, — такъ безмѣрно великъ, что достоинъ великихъ жертвъ со стороны народа. Это вѣдь не мужикъ, который и сѣръ, и умъ у него волкъ съѣлъ. Герценъ вообще очень недовѣрчиво относился къ человѣческому уму и съумѣлъ дать полновѣсныя данныя для оправданія своего скептицизма. Но при оцѣнкѣ уровня умственной ограниченности, одинаково свойственной и тому и другому лагерю, онъ не всегда обнаруживалъ достаточно безпристрастія. Глупость интеллигенціи, которую онъ видѣлъ насквозь, манила и притягивала его къ себѣ, какъ гипнотизирующій и завлекающій глазъ очковой змѣи.

„Развитое меньшинство, — какъ-то обмолвился онъ, — которое торжественно несется надъ головами другихъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ свою мысль, свое стремленіе, до котораго массамъ, кишащимъ внизу, дѣла нѣтъ, даетъ блестящее свидѣтельство того, до чего можетъ развиться человѣческая натура, какое страшное богатство силы могутъ вызвать исключительныя обстоятельства; но все это не относится къ массамъ, ко всѣмъ". (V, 233).

Баричъ до мозга костей, Герценъ долго не хотѣлъ повѣрить мужицкой смѣтливости, здравому смыслу деревни. Только прямолинейная до дерзости логика въ концѣ концовъ согнула его артистическую и аристократическую голову. Онъ сдался и долженъ былъ сознаться, что искусственно развитое меньшинство не доходитъ *ни до чего*; что „страшное богатство силъ",—при тщательномъ изученіи дѣла—полная нищета, явное банкротство, духовная смерть. Это одно изъ самыхъ забавныхъ противорѣчій психологіи Герцена и ему пришлось много поработать надъ собою, чтобы побороть въ себѣ барскую спесь и барское самодурство. Онъ часто видѣлъ въ въ народныхъ массахъ несомнѣнный и недюжинный умъ, но этотъ умъ долгое время ему почему-то казался глупымъ. Онъ видѣлъ насквозь всю глупость и пустоту интеллигенціи, но эта глупость казалась ему признакомъ утонченности и сластолюбиваго эгоизма.

„Общія симпатіи массъ почти всегда вѣрны, какъ инстинктъ

животныхъ вѣренъ. И знаете отчего? Отъ того, что жалкая самобытность личностей стирается въ общемъ. Масса хороша только какъ безличная, а развитіе самобытной личности составляетъ всю прелесть, до которой дорабатывается, съ другой стороны, все свободное, талантливое, сильное". (V, 238).

Опять океаниды, опять хаосъ. Только „какъ инстинктъ животныхъ". И рядомъ: „жалкая самобытность личностей", привлекающая „все свободное, талантливое и сильное". Мы все еще въ области осторожныхъ реверансовъ, идейныхъ комплиментовъ и затаеннаго презрѣнія къ чужому уму не по нашей мѣркѣ. Только потомъ Герценъ осмѣлился прямо и просто сказать, чѣмъ именно уменъ мужикъ и въ чемъ его историческая и нравственная правда. До поры до времени ему было по нраву отпускать колѣнца либеральнаго менуэта.

Вотъ еще великолѣпный фейерверкъ, — одинъ изъ тѣхъ, при ослѣпительномъ блескѣ которыхъ передовые умы приходятъ въ идейный столбнякъ и перестаютъ понимать все на свѣтѣ.

„Въ наше глубоко-революціонное время слова *правда* и *истина* утратили свое абсолютное, тождественное для всѣхъ значеніе.

„*Истина* и *правда* старой Европы, въ глазахъ Европы рождающейся—*неправда* и *ложь*.

„Народы—произведеніе природы; исторія — прогрессивное продолженіе животнаго развитія. Прилагая нашъ нравственный масштабъ къ природѣ, мы далеко не уйдемъ. Ей дѣла нѣтъ ни до нашей хулы, ни до нашего одобренія. Для нея не существуютъ приговоры и монтіоновскія преміи. Она не подпадаетъ подъ этическія категоріи, созданныя нашимъ личнымъ произволомъ. Мнѣ кажется, что народъ нельзя назвать ни дурнымъ, ни хорошимъ. Въ народѣ всегда выражается истина. Жизнь народа не можетъ быть ложною. Природа производитъ лишь то, что осуществимо при данныхъ условіяхъ: она увлекаетъ все своимъ броженіемъ, своею неутомимою жаждою осуществленія, этою жаждой, общей всему живущему". (V, 269—270).

Повидимому, панегирикъ. Повидимому, Герценъ *за* народъ. Помилуйте, „истина",—та *истина*, которая утратила всякій смыслъ въ наше глубоко революціонное время,—всегда выражена въ народѣ. До такихъ уступокъ не доходятъ рядовые передовые умы. Но это только обманъ зрѣнія, отводъ глазъ. Мужика „природа производитъ", а мать рожаетъ только барина. „Жизнь народа не можетъ быть ложью", какъ жизнь гриба, ручья, камня, всѣхъ явленій неорганической и животной природы. Посмотрите теперь, на сколько этажей жизнь идейнаго и лѣниваго барина выше жизни простого народа, какъ-то умѣющаго сводить концы съ концами даже при невозможныхъ, повидимому, условіяхъ жизни! Съ этой точки зрѣнія народъ, хотя онъ и океанида, хотя въ немъ и выражается истина, хотя его жизнь не можетъ быть ложью, все-таки комаръ, какая-то стихійная букашка, судьбы которой призваны устроить только барскіе передовые умы.

Можно подумать, что это просто наборъ словъ, пустыхъ и яркихъ, какъ мыльный пузырь. Это такъ и на самомъ дѣлѣ. Но странно, что и эта манера декламаціи шла впередъ сравнительно съ обычными взглядами интеллигенціи. Та прямо игнорируетъ народъ. Онъ „теменъ и невѣжественъ", т. е. вовсе не существуетъ, какъ разумъ, какъ воля, какъ чувство. Это въ умственномъ и нравственномъ отношеніи круглый нуль, хотя нули очень и очень нужны для всеобщаго избирательнаго права, почему не безразсудно польстить толпѣ лучшими перлами демократической декламаціи и мошенническими вольтами предвыборной агитаціи.

Теперь, когда съ такою обидною очевидностью выясняется, что интеллигенція темна и невѣжественна, что ея наслѣдственные идеалы—простые чурбаны, что ея сердце умерло, а мысль никакъ не можетъ прочихаться отъ вѣковой книжной пыли,—попискиванія идейныхъ комаровъ объ огромности и глупости народной океаниды пріобрѣтаютъ особенно забавный и пошлый оттѣнокъ.

XLII.

„Народное сознаніе — такъ, какъ оно выработалось — представляетъ естественное, само собою сложившееся, безотвѣтственное сырое произведеніе разныхъ усилій, событій, попытокъ, удачъ и неудачъ людского сознанія, разныхъ инстинктовъ и столкновеній. Его надо принимать за естественный фактъ и бороться съ нимъ, какъ со всѣмъ безсознательнымъ, изучая его, овладѣвая имъ и направляя его же средства для нашей цѣли". (V, 472)

Слѣды идейнаго цинизма все еще замѣтны на трезвомъ въ иныхъ случаяхъ мышленіи Герцена. Таково, по его словамъ, „народное сознаніе". А общественное, — точнѣе интеллигентное сознаніе не таково? Что же, среди интеллигенціи мы видимъ блестящія фаланги людей, которые своимъ умомъ и своимъ опытомъ дошли до яснаго и трезваго пониманія жизни? Развѣ не на каждомъ интеллигентномъ лбу выжжено то идейное каторжное клеймо, которое, какъ тавро на коровѣ, свидѣтельствуетъ о принадлежности къ идейному стаду? Развѣ же это не чижики въ очкахъ, которые, усѣвшись въ своихъ клѣткахъ, по складамъ разбираютъ идейныя благоглупости такъ называемой научно-популярной книжки? Передъ чѣмъ отвѣтственно это интеллигентное сознаніе? Глупое и сопливое дитя обществен-

ной эволюціи и фатальнаго прогресса, постоянной амнистіи и стремительно падающей на дно среды,—оно выдаетъ себя цѣликомъ, съ руками и ногами, скрывая свою глупость, лѣность и испорченность за всѣми идейными твердынями безсвѣтственности.

Въ передовыхъ органахъ печати интеллигенція изо дня въ день твердитъ: это не мы глупы, бездарны и преступны. Это духъ времени, вліяніе среды, стихійный порывъ, безразличное, т. е. ни худое, ни доброе—проявленіе природы. Въ своихъ преступленіяхъ мы не виноваты, ибо въ мірѣ и природѣ все является „само собою". Амнистіи! Амнистіи!—кричатъ на рынкахъ и базарахъ проворовавшіеся босяки и плуты-коноводы... И съ этимъ „интеллигентнымъ" сознаніемъ не надо бороться? Оно требуетъ правъ и не признаетъ никакой отвѣтственности, наканунѣ задуманнаго преступленія выговариваетъ себѣ амнистію и не беретъ на себя вины за могущія быть послѣдствія.

Герценъ, который всю свою жизнь боролся съ объюродѣвшими понятіями интеллигенціи, который видѣлъ насквозь всю ихъ балаганную грубоватость и произнесъ надъ ними смертный приговоръ, становясь передъ народомъ, прикрывался щитомъ идейной схоластики и *трусилъ*, безумно трусилъ за цивилизацію, „цивилизацію обветшавшую, испорченную, которая не имѣетъ силъ ни обновиться, ни умереть своею смертью" (III, 274),—Герценъ, который говорилъ, что „пора людямъ вылечиться отъ исторіи" (V, 383).

Въ яркой образности—сила и прелесть герценовскаго слога. Но образность—коварный спутникъ для мыслителя. Она заставляетъ его говорить то больше, то меньше, чѣмъ надо. Герценъ захотѣлъ дать общую картину жизни народа сверху до низу въ нашъ вѣкъ.

„Внизу идетъ работа. Микроскопическое тканье, вывѣтриваніе и наносы, „мышья бѣготня" исторіи, вулканическая работа подъ землей, просасываніе волосяными сосудами прошлой осени въ будущую весну. Вверху страшныя привидѣнія, мертвецы въ старыхъ доспѣхахъ и старыхъ тіарахъ—и фантастическіе, несбыточно свѣтлые образы, мучительныя страданія, безумныя надежды, горькое сознаніе слабости и безсилія разума. Внизу бездоная пропасть стихійныхъ страстей доисторическаго сна, дѣтскихъ грезъ, циклопической кротовой работы. На это дно и голосъ человѣческій не доходитъ, какъ вѣтеръ не доходитъ до глубины морской. Иной разъ только слышатся тамъ военная труба и барабанъ, зовущіе на кровь, обѣщающіе убійство и дающіе разореніе.

„Между фантастами наверху и дикими внизу, колышется *среднее состояніе*, не имѣя ни силы гордо сказать свое: „я—царь", ни самоотверженія идти въ іезуиты или въ соціалисты". (V, 386—387)

Очень красиво и стильно, но, пожалуй, слишкомъ стильно. Ради

выдержанности слога принесена въ жертву реальная правда. Объ интеллигенціи, какъ всегда, сказано умное и вѣрное слово. Но народъ рисуется въ слишкомъ широкихъ и смѣлыхъ очертаніяхъ. Идейный вѣтеръ не доходилъ до народной глубины. Какой же доисторическій сонъ снится на этой глубинѣ? Развѣ циклопическая работа кротовъ уже совсѣмъ не имѣетъ цѣли? Какая именно осень просачивается волосяными сосудами въ какую именно весну?

Интеллигенція всегда довольна словами. Если слова красивы, ея критика, какъ и ея разумъ, въ сладострастной нѣгѣ засыпаютъ подъ музыку словъ. Никто не замѣчаетъ, что въ этихъ словахъ въ сущности *ничего* не сказано. Такова почти вся теперешняя періодическая печать. Если слова звучатъ одинаково, она вѣритъ въ единство мысли, хотя бы этого вовсе не было. Если слова звучатъ несходно, она видитъ идейный раздоръ, какого на самомъ дѣлѣ можетъ и не быть. Онъ требуетъ, чтобы ея тощія мысли облекались въ ея шаблонныя и блѣдныя слова и отъ всякаго передового ума требуетъ установленной декламаціи и общепризнаннаго шаблона.

Можно перечитать вороха газетъ и груды журнальныхъ книжекъ—и не найти въ нихъ *ни одной* мысли, хотя тамъ будутъ схаластически-серьезныя передовыя статьи, необыкновенно игривые фельетоны, адски-ядовитыя внутреннія обозрѣнія. Но все это только построчный миражъ, имитація серьезной и умной рѣчи. Поколѣніе, воспитанное на словахъ и на фразахъ, ищетъ только словъ и внѣ словъ ничего не понимаетъ, хотя смыслъ привычныхъ словъ давно исчезъ и слово убаюкиваетъ мысль, вмѣсто того чтобы ее будить.

Очки доктринаризма и мистики Герценъ разбилъ и бросилъ. Но очки аристократическаго романтизма, патриціанской эстетики, барскаго эпикуреизма держались крѣпко и долго.

XLIII.

А вотъ и lux ex oriente—и непремѣнно ex oriente, потому что только свѣтъ съ востока былъ по глазамъ зоркому Герцену, который нашелъ въ себѣ достаточно свободы духа, чтобы отказаться не только отъ теоріи и мистики, но и отъ мечтательной эстетики.

„Человѣкъ будущаго въ Россіи—*мужикъ*,—точно такъ же, какъ во Франціи работникъ". (V, 275).

Это уже начало новой дороги, порогъ новаго храма, первое дѣло новыхъ, строгихъ и серьезныхъ думъ. Это циклъ новой философіи и морали, ключъ многообъемлющей системы, источникъ или невѣдомыхъ или забытыхъ думъ, чувствъ и отношеній. Тамъ иной умъ, иная совѣсть, иная жизнь... Тамъ... славянофилы.

Но Герцену пришлось бы пережить еще болѣе тяжелую драму, чѣмъ онъ пережилъ, чтобы мужественно и безповоротно переступить этотъ священный порогъ. Старый язычникъ еще долго блуждалъ по западнымъ дебрямъ и пустырямъ, прежде чѣмъ подойти къ знакомымъ воротамъ родной обители. Но рѣчи его стали все же яснѣе, опредѣленнѣе и строже, какъ только до него сталъ доноситься благовѣстъ родныхъ святынь.

„Надо правду сказать, что либерализмъ нигдѣ не отличается глубокимъ знаніемъ народа, особенно сельскаго. Либерализмъ вообще явленіе переходное, развившееся въ городской цивилизаціи, необходимая разсчистка мѣста между старой и новой постройкой. Онъ всегда довольствовался отвлеченнымъ понятіемъ о народѣ, риторическимъ образомъ его, въ которомъ были совмѣщены—простота геснеровыхъ патріарховъ, нравы дезульеровскихъ пастушекъ и свирѣпыя добродѣтели римскаго плебея допуническихъ временъ“. (VI, 280).

„Мнѣ всякій разъ становится не по себѣ, когда говорятъ о народѣ. Въ нашъ демократическій вѣкъ нѣтъ ни одного слова, которое бы такъ мало понимали и такъ употребляли во зло. Понятіе, сопрягаемое съ нимъ, неопредѣленно, преувеличенно, поверхностно, полно риторики въ похвалахъ и порицаніяхъ. Одни поднимаютъ народъ до небесъ и дѣлаютъ изъ него какого-то прорицателя законовъ, неписанный разумъ, судію; другіе топчутъ его въ грязь, называя грубой толпой. Всѣ эти разглагольствованія, умиленія, негодованія и декламаціи не прибавляютъ ни на волосъ къ пониманію этой гранитной основы государствъ и человѣчества, связанной цементомъ вѣковыхъ воспоминаній и кровнаго родства, на которой построенъ плохой балаганъ современнаго политическаго устройства, полусгнившій и пошатнувшійся.

„Правительство и плавающій вверху слой цивилизаціи закрываютъ народъ и не допускаютъ знать его. За этими оффиціальными и литературными декораціями, онъ живетъ по своему, рѣдко соображаясь съ ними,—остается покойнымъ, когда за него горячатся и бросаютъ перчатку,—и возстаетъ, когда всего менѣе этого ждутъ.

„Однѣ легкія революціи дѣлаются легко. Вѣтеръ свободно двигаетъ во всѣ стороны верхній слой общественной зыби; глубь тиха до урагана.

„За-то и слѣды такихъ революцій невелики. Онѣ мѣняютъ одежду и названіе, а дѣло остается по старому.

„Народъ туго и не скоро возстаетъ. Онъ не играетъ, не шутитъ перемѣнами. Онъ такъ бѣденъ, что долго не рискуетъ послѣднимъ. Его возстаніе всегда глубоко выстраданное. Если оно неудачно,

преждевременно,—цѣлыя племена, государства гибнутъ. Германія потеряла всякій политическій смыслъ и превратилась въ школу, усмиривъ крестьянъ“ (V, 294—294).

„Быть голоднымъ и пролетаріемъ недостаточно для того, чтобъ сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобы держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишающимъ ихъ куска хлѣба.

„Вообще пролетарій полей оченъ миренъ. Кругъ его понятій тѣсенъ. Онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе, чѣмъ недовольнымъ. Его не надобно смѣшивать съ работникомъ большихъ торговыхъ и политическихъ центровъ. Въ этихъ колоссальныхъ ульяхъ, гдѣ милліоны людей трутся ежедневно другъ о друга, гдѣ на каждомъ шагу попадаются макабрскія встрѣчи пляшущихъ съ умирающими, пресыщенныхъ съ голодными, Ротшильда съ ирландцемъ, откупщика съ поденщикомъ,—тамъ, разумѣется, въ душѣ работника бродятъ мысли о ниспроверженіи этого міра монополіи, цеха, капитала, дохода. Но въ маленькихъ городахъ и еще болѣе въ поляхъ пролетарій не таковъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу; онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется“. (V, 295)

„Между селомъ и городомъ—вѣка: иныя понятія, другая религія, другіе нравы, часто другой языкъ. Сельскія народонаселенія запада намъ кажутся его резервомъ, народомъ *будущей* Европы, *по ту сторону* городской цивилизаціи и городской черни, по ту сторону правительствующей буржуазіи и по ту сторону утягивающихъ всѣ силы страны столицъ.

„Бѣдныя жертвы городовъ, безотраднѣшія жертвы разрабатыванія лучшей жизни для другихъ, врядъ имѣютъ-ли будущность: онѣ изнурены, онѣ нервны, въ ихъ жилахъ больная кровь, унаслѣдованная отъ поколѣній, выросшихъ и умершихъ въ нуждѣ, духотѣ, сырости. У нихъ развивается иногда звѣрская хитрость, но не умъ; міръ ихъ узокъ и не идетъ далѣе прибыли нѣсколькихъ копеекъ; они идутъ въ лаццарони. Люди полей смѣнятъ ихъ. Въ этомъ отсталомъ, но крѣпкомъ мышцами кряжѣ осталась бездна родоначальныхъ силъ. Оно въ своей бѣдности и ограниченности не такъ истощало, не такъ обносилось, не такъ покрылось пылью, какъ городской пролетаріатъ и мелкое мѣщанство. Оно работало на чистомъ воздухѣ, на солнцѣ и дождѣ. Гордая цивилизація пронеслась мимо деревень, не раскрывая тюковъ своихъ, но, минуя сельскаго жителя, она спасла его отъ пошлости полуобразованія, поставила при своей самобытной и простой поэзіи въ жизни и одеждѣ, въ рѣчи и пляскѣ,—въ то время какъ бѣдный горожанинъ утратилъ все, вытягиваясь для каррикатурнаго подражанія аристократамъ.

„Житель полей былъ всѣмъ обойденъ. Не для него строились театры и академіи, не для него писались книги на языкѣ, почти незнакомомъ ему, не для него издавались журналы. Ему была оставлена поэзія церкви и, вмѣсто училища, каѳедры, литературы, онъ былъ покинутымъ на попа-невѣжду. И, дѣйствительно, сельское населеніе словно замерло на тяжелой работѣ, около убогихъ очаговъ своихъ. Оно не брало страстнаго участія въ политическихъ партіяхъ, раздиравшихъ города. Оно платило подать, давало солдатъ и вовсе не понимало вопросовъ, которые *нѣкогда* казались такъ просты и въ которыхъ теперь всѣ перестаютъ что-нибудь понимать“. (VI, 276—277)

XLV.

Хаосъ, повидимому, осѣдаетъ. Идейные туманы расползаются и въ первобытныхъ сумеркахъ, хотя еще и съ трудомъ, видны очертанія матерой земли, суши. Есть мѣстечко,—хотя можетъ быть и небольшое,—чтобы оріентироваться и опредѣлить свои отношенія. Тамъ, гдѣ до сихъ поръ было хаотическое безразличіе мягкотѣлыхъ океанидъ, является различіе, плодъ свободнаго творчества, залогъ самобытности и устойчивости. Отъ безформенной студенистой массы пролетаріата отходитъ на свою сторону „человѣкъ полей“,—быть можетъ, темный и невѣжественный, но не разбойникъ по сердцу и и влеченію, не все отрицающій въ скромномъ обиходѣ вселенной. И этотъ небольшой клочекъ земли, обсохшей послѣ идейнаго потопа, даетъ полную возможность точно опредѣлить крайнія границы гибели и опустошенія.

Но прежде надо сказать нѣсколько словъ о русской интеллигенціи и ея отношеніяхъ къ народу. А то скажутъ, пожалуй, что русская интеллигенція на вѣка и вѣка обогнала западную, что она загорѣлась заревомъ такой новой правды и новой жизни, что міру не надо уже солнца. Да такъ именно по безмѣрной идейной глупости и говорятъ иные передовые умы. Но Герценъ не любилъ самозванныхъ „дѣтей солнца“ и изъ россіянъ.

„Давно надоѣли намъ всѣ эти высшія, неузнанныя натуры, исхудалыя отъ зависти и несчастныя отъ высокомѣрія,—въ жизни и въ романахъ“ (III, 96).

О русской интеллигенціи и ея отношеніи къ народу, какъ понялъ этотъ вопросъ Герценъ, намъ придется еще говорить особо. Теперь указываемъ только черты, отмѣчающія полноту и всесторонность разрыва.

„Петровская метода избаловала насъ своей необычайной легкостью. Нѣтъ гражданскаго катехизиса,—взять нѣмецкій, переложить на наши нравы, какъ перекладываютъ французскіе водевили, переплести въ юфть,—вотъ и будетъ катехизисъ“ (IV, 232).

„Разрывъ въ нашей жизни вовсе не былъ слѣдствіемъ всей исторической жизни, какъ распаденіе горожанъ съ крестьянами, простолюдиновъ съ феодалами въ Европѣ. Разрывъ былъ сдѣланъ у насъ по указу, насильственно, съ педагогическою цѣлью. И былъ до того сначала чуждъ, ненатураленъ, что—въ предупрежденіе новаго сближенія—правительство выдумало ставить тавро на лица, своего рода обрѣзаніе, и стало мѣтить своихъ бритвой и ножницами, чтобы они не мѣшались съ прочими. Однажды разрозненныя части цѣлаго, намѣренно поставленныя во враждебное положеніе, по свойственной тѣламъ упругости, удалились другъ отъ друга съ какимъ-то отвращеніемъ. „Мужикъ!“—говорила съ высокомѣріемъ обритая и одѣтая въ ливрею Русь о народѣ. „Нѣмцы!“—бормоталъ себѣ въ бороду съ затаенной злобой народъ, глядя на дворянъ“. (VI, 280)

„Съ развитіемъ просвѣщенія возникаетъ удивительное зрѣлище. Правительственная Россія дѣлится сама въ себѣ на правительство и оппозицію, такъ что одни чиновники представляютъ протестъ, либеральное начало, другіе консерватизмъ, начало авторитета, — и оба остаются на службѣ, получая чины и отличія. Это одна изъ причинъ, отчего не только русскій народъ ничего не понимаетъ во всемъ этомъ, но и всѣ европейскіе“. (VI, 281)

„Не имѣя за собою балласта народнаго населенія, разорвавшееся съ нимъ, образованное меньшинство понеслось, какъ порожняя телѣга, быстро догоняя западное движеніе, подпрыгивая на тѣхъ кочкахъ, на которыхъ предшественники ломали себѣ шею.

„Но, сравниваясь съ Европой, мы оставались въ петровскомъ отношеніи къ народу, т. е. смотрѣли на него, какъ на грубую массу, которую намъ надо очеловѣчить. Нѣмецкаго презрѣнія Бирона съ компаніей у меньшинства, разумѣется, не было; оно замѣнилось чувствомъ болѣе мягкимъ—сострадательнаго покровительства къ неразумнымъ дѣтямъ“. (VI, 281)

„Московскій періодъ разсѣялся, какъ тѣнь, и тихо перешелъ въ какое-то книжное воспоминаніе, и то не у народа, а у ученыхъ и духовенства.

„Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что народъ сочувствовалъ петровской реформѣ или принялъ ее потомъ. Онъ въ ней видѣлъ какое-то чужое насиліе; правительство въ немъ видѣло государственную барщину. Петровская Русь съ самаго начала является съ своимъ дуализмомъ. Это двѣ Россіи, изъ которыхъ одна не народъ, а только правительство; а другая народъ, но вытолкнутый внѣ закона и отданный въ работу. Государство оканчивалось на

канцеляристѣ, прапорщикѣ и недорослѣ изъ дворянъ. По другую сторону были уже не люди, а матеріалъ, ревизскія души, продажныя купленныя, пожалованныя, приписанныя къ фабрикѣ, экономическія, податныя, но не признанныя человѣческими". (VI, 293)

XLV.

„Вотъ кого мы боимся,—опять-таки *русскихъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ русскихъ*,—ученыхъ друзей нашихъ, западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣдѣнія и проч., централизаторовъ по-французски и бюрократовъ по-прусски"...

„Петръ I, конвентъ 1793 не несутъ на себѣ той отвѣтственности за всѣ ужасы, сдѣланные ими, которую хотятъ на нихъ опрокинуть ихъ враги. Они оба были увлечены, хотѣли великаго, хотѣли добра, ломали, что имъ мѣшало, и сверхъ того вѣрили, что это единственный путь. Но не такая отвѣтственность падетъ на наше поколѣніе, искушенное мыслью, когда оно начнетъ ломать, искажать народный бытъ, зная впередъ, что за всякимъ насиліемъ такого рода слѣдуетъ ожесточенное противодѣйствіе, страшные взрывы, страшныя усмиренія, казни, разореніе, кровь, голодъ.

„Мы—не западные люди. Мы не вѣримъ, что народы не могутъ идти впередъ иначе, какъ по колѣна въ крови. Мы преклоняемся съ благоговѣніемъ передъ мучениками, но отъ всего сердца желаемъ, чтобы ихъ не было.

„Если бы только наши доктринеры могли *просто* взглянуть на вопросъ, отрѣшаясь отъ магистерскаго диплома, безъ самолюбія, безъ той самонадѣянной гордости, которую даетъ сознаніе, что они хорошо учились, если бы они, какъ Фаустъ, который тоже хорошо учился и много, и назывался не только „магистромъ, но даже докторомъ", умѣли бы останавливаться на добросовѣстномъ раздумьи, и отъ книги снова бы обращались къ непосредственной жизни, они сейчасъ поняли бы, въ чемъ дѣло.

„Цивилизаторы очень ясно и откровенно стремились къ добру, лелѣяли мысль, напримѣръ, объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, готовы были жертвовать частью достоянія, говорили объ этомъ въ то время, когда было опасно, изучали западное сельское устройство... И вдругъ, когда освобожденіе очью совершается, у крестьянъ открывается готовый бытъ, который они вовсе не хотятъ мѣнять. Имъ кажется это неблагодарной дерзостью — и натура русскаго нѣмца беретъ верхъ... Та натура, въ которой такъ и вѣетъ сквозь австрійскаго писаря и прусскаго капрала—татарскимъ баскакомъ, которая, щуря безжизненные глаза и блѣднѣя отъ бѣшенства, говоритъ безъ звука: „да вы, кажется, разсуждаете? Знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите?" Или кричитъ раздавленнымъ голосомъ, какъ псковскій городничій: *молчать*! путешественнику только за то, что онъ въ *крестьянскомъ* армякѣ. Вѣдь и русскій-то нѣмецъ-цивилизаторъ за то и сердится на нашъ крестьянскій бытъ, что онъ въ своемъ мужицкомъ кафтанѣ не слушается его, одѣтаго понѣмецки.

„Псковскій частный приставъ обиженъ тѣмъ, что человѣкъ, одѣтый по-русски, т. е. состоящій внѣ закона, не подавленъ его величіемъ, властью, которую онъ представляетъ, воротникомъ, который онъ носитъ. Доктринеръ скандализированъ тѣмъ, что его экономическая наука, наука Робертовъ Пилей и Госкиссоновъ, не находитъ безпрекословнаго повиновенія, что ее, разработанную столѣтними усиліями, *хотятъ обратить вспять* къ общинному владѣнію, къ коммунизму въ лаптяхъ. „Помилуйте,—говоритъ, — что вы суетесь съ вашимъ общиннымъ устройствомъ, какъ съ послѣднею новостью. Оно было у германовъ временъ Тацита. Общинное владѣніе соотвѣтствуетъ *младенческому* возрасту гражданскихъ обществъ и „разсѣивается отъ лица просвѣщенія, какъ тучи разсѣиваются отъ лица солнца", уступая *высшимъ* гражданскимъ формамъ. „Народы дикіе любятъ общинное владѣніе, народы образованные—порядокъ", —и голодъ,—добавимъ мы, видя, какъ девять десятыхъ населенія не наѣдаются до-сыта для того, чтобы собственность развивалась правильно.

— „Что же дѣлать? Таковъ законъ общественнаго роста. *Народы должны* пройти его фазами; каждая имѣетъ свое неудобство, но за то и свой прогрессъ. Сначала дикіе люди владѣютъ сообща-посемейно, родами; потомъ развивается сильнѣе и сильнѣе право личной и наслѣдственной собственности... Конечно, было бы хорошо, еслибъ каждому можно было дать клочекъ земли, но такъ какъ на *право собственности* не всѣ приглашены природой, то...

„Вотъ тутъ-то въ самомъ дѣлѣ намъ становятся пути Провидѣнія *неисповѣдимыми*. Для того, чтобы нѣсколько государствъ имѣли правильно развитую собственность, огромное большинство должно остаться безъ кола и двора! Библейскимъ языкомъ этакой законъ прогресса, по крайней мѣрѣ, называется *проклятіемъ* изъ рода въ родъ. Тогда уже знаешь, à quoi s'en tenir, и не обижаешься, а чувствуешь, что это справедливая месть Божья за какого-нибудь Еноха или Іафета, что-нибудь напакостившаго шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ... А тутъ признай я разумомъ, своимъ собственнымъ разумомъ, что есть такой нелѣпый законъ!

*

„Откуда экономическая наука вывела этотъ законъ? Она порядкомъ знаетъ только одно экономическое развитіе германо-романскихъ народовъ. Нельзя же по біографіи одного человѣка составлять антропологію, хотя въ ней непремѣнно есть общечеловѣческія стороны, но рядомъ и въ связи съ совершенно частными.

„Къ тому же, развѣ гражданственность, развѣ собственность въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ развивалась нормально или, по крайней мѣрѣ, безпрепятственно? Развѣ общинное владѣніе и весь прежній порядокъ уступали внутреннему развитію, а не огню и мечу завоевателей? Или, можетъ, феодальная система была крутой экономической мѣрой, этакимъ цезаревымъ сѣченіемъ, хирургически облегчавшимъ нарожденіе правильной собственности?..

„Но вѣдь и цезарево сѣченіе не дѣлается—изъ подражанія—надъ здоровой женщиной, а только по необходимости. Зачѣмъ же народъ, который никогда не былъ побѣжденъ, у котораго не враги отняли землю, а свои *какъ-то отписали ее*, долженъ пройти тѣми же фазами? Если уже подражать, то давайте строить крѣпости въ городахъ, на которыя никто кромѣ полиціи не нападаетъ, будемъ-те на ночь улицы запирать цѣпями и рогатками; пусть городской голова не спитъ, а ходитъ рундомъ, гласному бердышъ въ руки. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, забавнѣе. А коли кто спроситъ, что мы дѣлаемъ, мы скажемъ, что проходимъ феодальную форму развитія городской жизни.

„Пора же перестать ребячиться.

„Не то важно, что у кельтовъ, германовъ, пожалуй у кафровъ и готтентовъ *было* общинное владѣніе въ дикомъ состояніи, а то, что у насъ *сохранилось* оно въ государственный періодъ.

„А потому въ настоящемъ положеніи дѣлъ серьезно можно поставить только два вопроса:

„Есть ли личное наслѣдственное неограниченное владѣніе землею—*единственно возможное* для развитія личной свободы—и въ такомъ случаѣ, какъ спасти большинство населенія, не имѣющаго собственности, отъ рабства собственниковъ и капиталистовъ.

„Есть ли, съ другой стороны, поглощеніе лица въ общинѣ—*необходимое, неминуемое* послѣдствіе общиннаго землевладѣнія, или оно относится къ неразвитому состоянію народа вообще,—и въ такомъ случаѣ какъ соединить полное, правомѣрное развитіе лица съ общиннымъ устройствомъ?

„Объ этихъ вопросахъ мы просимъ нашихъ читателей подумать“. (VI, 286—290).

Просимъ помнить: это въ кавычкахъ. Это просьба Герцена, а не автора статьи.

Н. М. Соколовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Муравейникъ.

Мальчики въ полѣ нашли муравейникъ и въ мигъ разорили,
Холмикъ разрытый сравняли съ землей, муравьевъ затоптали,
Жадно любуясь, какъ ихъ перепуганный рой разбѣгался.
Кончивъ забаву, ушли и дорогой о ней позабыли.

Мѣсто разгрома однако недолго пустымъ оставалось:
Стали къ нему изъ примятой травы мураши собираться;
Кверху полѣзли изъ рыхлой земли уцѣлѣвшіе братья;
Мертвыхъ убрали; для новой постройки очистили мѣсто;
Принялись землю сверлить и сносить отовсюду былинки;
Вырыли новые ходы, надъ ними насыпали холмикъ.
Вновь оживился и прежнимъ трудомъ закипѣлъ муравейникъ.

Скромныхъ мурашковъ спроси: отомстятъ-ли они за обиду?
Ты не услышишь отвѣта: имъ некогда будетъ отвѣтить.
Гдѣ ужъ тутъ помнить обиды, когда позабыли про отдыхъ:
Надо вѣдь кормъ запасать, молодое растить поколѣнье,
Надо жилище поддерживать,—мало-ли всякаго дѣла?!
Жизнь безконечна,—не въ силахъ ее человѣкъ уничтожить.
Горе забудется, лишь незабвенны завѣты природы.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРЕХСОТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ).

ДЕКАБРЬ.

1905.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Чей-же Герценъ?

(Окончаніе).

XLVI.

Наша пресса такъ или иначе, но все же отраженіе общественнаго мнѣнія. Ставила ли она эти вопросы? Что она сдѣлала для ихъ рѣшенія? Что вообще сдѣлала они по цѣлому ряду вопросовъ, логически связанныхъ съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что русскій народъ живетъ въ два пласта, въ двѣ цивилизаціи, распадаясь на два враждебныхъ потока?

Ничего. Этого вопроса для „мыслящей Россіи" не существовало. Она мыслила въ пустотѣ и о пустотѣ, „мыслила" босикомъ, почти нагишомъ, мыслила о „золотомъ вѣкѣ", котораго никогда не будетъ. Самая возможность теоретической правдивости и житейской честности для мышленія изчезала. Всюду мечты, сны, гипотезы, догадки, утопіи—лихорадочный бредъ людей, которые живутъ въ чужомъ домѣ и поѣдаютъ, какъ саранча, чужое добро. Запущенные сады нашей періодической печати заросли идейной крапивой и схоластическимъ чертополохомъ. Въ полуразрушенныхъ постройкахъ паутина и плѣсень. Всюду запахъ гнили и тлѣнія. Отблески общественнаго „настроенія" сохранились только въ причудливой порнографіи, въ лиризмѣ канкана, въ оргіяхъ идейнаго Бедлама.

Если небольшая кучка террористовъ, дѣйствующихъ страхомъ насилія и торговой казни по своимъ вердиктамъ, угрозами можетъ держать въ ужасѣ и повиновеніи огромные слои общества, это значитъ, что общество смутно сознаетъ свою вину, чувствуетъ, что нѣтъ правды въ его жизни, что оно живетъ на чужой счетъ, что рано или поздно ему придется дать отчетъ въ своемъ слишкомъ многостатейномъ бюджетѣ и понести судъ за растрату, что въ этихъ насильникахъ и временныхъ правителяхъ оно по глупости и растерянности видитъ законныхъ представителей Ѳемиды, адвокатовъ

обиженныхъ истцовъ, не имѣя смѣлости и мужества сообразить, что эти террористы того же поля ягоды, что это тѣ же хищники, которые въ дни смуты вышли на добычу, ищутъ себѣ обильныхъ кормовъ, свободы эксплоатаціи, привиллегій, праздности, паразитизма и тунеядства. Это тоже мірскіе захребетники, только другой окраски,—съ такими же хищническими аппетитами, съ такою же безпощадностью тираніи и свирѣпостью деспотизма. Народъ здѣсь не причемъ. И надо быть отъ роду придурковатымъ или слѣпорожденнымъ, чтобы въ грубо эгоистическихъ побужденіяхъ забастовки видѣть борьбу за общее благо, за права и свободу народа. Это идутъ новые завоеватели вымогать новыя дани и пошлины изъ „темнаго и невѣжественнаго" скота, обреченнаго на пропой и прокормъ новой барской породы.

Такая неожиданная и всесторонняя смута умовъ возможна только на почвѣ давней безчестности жизни, жизни на чужой счетъ, безъ правъ на лѣнивую сытость и безтолковую власть, безъ опоры въ нравственномъ сознаніи народа, безъ единства основныхъ началъ общежитія и общественности. Творчество и умъ задохлись подъ сознаніемъ виновности и нравственной неправоты неправаго стяжанія. И силъ на борьбу и противодѣйствіе нѣтъ только потому, что смутное предчувствіе своей безпочвенности, безплодности и чужеядности давитъ на мозгъ и связываетъ руки.

Это развиваетъ инстинкты нерѣшительности, трусости и самосохраненія во что бы то ни стало, цѣною любыхъ уступокъ и компромиссовъ. Умъ теряетъ зоркость и сообразительность. Въ туманѣ смуты кажется, что Ганнибалъ—у воротъ. А это вовсе не Ганнибалъ, а стая шакаловъ изъ пустыни, которыхъ тянетъ на падаль, а не на живое тѣло. Ганнибалъ еще далеко—можетъ быть, еще за Альпами; можетъ быть, даже въ Африкѣ. Мысль не была бы суевѣрной, глазъ не страдалъ бы дальтонизмомъ, сердце не было бы трусливымъ и совѣсть не была бы ничтожной, если бы подъ ногами той или другой партіи была твердая почва дѣйствительнаго единенія съ народомъ. Передовые органы, претендующіе на это единеніе, истощили всѣ виды софизмовъ и казуистики, отрицая свою экстерриторіальность, экзотичность своего существованія, но никого не убѣдили и убѣдить не могли. Ихъ доказательства такъ младенчески нелѣпы, ихъ мудрость такъ періодична и дешева, ихъ радости такъ мимолетны и неосновательны, ихъ печали такъ пахнутъ плагіатомъ и переводомъ съ иностраннаго, ихъ декламація отзываетъ такимъ грязнымъ балаганомъ,—что только слѣпой не видитъ случайности и мелководности ихъ идеологіи. Они не считаютъ себя достойными побѣды потому что не вѣрятъ себѣ,—хуже того, не знаютъ своей собственной вѣры и, вѣчные оппортунисты, только отъ глупѣйшей *стихійной* обще-

ственной эволюціи ждутъ сумбурнаго прогресса и въ дни голодовокъ благодаря забастовкамъ вѣруютъ въ грядущую сытость всего человѣчества. Они однимъ общественнымъ пластомъ хотятъ надавить на всю толщу народной жизни и ждутъ какихъ-то фокусниковъ и акробатовъ, которые изъ пальца высосутъ имъ новое слово и новое солнце.

Тотъ, кто не жмурится при видѣ роковой бездны, кто понимаетъ противоестественность и безнравственность дикой розни, кто не изнемогъ подъ тяжелымъ вьюкомъ схоластики и идейнаго обскурантизма, кто не въ микроскопъ и телескопъ, а простыми глазами смотритъ на хаотическую неурядицу нашихъ дѣлъ, долженъ будетъ сознаться, что мнимая наука—изолгалась и исплутовалась, мнимая культура—дырявый плащъ пьянаго и сумасброднаго дикаря, мнимая общественность — стадное опошленіе паразитовъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вотъ линія, по которой шествуетъ прогрессъ. Никто не ждетъ бѣды, а она не за горами...

А продостерегающіе голоса были. Предостерегалъ и Герценъ.

„То, что мыслящіе люди прощали комитету общественнаго спасенія и даже Петру, не простятъ намъ. Мы не слыхали голоса, призывающаго насъ свыше къ совершенію судебъ, и не слышали подземнаго голоса снизу, который указалъ бы путь. Для насъ существуетъ одинъ голосъ и одна власть—*власть разума и пониманія*. Отвергая ихъ, мы становимся разстригами науки и ренегатами цивилизаціи. Самыя массы, на которыхъ лежитъ вся тяжесть быта, съ своей македонской фалангой работниковъ, ищутъ слова и пониманія и съ недовѣріемъ смотрятъ на людей, проповѣдующихъ аристократію науки и призывающихъ къ оружію. И, замѣтьте, проповѣдники эти не изъ народа, а изъ школы, изъ книги, изъ литературы, жившіе въ отвлеченностяхъ. Старые студенты, они ушли отъ народа дальше, чѣмъ его враги. Попъ и аристократъ, полицейскій и купецъ, хозяинъ и солдатъ имѣютъ больше прямыхъ связей съ массами, чѣмъ они. Оттого-то они и полагаютъ возможнымъ начать экономическій переворотъ съ tabula rasa, съ выжиганія до тла всего историческаго поля, не догадываясь, что поле это съ своими полосами и плевелами составляетъ всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, все его утѣшеніе.

„Народъ консерваторъ по инстинкту и потому, что онъ не знаетъ ничего другаго. У него нѣтъ идеаловъ внѣ существующихъ условій“ (V, 450).

Суровая и мужественная правда чувствуется въ этихъ укорахъ, въ этихъ пророчествахъ. Правда, пониманіе народа все еще хаотично, хотя здѣсь это не совсѣмъ уже мягкотѣлая океанида. Но пониманіе культуры, цивилизаціи блещетъ удивительною проницательностію, орлиною зоркостью глаза и могучимъ подъемомъ здраваго смысла.

Народу въ своемъ геометрическомъ чертежѣ Герценъ находитъ все болѣе и болѣе опредѣленное мѣсто. Онъ очерчиваетъ границы его понятія, но еще не опредѣляетъ ни его логики, ни его психологіи. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя его замѣчанія, при всей ихъ внѣшности и поверхностности, вѣрны и полны смысла. Они указываютъ на водной глади мѣста наибольшой глубины и намѣчаютъ лучшія точки отправленія для изслѣдователя морской пучины.

„И все это тѣмъ труднѣе принять, что занимающій насъ народъ, даже по словамъ его враговъ, нисколько не находится въ застоѣ. Это вовсе не племя, дошедшее до общественныхъ формъ, приблизительно соотвѣтствующихъ его желаніямъ и уснувшее въ нихъ, какъ китайцы. Еще менѣе народъ, пережившій себя и угасающій въ старческой немощи, какъ индусы. Напротивъ того, Россія—государство совершенно новое, неоконченное зданіе, гдѣ все еще пахнетъ свѣжей известью, гдѣ все работаетъ и вырабатывается, гдѣ ничто еще не достигло цѣли, гдѣ все измѣняется, часто къ худшему, но все таки измѣняется“ (V, 270—271).

XLVII.

Отсюда видно, что и въ Россіи культъ интеллигенціи обставленъ тѣми же обрядными формулами, тѣмъ же сектантскимъ ритуаломъ, тѣми же магическими заклинаніями, какъ и на западѣ. Слова— тѣже, девизы—тѣже, знамена—тѣже. Но по самой логикѣ фактовъ русская интеллигенція, какъ копія, какъ подражаніе, должна была быть по желѣзной исторической необходимости много хуже западной.

Тамъ слова вышли изъ жизни. Къ намъ они прилетѣли на бумажныхъ крыльяхъ Змѣя Тугарина изъ-за моря. Тамъ девизы знаменовали опредѣленный историческій моментъ, показывали соотношеніе общественныхъ и народныхъ силъ, боевой кличъ не войны вообще, а войны за особые интересы борющихся сторонъ въ извѣстную эпоху. У насъ эти девизы прозвучали въ безпредметной пустотѣ, какъ вѣковѣчныя заповѣди вѣковѣчной правды, какъ что-то, имѣющее смыслъ и значеніе внѣ времени и пространства, непререкаемое для всѣхъ временъ и народовъ, какъ что-то абсолютное и незыблемое. Тамъ знамена побывали въ бояхъ, еще пахнутъ порохомъ и кровью, напоминаютъ о борцахъ и герояхъ. У насъ они до послѣднихъ дней лежали въ архивахъ и музеяхъ, покрыты пылью, трачены молью, ибо дѣвственная ткань ихъ не знала ни вѣтра, ни бури. На улицѣ и на площади наскоро прибитая ржавыми гроздями къ самодѣльному древку, по воздуху колеблется покрытая іероглифами полуистлѣвшая тряпка, дивя взоры народа

и смущая идейное самосознаніе интеллигенціи, которая мало и плохо училась и, отдѣлавшись отъ школы, сразу же забыла все, что знала.

На уличныхъ демонстраціяхъ революціонные антиквары берутъ на прокатъ изъ музея древностей чужіе стяги и торжественною процессіею стараются доказать, что и они когда-то чему-то учились, что и они что-то помнятъ, хотя и смутно, хотя заученный урокъ не могутъ пересказать своими словами.

Имъ страшно пройти по жидкимъ и рѣдкимъ рядамъ черной сотни во имя всемірнаго братства народовъ, всемірной республики, всеобщей подачи голосовъ. Они боятся, потому что не увѣрены въ себѣ. Имъ все кажется, что вотъ изъ-за угла выйдетъ старый школьный педантъ и крикнетъ: „Лѣнтяи! Не выучили урока! Въ карцеръ!" И они пойдутъ въ карцеръ, полные гражданской скорби, съ пискливыми возгласами, что они дѣти солнца, а кругомъ торжествуетъ тьма.

За пятьдесятъ лѣтъ они ничего не забыли и ничему не научились. Надъ ними, гдѣ-то вверху, раздавались смѣлые, грозные предостерегающіе голоса, но они, по уши зарывшись въ идейный мусоръ, ничего и слушать не хотѣли и съ видомъ героевъ и подвижниковъ торжественно шли къ той идейной „безднѣ" „за стѣной" и „въ туманѣ", гдѣ съ идейною беззпечностью гордо улеглись съ босяками и хулиганами. Оказалось, что передовому уму слишкомъ легко перейти отъ юродивой научности и мечтательной книжности къ безсапожной дикости, свергнуть ветхаго культурнаго Адама и стать первобытнымъ троглодитомъ.

Ихъ вѣдь тоже не мать родила. Они—произведенія природы, которыя не могутъ быть ни худыми, ни хорошими. Они „стихійныя силы" и въ разгулѣ кровавой оргіи, пьяные и озвѣрѣлые, служатъ прогрессу, въ которомъ весь смакъ мудрости. Онъ знаетъ, куда ведетъ. „Все впередъ и все выше". И идейные передовые умы съ торжествующимъ видомъ копошатся въ несомнѣнной грязи и упиваются ароматами застоявшагося болота.

XLVIII.

Будемъ подводить итоги герценовской идеологіи. Теперь многое ясно. Интеллигенція не съ народомъ и народъ не съ интеллигенціей. Это двѣ враждебныхъ силы, два встрѣчныхъ по существу дѣла теченія, хотя до открытаго столкновенія дѣло еще не дошло. Но дѣло идетъ именно къ этому и въ этомъ весь смыслъ приближающейся исторіи.

Фактъ этотъ самъ по себѣ такъ огроменъ, такъ сложенъ, такъ чреватъ послѣдствіями, что идейные недоросли, какъ щенки на солнцѣ, крѣпко жмурятъ глаза, чтобы какъ-нибудь ненарокомъ не заглянуть за роковую завѣсу. Они думаютъ о далекомъ будущемъ, котораго никогда не будетъ, и не видятъ ближайшаго будущаго, которое съ безпощадною послѣдовательностью и вполнѣ по заслугамъ сведетъ ихъ на нѣтъ.

Трудно подняться на эту вершину и еще труднѣе прежними близорукими глазами окинуть новый широкій горизонтъ. Вереницы новыхъ нежданныхъ думъ, чувствъ и ощущеній, какъ буря, налетаютъ на привычную, давно безсознательную психологію. На первый взглядъ кажется, что изъ свѣтлаго Олимпа снова попалъ въ первобытный безобразный хаосъ. Но стоитъ оглянуться назадъ, чтобы сразу-же увидѣть, что хаосъ—позади. А впереди... Но какъ всему мѣшаютъ книжныя очки!

И Герценъ стоялъ и смотрѣлъ,—оглядывался назадъ и съ отвращеніемъ отворачивался отъ безобразной картины. Тамъ все кладбище, тамъ несомнѣнная смерть и разложеніе. Нѣтъ воздуха, нечѣмъ дышать отъ схоластической пыли и идейныхъ міазмовъ. Все это только для больныхъ и глупыхъ людей, у которыхъ мертвенная мысль задушила фантазію и сдавила сердце.

Просыпались старыя, когда-то милыя воспоминанія. Но воскресшій разумъ презрительно отбрасывалъ ихъ прочь, какъ старый хламъ въ покинутомъ жилищѣ. Въ туманѣ вставало что-то другое, живое и, главное, *свое*...

Люди стали другими. И вѣра ихъ оказалась безумнымъ суевѣріемъ. Но и Герценъ не сразу переступилъ порогъ. Старый уютный хаосъ тянулъ его назадъ. Даромъ съ прошлымъ онъ разстаться не могъ и все собирался съ силами, чтобы идти по новой дорогѣ.

Мы хотимъ отмѣтить и его порывы, и его колебанія, прежде чѣмъ остановиться на послѣднемъ выводѣ. Съ этихъ поръ его слова часто пріобрѣтаютъ какое-то особенное значеніе и несомнѣнно пророческій смыслъ.

„Мнѣ кажется, есть что-то трагическое въ старческой разсѣянности, съ которою старый міръ спутываетъ всѣ свѣдѣнія о своемъ противникѣ.

„Въ этомъ сбродѣ противорѣчащихъ мнѣній проглядываетъ столько безсмысленныхъ повтореній, такая поверхностность, такая закоснѣлость въ предразсудкахъ, что мы поневолѣ обращаемся за сравненіемъ къ временамъ паденія Рима". (V, 266)

„Европа была такъ близка къ смерти, что уже у границъ ея стали показываться варвары,—эти ворсны, чующіе смерть народовъ". (V, 309)

Это сказано про Европу XV столѣтія. Но...

Народная жизнь идетъ своимъ чередомъ. Наверху копошится небольшая кучка людей, которымъ кажется, что они что-то дѣлаютъ, что они дѣлаютъ прогрессъ, науку, амнистію, человѣчество и прочій идейный вздоръ. Репортеры и интервьюеры не успѣваютъ вписывать въ скрижали исторіи имена героевъ и цифровыя даты подвиговъ. И все это ни къ чему. Герои, понятно, могутъ много напакостить. Но всѣ пакости вѣтеръ исторіи уноситъ одну за другой. Но это и не исторія, и даже не жизнь. Жизнь глубже. Въ идейные счеты и балансы она нигдѣ и никакъ не входитъ. Поэтому эти воздушные шары, на которые передовые умы возлагали всѣ свои надежды, лопаются внезапно. Но пока всѣ уроки проходятъ безслѣдно. Идейная молодежь изъ поколѣнія въ поколѣніе не созрѣваетъ и подъ случайной сѣдиной носитъ все тѣже несовершеннолѣтнія мечты. Въ настоящей исторіи—амнистіи нѣтъ. Амнистія—это полуоткровенное признаніе, что мужикъ вынесетъ на своемъ горбѣ всякую новую пакость. Но будетъ день разсчета, когда всѣ отдѣльныя цифры глупости и легкомыслія будутъ подсчитаны и итогъ—будетъ совсѣмъ неожиданнымъ.

XLIX.

Съ подкупающею свѣжестью и искренностью безпощадно смѣлой мысли, Герценъ прямо и категорически ставитъ свое основное положеніе, свое завѣтное убѣжденіе, за которое въ свое время было воздвигнуто гоненіе на него и дома, и за рубежомъ.

„Умеръ великій Панъ“! „Западъ—мертвъ“.

„Рухнулся, наконецъ, этотъ міръ призрачный, дряхлый, пережившій самихъ себя, распадающійся, двуначальный, неоткровенный, дошедшій до лжи и смѣшенія всѣхъ понятій, какъ все выживающее изъ ума, остановившійся на невозможныхъ сочетаніяхъ, на несовмѣстимыхъ перемиріяхъ, на слабодушныхъ уступкахъ. Все, что онъ лѣпилъ, придумывалъ, выстроилъ изъ прошедшаго и выбѣлилъ новой краской, всѣ произведенія его старческаго ребячества,—все разсыпалось, какъ карточный домъ; противныя сумерки пропали. Нѣтъ больше двусмысленныхъ недоговорокъ, поддерживавшихъ пустыя надежды съ обѣихъ сторонъ. Темная ночь, которой мы ждали, настала. Мы шагомъ ближе къ утру.

„Все кончено: представительная республика и конституціонная монархія, свобода книгопечатанія и неотъемлемыя права человѣка, публичный судъ и избранный парламентъ. Дыханіе становится легче; воздухъ чище. Все стало просто, рѣзко... Куда ни посмотришь, отовсюду вѣетъ варварствомъ, снизу и сверху, изъ дворцовъ и изъ мастерскихъ. Кто покончитъ, довершитъ? Дряхлое-ли варварство скипетра или буйное варварство коммунизма? Кривая сабля или красное знамя?“ (V, 156).

Русскій интеллигентъ „изъ міра исторіи, міра чистаго разума идетъ въ Европу, т. е. домой, возвращается... И находитъ то, что нашелъ бы въ IV, V столѣтіи какой нибудь остроготъ, начитавшійся блаженнаго Августина и пришедшій въ Римъ искать весь Господню“.

„Средневѣковые пилигриммы находили въ Іерусалимѣ, по крайней мѣрѣ, пустой гробъ. Воскресеніе Господне было снова подтверждено. Русскій въ Европѣ находитъ *пустую* колыбель и женщину, истощенную мучительными родами.

„Будетъ-ли она жива?

„Будетъ-ли живъ ребенокъ?

„Да? Нѣтъ?.. Спросить не у кого. Философы суевѣрны, революціонеры консервативны,—они ничего не могутъ сказать. Наивный дикарь всю декораціонную часть, всю mise en scène, всю часть гиперболическую бралъ на чистыя деньги. Теперь, разглядѣвши, онъ знать ничего не хочетъ: онъ представляетъ къ учету, какъ вексель, писанныя теоріи, которымъ онъ вѣрилъ на слово. Надъ нимъ смѣются—и онъ съ ужасомъ догадывается о несостоятельности должниковъ. „Гдѣ-же, наконецъ, тѣ сильные, тѣ пророки, которые насъ вели, манили?“ Они-то первые и обанкротились. Ихъ мнимыя богатства были просто акціи на будущій капиталъ. Это было приложеніе системы Ло къ нравственному міру“ (V, 162—163).

„Корабль идетъ ко дну. Страшна была минута сомнѣнія, когда рядомъ съ опасностью были надежды. Теперь положеніе ясно: корабль не можетъ быть спасенъ. Остается гибнуть или спасать себя. Долой съ корабля! На лодки, бревна! Пусть каждый пытаетъ свое счастье, пробуетъ свои силы! Point d'honneur моряковъ намъ не идетъ“ (V, 150).

Герценъ много разъ и опредѣленно указывалъ, что именно умерло на западѣ. Если для примитивныхъ передовыхъ умовъ нужны краткіе итоги, то онъ давалъ и ихъ.

„Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи собственности, на привилегіяхъ и монополяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формѣ: „Богъ и народъ“),—такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа, т. е. свои химическіе элементы, освобожденные смертью“ (V, 304).

„Какое счастье, что всѣ эти энтузіасты (французы конца XVIII в.) давно были схоронены! Имъ бы пришлось увидѣть, что дѣло ихъ

не подвинулось и на вершокъ, что ихъ идеалы остались идеалами, что недостаточно разобрать по камешку Бастилію, чтобы сдѣлать колодниковъ свободными людьми. Вы сравниваете насъ съ ними, забывая, что мы знаемъ событія пятидесяти лѣтъ, прошедшихъ послѣ ихъ смерти, что мы были свидѣтелями, какъ всѣ упованія теоретическихъ умовъ были осмѣяны, какъ демоническое начало исторіи нахохоталось надъ ихъ наукой, мыслью, теоріей, какъ оно изъ республики сдѣлало Наполеона, изъ революціи 1830 г. биржевой оборотъ" (V, 182).

„Съ 1848 года стали понимать, что ни окостенѣлое римское право, ни хитрая казуистика, ни тощая деистическая философія, ни безплодный религіозный раціонализмъ—не въ силахъ отодвинуть совершеніе судебъ общества" (V, 264).

„Народъ не погибнетъ съ государствомъ. Хуже ему не можетъ сдѣлаться. Погибнутъ нелѣпыя учрежденія, погибнутъ тѣ, которые изъ республиканскихъ формъ умѣли сдѣлать казарменный деспотизмъ и покорились ему, лишь бы погубить работника. Чего-же ихъ жалѣть?" (V, 117).

Погибнетъ все. Только народъ не погибнетъ. Интеллигенція, со всѣми ея „вѣрованіями и убѣжденіями" уже мертва.

Что-же будетъ? Чего-же ждать?

„Вся Европа выйдетъ изъ фугъ своихъ, будетъ втянута въ общій разгромъ. Предѣлы странъ измѣнятся, народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и истреблены. Города, взятые приступомъ, ограбленные—обѣднѣютъ. Земля останется безъ рукъ, какъ послѣ тридцатилѣтней войны. Усталые, заморенные народы покорятся всему. Военный деспотизмъ замѣнитъ всякую законность и всякое управленіе. Тогда побѣдители начнутъ драку за добычу. Испуганная цивилизація, индустрія побѣгутъ въ Англію, въ Америку, унося съ собой отъ гибели кто деньги, кто науку, кто начатый трудъ. Изъ Европы сдѣлается нѣчто вродѣ Богеміи послѣ гусситовъ" (V, 159).

Это, такъ сказать, пророчество по ветхозавѣтному шаблону, внѣшнее пророчество, полное слишкомъ пластическихъ образовъ. На бѣду учащей и учащейся Европы, часто сбывались и эти пророчества Герцена. Но сила не въ нихъ. Сила въ умномъ и трезвомъ анализѣ организма, который перестаетъ правильно функціонировать. Судороги и конвульсіи съ каждымъ годомъ становятся произвольнѣе и чаще. У рубежей кружатся варвары, чующіе падаль. Запахъ падали, привычный для многихъ, для многихъ же кажется запахомъ лимбургскаго сыра, придающимъ ему пикантность. Но это запахъ тлѣнія и онъ относится далеко. Это признакъ далеко подвинувшагося внутренняго разложенія, а въ этомъ то и вся суть. Услужливая

наука утверждаетъ, что категоріи нравственности и честности къ соціологіи непримѣнимы, т. е. что отдѣльные общественные классы могутъ безнаказанно оподлѣть, если они во время успѣютъ обсоюзиться. Въ этомъ-то и есть грѣхъ, а въ немъ—смерть и гибель.

L.

Итакъ, съ западомъ, съ его цивилизаціей, съ его культурой, съ его интеллигенціей—у Герцена покончено, покончено навсегда и весьма основательно. Съ этой Герценовской вершины открываются совершенно новые горизонты. Не надо забывать, что Герценъ зорко и неотступно смотрѣлъ только на одну сторону враждующихъ силъ, на интеллигенцію, а не на народъ. То, что сказано про безжизненную „идеологію" интеллигентной Европы и Россіи, проникнуто полнымъ и всестороннимъ знаніемъ дѣла, силой и неотразимостью критической мысли, яркостью и опредѣленностью послѣднихъ приговоровъ. Но, безповоротно и круто оборвавъ всѣ связи съ прошедшею и будущею интеллигенціею Европы, Герценъ долго еще оставался въ ея лагерѣ и не находилъ силъ отрясти прахъ съ своихъ подошвъ на порогѣ дома, обреченнаго гибели. И эта понятная и естественная задержка привела въ бѣшеную ярость идейнаго Шушку, и онъ съ плеча, не разбирая, сталъ сыпать такіе удары направо и налѣво, что ему могъ бы позавидовать самъ буйный Вольга Новгородскій. Началось невѣроятное побоище. Кого схватитъ за руку, рука прочь, кого за голову... ну, современныя головы-то держатся на шеяхъ слишкомъ ужъ слабо.

Впослѣдствіи нѣкоторые изъ своихъ шемякинскихъ вердиктовъ онъ отмѣнилъ и заговорилъ другимъ языкомъ. Но никогда онъ не отказывался отъ полной увѣренности въ томъ, что онъ поступилъ хорошо, что такъ и надо было сдѣлать, что по одной дорогѣ съ интеллигенціей никуда не уйдешь, ни до чего не дойдешь и ничего не получишь.

Feci et jure meo feci,—повторялъ онъ до конца своей жизни вспоминая о своемъ бѣгствѣ изъ лагеря „образованнаго меньшинства",—бѣгствѣ, которое вызвало много горечи и обиды въ его мятежной и неукротимой душѣ.

„Какъ ни возставай, какъ ни досадуй, но мы сами принадлежимъ по жизни, по привычкамъ, по языку къ той-же литературно-ученой и политической средѣ, отъ которой мы отрекаемся. Теоретическій разрывъ нашъ съ нею сдѣлать практическимъ—не въ нашей волѣ: мы слишкомъ далеко зашли въ этой жизни, чтобы оставить ее. Мы сняли нашу рясу, какъ Гафисъ, посѣдѣвши въ ней,

а оттого намъ, какъ Гафису, безпрерывно хочется говорить объ этомъ. Оно и неудивительно. Наше дѣяніе—именно этотъ разрывъ и мы остановились на немъ. Онъ намъ стоилъ много труда и усилій.

„Разумѣется, намъ казалось, что это освобожденіе себя—первый шагъ, что за нимъ-то и начинается наша полная и свободная дѣятельность: безъ этого мы бы его не сдѣлали. Но въ сущности актъ нашего возмущенія и есть наше дѣяніе. На него мы обратили лучшія силы. О немъ раздалось наше лучшее слово. Мы и теперь можетъ быть сильны только въ борьбѣ съ книжниками и фарисеями консервативнаго и революціоннаго міра“ (V, 154).

„Время прежнихъ обмановъ, упованій миновало. Я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ какъ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей, да въ невозможность остановить движеніе. Я вижу неминуемую гибель Европы и не жалѣю ничего изъ существующаго, ни ея вершинное образованіе, ни ея учрежденія“ (V, 169).

„Мы давно видѣли приближающуюся смерть. Мы можемъ печалиться, принимать участіе, но не можемъ ни удивляться, ни отчаиваться, ни понурить голову. Совсѣмъ напротивъ. Намъ надобно ее поднять: мы оправданы. Насъ называли зловѣщими воронами, накликающими бѣды; насъ упрекали въ расколѣ, въ незнаніи народа, въ гордомъ удаленіи, въ дѣтскомъ негодованіи, а мы были только виноваты въ истинѣ и въ откровенномъ высказываніи ея. Рѣчь наша, оставаясь тамъ, становится утѣшеніемъ, ободреніемъ устрашенныхъ событіями въ Парижѣ“ (V, 155).

Какое утѣшеніе видѣлъ Герценъ въ своихъ убійственныхъ рѣчахъ, сказать трудно. Ударивъ былаго союзника по головѣ, сбивъ его съ ногъ и объяснивъ ему, что онъ вполнѣ достоинъ пораженія, ибо онъ дуракъ отъ роду и по ремеслу, Герценъ думалъ этимъ „ободрить устрашенныхъ?!“

„Теперь, когда мы пережили первыя минуты безсильной злобы стыда, тревожной неизвѣстности,—пора изъ-за развалинъ и труповъ взглянуть вдаль. Если сердцу мало одного пониманья, то и пониманью мало одной грусти. Мысль восходитъ, какъ луна на кладбищѣ, и ищетъ своимъ свѣтомъ привесть въ извѣстность совершившееся, связываетъ порванные узлы и указываетъ красную нитку революціи, идущую черезъ императорскій скипетръ, черезъ весь шаръ земной—вмѣстѣ съ телеграфической проволокой.

„Мы не бѣжали ни отъ опасности, ни отъ печали. Случайно остались мы цѣлы. Но теперь нечего больше дѣлать: сраженіе кончено и падшіе зарыты,—не жить-же намъ у ихъ кургана, не довольствоваться-же одной скорбью объ утраченномъ. *Жизнь обязываетъ*“ (V, 156—157).

Какъ странно звучитъ здѣсь это странное „жизнь обязываетъ“.

Жизнь жизни рознь. Ежели жизнь обязываетъ только пить и ѣсть, спать и дышать, то это зоологическая жизнь и ея обязательства слишкомъ уже примитивны. Широта и неопредѣленность термина свидѣтельствуетъ, что капризный Шушка снова бродитъ надъ бездной, въ которую ради полноты наслажденія нарочно сорвется, какъ мы скоро и увидимъ. Но во всякомъ случаѣ это вполнѣ опредѣленное, категорическое заявленіе самаго Герцена, что разрывъ съ интеллигенціей онъ считалъ своимъ лучшимъ дѣяніемъ, своимъ подвигомъ, результатомъ своихъ лучшихъ и завѣтнѣйшихъ думъ. И это сознаніе не покидало его до конца жизни. Кто захочетъ тащить Герцена въ лагери западно-европейской или русской интеллигенціи, тому придется спорить съ самимъ Герценомъ, выбить изъ его рукъ побѣдоносное оружіе, скрутить по рукамъ и по ногамъ веревкой и уволочь, какъ плѣнника, въ свой станъ. Самъ Герценъ туда не пойдетъ: ничего не хотѣлъ онъ брать изъ вражескаго лагеря.

Но онъ не ушелъ и къ народу. Дѣло слишкомъ новое, трудное, требующее огромной подготовки, долгаго непосредственнаго общенія съ народомъ, единства интересовъ, единства въ трудѣ и работѣ, единства въ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Съ благородною прямотою и откровенностью онъ признается, что онъ не годится для этого дѣла, что онъ слишкомъ связанъ съ міромъ интеллигентныхъ иллюзій и утопій, что ему не по плечу это возрожденіе въ человѣка жизни и не книжной правды.

Наступила ночь. Давно уже перешло за полночь. Какъ Марій на развалинахъ Карѳагена, при лунѣ Герценъ бродилъ по кладбищу цивилизаціи, культуры и интеллигенціи. Онъ думалъ, что ночь безконечна и что утра ему недождаться. Но онъ дождался молодой зари. Утомленными очами онъ видѣлъ ея первые лучи, утомленнымъ привѣтомъ встрѣтилъ загорающееся солнце и умеръ на разсвѣтѣ новаго дня.

А на кладбищѣ всегда тоскливо и скучно. Мучительно тянутся воспоминанія о прошлыхъ мечтахъ и надеждахъ. Загорается гнѣвъ на неуспѣхъ и неудачу. Хочется сдѣлать видъ, что ничего особеннаго не случилось, что жить еще можно, не мѣняясь, по прежнему, съ вѣрой въ себя. Чувство эпикурейской сытости смѣняется жаждою мести, разрушенія, уничтоженія и мятежный Самсонъ снова потрясаетъ столбы ненавистнаго храма Дагона.

LI.

Что-же, наконецъ, дѣлать „образованному меньшинству“, когда оно пойметъ, наконецъ, въ какой вонючей ямѣ оно вскормило свою безграмотную идеологію?

На этотъ вопросъ Герценъ, въ порывѣ обиды и гнѣва, давалъ два, по существу неодинаковые отвѣта, пока въ туманѣ передъ нимъ не прояснился третій.

Вспомнимъ, что мы имѣемъ дѣло съ необузданнымъ и капризнымъ Шушкой, который ломалъ все, что ему не нравилось, и отрицалъ все, что становилось у него на дорогѣ.

Первый отвѣтъ:

„Проповѣдуйте вѣсть о смерти, указывайте людямъ каждую новую рану на груди стараго міра, каждый успѣхъ разрушенія; указывайте но хилость его начинаній, мелкость его домогательствъ; указывайте, что ему нельзя выздоровѣть, что у него нѣтъ ни опоры, ни вѣры въ себя, что его никто не любитъ на самомъ дѣлѣ, что онъ держится на недоразумѣніяхъ; указывайте, что каждая его побѣда ему же ударъ; проповѣдуйте смерть, какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія“ (V, 218).

„Требуйте вмѣсто любви къ человѣчеству *ненависть* ко всему что валяется на дорогѣ и мѣшаетъ идти впередъ“ (V, 224).

Вотъ что говоритъ Герценъ Буслаевичъ, котораго наши передовые органы ни человѣконенавистникомъ, ни черносотенцемъ еще не окрестили. А мысль его ясна. Народы не погибнутъ: гибнетъ западъ, гибнетъ цивилизація, гибнетъ культура въ рукахъ мертвой интеллигенціи.

Но Герценъ никогда не былъ кровожаднымъ террористомъ. Проповѣдь крови и разгрома его увлекла только случайно. Онъ скоро нашелъ другой отвѣтъ, который больше соотвѣтствовалъ духу благодушнаго и неунывающаго эпикурейца.

Что дѣлать? Да ничего не надо дѣлать: исторія безумна и личныя усилія одинокихъ людей ни къ чему не ведутъ.

Это, конечно, были минуты безпричиннаго буйства кобянящагося духа. Герценъ понатужился, какъ Самсонъ, тряхнулъ столбами— и въ мірѣ ничего не осталось, кромѣ одного Герцена. Если интеллигентный кружокъ части народовъ глупъ и бездаренъ, если этому сектантскому кружку удалось съ помощью дешевой книжки вытравить въ себѣ нравственныя начала жизни и пониманіе правды народной,—надо снять съ неба солнце и луну, бросить въ чуланъ отгорѣвшія звѣзды, превратить океаны въ материки, а материки залить лавой вулкановъ. Герценъ сердится. А вѣдь онъ сердитъ! Ему не угодили. Ну, такъ ко всѣмъ чертямъ природу и исторію! Умный озорникъ чувствовалъ себя Зевсомъ-громовержцемъ и титановъ, полуслѣпыхъ геніевъ земли, думалъ придушить огнедышащей Этной. Надо имѣть крѣпкіе нервы, чтобы выдержать его капризную логику. Въ этихъ выводахъ передъ нимъ и Ницше щенокъ. Западникамъ надо приготовиться особенно внимательно: буря будетъ не изъ заурядныхъ.

Отмѣтимъ нѣсколько удивительныхъ выводовъ, которые Герценъ сдѣлалъ въ порывѣ разочарованія и отчаянія.

I. „Мы видимъ, куда несется потокъ. Доказывать юридически водопаду, чтобы онъ не разливался, не топилъ бы чужихъ береговъ,—ни къ чему ни ведетъ.

„Современный государственный бытъ *съ своей цивилизаціей* погибнутъ; будутъ, какъ учтиво выражается Прудонъ, *ликвидированы*.

„Вамъ жаль цивилизаціи?

„Жаль ея и мнѣ.

„Но ея не жаль массамъ.

„Смиреніе передъ неотвратимыми судьбами! И твердымъ шагомъ взойдемъ въ новый годъ“ (V, 160).

II. „*Consolatio*“. „Съ того берега“.

„Удивляться надо, какъ мало люди дѣлаютъ зла, а не упрекать ихъ, зачѣмъ каждый изъ нихъ не Аристидъ и не Симеонъ Столпникъ.

— Вы хотите меня увѣрить, докторъ, что людямъ предназначено быть мошенниками?

— Повѣрьте, что людямъ ничего не предназначено.

— Да зачѣмъ-же они живутъ?

— Такъ себѣ,—родились и живутъ. Зачѣмъ все живетъ? Тутъ мнѣ кажется предѣлъ вопросамъ. Жизнь—и цѣль и средство, и причина и слѣдствіе. Это вѣчное безпокойство дѣятельнаго, напряженнаго вещества, отыскивающаго равновѣсія, чтобы снова потерять его. Это непрерывное движеніе, ultima ratio. Далѣе идти некуда.

„Мы часто за цѣль принимаемъ послѣдовательныя фазы одного и того-же развитія, къ которому мы пріучились. Мы думаемъ, что цѣль ребенка совершеннолѣтіе, потому что онъ дѣлается совершеннолѣтнимъ. А цѣль ребенка скорѣе играть, наслаждаться, быть ребенкомъ. Если смотрѣть на предѣлъ, то цѣль всего живаго смерть“ (V, 230—231).

III. Изъ статьи о Робертѣ Оуэнѣ.

— Что-жъ, вы думаете, Оуэнъ былъ республиканецъ?

— Я думаю, что Р. Оуэнъ предпочиталъ ту *форму правительства*, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ принимаемой имъ церкви.

— Помилуйте, у него нѣтъ никакой церкви.

— Ну, вотъ видите.

— Однако нельзя быть безъ правительства.

— Безъ сомнѣнія. Хоть какое-нибудь да надобно. Гегель разсказываетъ о доброй старухѣ, говорившей: „ну, что-жъ, что дурная погода? Все лучше, чтобы была дурная, чѣмъ если бы совсѣмъ погоды не было!“

— Хорошо, смѣйтесь. Да вѣдь государство погибнетъ безъ правительства!

— А мнѣ что за дѣло! (III, 382).

IV. „Волна мѣщанства росла. Оуэнъ старѣлся и все глубже уходилъ въ трясину. Мало-по-малу его усилія, его слава, его ученіе—все исчезло въ болотѣ. Иногда будто попрыгиваютъ фіолетовые огоньки, пугающіе робкія души либераловъ,—только *либераловъ*. Аристократы ихъ презираютъ, попы ненавидятъ, народъ не знаетъ.

— За то будущее ихъ.

— Какъ случится!

— Помилуйте, къ чему-же тогда вся исторія?

— Да и все-то на свѣтѣ къ чему? Что касается до исторіи, я не дѣлаю ея и потому за нее не отвѣчаю. Я, какъ „сестра Анна“ въ „Синей Бородѣ“, смотрю для васъ на дорогу и говорю, что вижу: одна пыль на столбовой, больше ничего не видать... вотъ ѣдутъ... ѣдутъ, кажется, они. Нѣтъ это не братья наши. Это бараны, много барановъ! Наконецъ-то приближаются два гиганта разными дорогами. Ну, ужъ, не тотъ, такъ другой потреплютъ Рауля за Синюю Бороду. Не тутъ-то было! Грозныхъ указовъ Бабефа Рауль не слушается, въ школу Р. Оуэна не идетъ: одного послалъ на гильотину, другого утопилъ въ болотѣ. Я этого вовсе не хвалю: Рауль мнѣ не родной. Я только констатирую фактъ *и больше ничего*!“ (V, 386—387).

V. „— Какой же выводъ изъ всего этого?

— Что вы называете выводъ? Нравоученіе въ родѣ fais ce que doit, advienne ce qui pourra, или сентенцію въ родѣ—

И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ.

„*Пониманіе дѣла—вотъ и выводъ; освобожденіе отъ лжи—вотъ и нравоученіе.*

— А какая польза?

— Что за корыстолюбіе—и особенно теперь, когда всѣ кричатъ о безнравственности взятокъ? — „Истина-религія, — толкуетъ старикъ Оуэнъ;—не требуйте отъ нея ничего болѣе, какъ ее самое“ (III, 389).

VI. „Очень распространенная въ Россіи сказка гласитъ, что царь, подозрѣвая жену въ невѣрности, заперъ ее съ сыномъ въ бочку, потомъ велѣлъ засмолить бочку и бросить въ море.

„Много лѣтъ плавала бочка по морю.

„Между тѣмъ царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ—и уже сталъ упираться ногами и головой въ донья бочки. Съ каждымъ днемъ становилось ему тѣснѣе, да тѣснѣе. Однажды сказалъ онъ матери:

— Государыня-матушка, позволь протянуться въ волюшку.

— Свѣтикъ мой, царевичъ,—отвѣчала мать,—не протягивайся. Бочка лопнетъ и ты утонешь въ соленой водѣ.

„Царевичъ смолкъ и, подумавши, сказалъ:

— Протянусь, матушка; лучше разъ протянуться въ волюшку да умереть.

„Въ этой сказкѣ, м. г., вся наша исторія“ (V, 283).

Исправляю маленькій недосмотръ Герцена: протянуться въ волюшку можно только разъ, а для исторіи этого мало.

Здѣсь я попрошу припомнить подробности разрыва Герцена съ Грановскимъ въ Москвѣ. Протестъ Грановскаго тогда казался не вполнѣ понятнымъ и мало обоснованнымъ. Но представьте себѣ, что Герценъ предложилъ Грановскому эти пять пунктовъ, и размолвка станетъ вполнѣ естественною. Думаю, что не скажу слишкомъ опасной ереси, если отмѣчу, что есть выводы, въ большомъ количествѣ нетерпимые даже для западниковъ, при всей ихъ идейной терпимости. Именно таковы и эти выводы Герцена. Капризный Шушка разошелся во всю и ломаетъ всѣ игрушки. Нервы Грановскаго этого не выдержали. Для этого нужны нервы Милюковыхъ, Карѣевыхъ, Трачевскихъ и другихъ Терситовъ идейнаго стана.

Легко себѣ представить, какія заповѣди личной и общественной морали должны были возникнуть изъ такой „идеологіи“ удалого уш-

---

LII.

Исторія—безумна. Поэтому общественная дѣятельность — безсмысленна.

„Во всякой философіи исторіи есть что-то возмущающее душу. Для чего эти усилія? Жизнь народовъ становится праздной игрой; лѣпитъ, лѣпитъ по песчинкѣ, по камешку, а тутъ опять все рухнется на земь и люди ползутъ изъ-подъ развалинъ, начинаютъ снова расчищать мѣсто, да строить хижины изо мха, досокъ и упадшихъ капителей, достигая вѣками, долгимъ трудомъ—паденія. Шекспиръ недаромъ сказалъ, что исторія—глупая сказка, разсказанная дуракомъ“ (V, 183).

„Васъ сбиваютъ категоріи, которыя дурно уловляютъ жизнь. Вы подумайте порядкомъ, что эта цѣль? Программа, что ли, или приказъ? Кто его составилъ, кому онъ объявленъ, обязателенъ онъ или нѣтъ? Если да, то что мы? Куклы или люди въ самомъ дѣлѣ? Нравственно-свободныя существа или колеса въ машинѣ? Для меня легче жизнь, а слѣдовательно и исторію считать за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія“ (V, 185).

Передовые умы только обманываютъ себя мнимымъ величіемъ

замысловъ, мнимо-титаническимъ размахомъ энергіи. Они клевещутъ на себя, когда утверждаютъ, что они не карлики.

„Я знаю, что эти люди торопятся очень медленно, не довѣряю ни ихъ способностямъ, ни всѣмъ этимъ стремленіямъ, которыя выдумываютъ за нихъ, и остаюсь съ ними — такъ, какъ остаюсь съ этими деревьями, съ этими животными; изучаю ихъ, даже люблю" (V, 232).

Но неужели люди такъ плохи? Неужели ихъ нельзя ничѣмъ разбудить?

Послѣ 1848 г. утопія демократической республики улетучилась такъ же, какъ утопія царства небеснаго на землѣ. *Освобожденіе* оказалось окончательно неостоятельнымъ.

„Но общественное броженіе не настолько успокоилось, чтобы люди занялись тихо своимъ дѣломъ. Надо было *занять умы*. А безъ утопіи, безъ эпидемическихъ увлеченій идеалами — плохо. Хорошо еще, еслибъ безъ нихъ обманутыя народныя массы только бы плѣснѣли и загнивали на Ирландскій манеръ, какъ стоячая вода. А то, пожалуй, онѣ поднимутся, одичалыя, и попробуютъ своими сампсоновскими мышцами, крѣпки ли столбы общественной храмины, къ которымъ онѣ прикованы.

„Гдѣ же взять безопасные идеалы?" (V, 388).

„Будить надобно войной. А есть ли во всей оружейной палатѣ прошлаго знамя, хоругвь, слово, идея, изъ-за которыхъ бы люди стали драться, которыхъ бы они не видали опозоренными и въ грязи?.. Suffrage universel, можетъ быть?..

„Нѣтъ, не пойдетъ человѣкъ нашего времени ни за одинъ развѣнчанный идолъ съ тѣмъ свѣтлымъ самоотверженіемъ, съ которымъ шелъ его предокъ на костеръ за право пѣть гимны, — съ той гордой самоувѣренностью, съ которою шелъ его отецъ на гильотину — за единую и нераздѣльную республику. Вѣдь онъ знаетъ, что ни псалмы, пѣтые по-нѣмецки, ни освобожденіе народовъ по-французски — ни къ чему не ведутъ.

„А за *незнакомаго бога*, тайкомъ идущаго за стѣнкой, умирать нельзя. Пусть онъ прежде скажетъ, кто онъ такой, пусть онъ признаетъ себя за бога и съ дерзостью св. Августина скажетъ въ глаза старому міру, что „его добродѣтели — пороки, что его истины — нелѣпость и ложь.

„Ну, это будетъ не сегодня, и не завтра" (V, 383).

Все кончено. Борьба безсмысленна и невозможна: нѣтъ знаменъ нѣтъ войска, — только трубачи, герольды да инвалиды. Личность во всемъ блескѣ ея развитія, культурности, сознательности и самоуваженія — ничто, амбаръ, полный ветоши, складъ ошибочныхъ разочарованій, долгій порывъ, разрѣшающійся въ ничто.

Трудно опредѣлить глубину бездны этого пессимизма, этого отчаянія, унынія передъ своею несостоятельностью и ничтожностью. Стыдомъ и позоромъ былъ напоенъ воздухъ. Каждый шагъ ниже велъ къ полному скотоподобію, къ омерзительнѣйшей утратѣ личности. Но Герценъ, сынъ хаоса и бездны, не боялся бездны и смѣло изливался въ такихъ признаніяхъ, отъ которыхъ покраснѣлъ бы циникъ, потерявшій стыдъ и совѣсть.

Мы банкроты. Признаваться въ этомъ? Отказаться отъ себя? — Нѣтъ, ни за что.

„Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ — продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія бога, распятіе невиннаго за виновныхъ. Лицо, истинная дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь знамени. Для кого работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали, уступая свободу лица, — объ этомъ никто не спрашивалъ. Всѣ жертвовали (по крайней мѣрѣ на словахъ) самихъ себя и другъ друга" (V, 256).

„Внѣ насъ все измѣняется, все зыблется. Мы стоимъ на краю пропасти и видимъ, какъ онъ осыпается. Сумерки наступаютъ и ни одной путеводной звѣзды не появляется на небѣ. Мы не сыщемъ гавани иначе, какъ въ насъ самихъ, въ сознаніи нашей безпредѣльной свободы, нашей самодержавной независимости. Спасая себя такимъ образомъ, мы становимся на ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитіе свободной жизни въ обществѣ, — если оно вообще возможно для людей" (V, 251).

Такъ вотъ до чего договорился умный циникъ. Онъ снова сталъ западникомъ отъ головы до ногъ и съ вѣнкомъ изъ розъ на сѣдыхъ волосахъ пришелъ на грязную вакханалію безумныхъ и пьяныхъ юношей, въ винѣ и развратѣ забывшихъ Бога, совѣсть и народъ. Ничтожество современной личности признано прямо и открыто. И эта подлая и глупая личность требуетъ себѣ безпредѣльной свободы, безграничнаго простора, абсолютной власти. Кое-какъ скомканная изъ бездарности, невѣжества, пошлости и ничтожества, эта во всѣхъ отношеніяхъ подозрительная личность организуется, обсоюживается и бастуетъ, чтобы выдать опухшее отъ разгула и эгоизма подобіе лица за ликъ солнца, нагло требуетъ, чтобы ее признавали за свѣтъ, за день, за незаходимую правду. Всѣ рычаги прессы и мнимой науки пущены въ ходъ и опухшіе животы подъ облыжнымъ именемъ личностей подъемлются въ свѣтлыя сферы идеаловъ, становятся на славномъ посту и ведутъ человѣчество впередъ.

Но вѣдь стыдно пьянствовать и развратничать за счетъ голоднаго народа!

Нѣтъ, не стыдно. *Мы* — правы. Виноватыхъ въ исторіи и въ

жизни нѣтъ. Все понять, значитъ все простить. *Мы*—не виноваты. Виновата исторія и судьба.

И Герценъ переходилъ этотъ порогъ, за который никогда не переставляли ноги честные и серьезные люди! И онъ былъ на оргіи идейныхъ развратниковъ и убѣжденныхъ пьяницъ!

И онъ въ оправданіе своего празднаго барства, своего роскошнаго и изнѣженнаго сибаритизма, своего паразитивнаго комфорта, говорилъ слова, которыя приведутъ въ восторгъ текущихъ идейныхъ обжоръ и скомороховъ, но отъ которыхъ отъ непобѣдимаго стыда покраснѣетъ и обезьяна.

Герценъ говорилъ ихъ, *Герценъ*... И съ этимъ надо такъ или иначе мириться.

„Все наше образованіе, наше литературное и научное развитіе, наша любовь изящнаго, наши занятія предполагаютъ среду, постоянно расчищаемую *другими*, приготовляемую *другими*. Надобенъ чей-то трудъ, чтобы намъ доставить досугъ, необходимый для нашего психическаго развитія, — тотъ досугъ, ту дѣятельную праздность, которая способствуетъ мыслителю сосредоточиваться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствуетъ пышному, капризному, поэтическому, богатому развитію нашихъ аристократическихъ индивидуальностей.

„Кто не знаетъ, какую свѣжесть духу придаетъ беззаботное довольство. Бѣдность, вырабатывающаяся до Жильбера, исключеніе. Бѣдность страшно искажаетъ душу, не меньше богатства. Забота объ однѣхъ матеріальныхъ нуждахъ подавляетъ способности. А развѣ довольство можетъ быть доступно всѣмъ, при современной гражданской формѣ? Наша цивилизація—цивилизація меньшинства. Она возможна только при большинствѣ чернорабочихъ. Я не моралистъ и не сантиментальный человѣкъ. Мнѣ кажется, если меньшинству было дѣйствительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни въ прошедшемъ оправдана“ (V, 202).

Блѣднѣя отъ негодованія и безконечнаго презрѣнія, прочитаютъ эти циническіе софизмы люди, у которыхъ корешками глупыхъ книгъ не растолченъ мозгъ и не отбита совѣсть. Все для себя—и наука, и творчество, и искусство. Крѣпостной душевладѣлецъ защищаетъ *для себя* легкіе мотивы подъ сладкіе звуки рѣчей Эпикура и Овидія, не видитъ правды ни въ чьей жизни, кромѣ своей, и слагаетъ державинскіе диѳирамбы во славу вельможныхъ вольнодумцевъ, паразитовъ по мысли, по жизни и по совѣсти.

Это иронія? Сатира? Отнюдь нѣтъ. Онъ пробовалъ и шутить надъ этимъ, но шутка вышла неуклюжей и тяжелой.

„Употребляя его (мужика) въ снѣдь, тучнѣя отъ него, — мы такъ-же мало думали о немъ, какъ о гречневой кашѣ или буженинѣ: питательно и хорошо. Народъ съ своей стороны не напоминалъ о себѣ, а только кланялся въ поясъ при всякомъ заѣденномъ поколѣніи помѣщиками и чиновниками, приговаривая: „дай Богъ на здоровье. Мы на то ваши дѣти, вы на то наши отцы, чтобъ насъ кушать“ (VI, 279).

Смѣшно, конечно... Но чья-бы корова мычала, а герценовой-то и помолчать-бы не мѣшало, потому что въ минуты западническихъ рецидивовъ онъ не разъ оправдывалъ безплодность и безцѣльность умственной утонченности, идейной гастрономіи и изящнаго литературнаго обжорства. Нашимъ сонливымъ сверхъ-Нитцше и сверхъ-человѣкамъ по душѣ придется эта проповѣдь идейнаго пищеваренія, которое перевариваетъ въ своемъ желудкѣ отпущенное на его долю поколѣніе мужика. Смѣшно и гадко было бы думать, что народъ съ ними, съ этими химерическими китами, которымъ судьба судила проглотить живого Іону. Но пока что, онъ сидитъ тамъ, этотъ маленькій Іона, и кормитъ огромнаго по виду, но маленькаго по глоткѣ идейнаго кита.

И они знаютъ, что народъ не съ ними. Но они съ утра до вечера каждый часъ, каждую минуту кричатъ, что они отъ народа, что они голосъ народа, что они народъ. И дѣлаютъ это въ лукавомъ разсчетѣ усыпить бдительность немногихъ неслѣпорожденныхъ, которые могли бы подивиться чрезмѣрности ихъ мнимо научнаго аппетита и наглой откровенности идейнаго паразитизма.

LIII.

Наша работа приходитъ къ концу. Мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, разрывъ Герцена съ западомъ, съ его цивилизаціей и культурой, его бѣгство отъ интеллигенціи съ ея тупостью и безплодностью. Рабъ, пришитый къ убитому имъ волу, мучился отъ смрада гніенія поверженнаго имъ противника.

Но намъ бы не хотѣлось разставаться съ Герценомъ въ этой трясинѣ. Слишкомъ ужасна степень его паденія. Да это было бы и несправедливо. Въ концѣ концовъ, онъ отбрыкался отъ идейнаго воловьяго трупа и дохнулъ свѣжимъ воздухомъ, хотя уже до конца дней чувствовалъ запахъ идейныхъ міазмовъ. Это возрожденіе, конечно, по герценовской терминологіи, — „русскій вопросъ“. По своей сложности и по своему объему онъ требуетъ особаго изслѣдованія. Здѣсь же мы отмѣтимъ только тѣ черты, которыя говорятъ о новомъ строѣ мысли и совѣсти Герцена, о разрывѣ его съ идейнымъ хаосомъ, о жаждѣ мира и правды въ его измученной душѣ.

Сдѣлаемъ это только до той черты, до которой это нужно сдѣлать, чтобы вполнѣ оцѣнить одинъ важный выводъ изъ всей критической и полемической его дѣятельности.

Если вѣрить Герцену, по всей Европѣ прошелъ какой-то сокрушительный ураганъ, смелъ всѣ принципы и начала, повалилъ лѣса и не оставилъ камня на камнѣ. Беречь нечего. Самодержавно-независимая личность, ничѣмъ не сдерживаемая, роскошествуя на чужихъ хлѣбахъ, свободная и отъ дисциплины, и отъ отвѣтственности,—имѣетъ полную возможность хотя разъ „потянуться въ волюшку", наполнить міръ шумомъ и гамомъ разрушенія. Поставлены тѣ посылки, изъ которыхъ вышла наша современная распоясанная интеллигенція съ туманомъ впереди, съ туманомъ позади, съ туманомъ въ головѣ — и разрушаетъ. Но у Герцена и при такой цинично-нигилистической идеологіи нашлись осторожныя и предостерегающія слова, вѣра во что-то устойчивое и крѣпкое, непобѣдимое и сильное.

„Мы перестали любить терроръ, въ чемъ бы онъ ни былъ и какая бы цѣль его ни была" (VI, 194),—писалъ онъ въ 1858 г.

Пока что — мало, очень мало. Терроръ—всегда наглое издѣвательство надъ личностью и свободою человѣка. Для него нѣтъ оправданія, нѣтъ отпущенія, нѣтъ амнистіи. Онъ вполнѣ заслуживаетъ наказанія или, вѣрнѣе, самъ въ себѣ несетъ наказаніе. Терроръ—это та форма насилія, которая несетъ осужденіе его героямъ. Безумная вѣра въ свою отвлеченную правду подталкивала идейныхъ палачей на это преступленіе. Но время доказало, что ихъ вѣра безумна, что они вѣрили въ призракъ. Есть сортъ террористовъ еще хуже, еще отвратительнѣе. Они сами ни во что не вѣрятъ. Они проповѣдуютъ терроръ ради террора и считаютъ себя въ правѣ не думать о послѣдствіяхъ.

Это самое ясное доказательство отсутствія творческой силы въ такъ называемой цивилизаціи. Она зоветъ изъ темной бездны интеллигентной совѣсти дикаго звѣря, доисторическаго дикаря, укрощенные вѣками инстинкты хищности и жестокости. Цивилизація, отрѣшившаяся отъ христіанства, совершила свой кругъ: начала съ дикаря, дикаремъ и кончаетъ.

При герценовскихъ посылкахъ осужденіе террора—непослѣдовательно. Если жизнь и исторія безумны, если человѣку нѣтъ отвѣтственности и вмѣненія, если настало время постоянной и полной амнистіи одичалому скоту,—терроръ явленіе, естественное, вполнѣ нормальное. Нуженъ другой строй мысли, чтобы осудить терроръ. Но важно уже и то, что Герценъ почуялъ, какой звѣрь поднялся въ подонкахъ цивилизаціи, какая грязь поднялась со дна фанатической идейности, какіе Ваньки-Каины завернулись въ дырявые плащи научности.

„Слѣдуетъ ли толчками возмущать съ цѣлью ускоренія внутренней работы, которая очевидна? Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ. А ихъ трудно установить и страшно переступать. На это, кромѣ логическаго самоотверженія, надобенъ тактъ и вдохновенная импровизація. Сверхъ того, не вездѣ одинаковая работа и одни предѣлы. Петръ I, Конвентъ научили насъ шагать семимильными сапогами, шагать изъ перваго мѣсяца беременности въ девятый и ломать безъ разбора все, что попадается на дорогѣ. Die zerstoerende Lust ist die schaffende Lust,—и впередъ за неизвѣстнымъ богомъ-истребителемъ, спотыкаясь на разбитыя сокровища вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и хламомъ.

„...Мы видѣли грозный примѣръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на баррикадахъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его. Вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать. Но что было бы, если бы побѣда стала на сторонѣ баррикадъ? Въ двадцать лѣтъ высказали грозные бойцы все, что у нихъ было за душою? Ни одной построющей органической мысли мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а экономическіе промахи—не косвенно, какъ политическіе,—а прямо и глубже ведутъ къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти" (V, 440).

Мы видѣли тактъ нашихъ революціонеровъ. Слышали ихъ „вдохновенныя импровизаціи". Теперь всѣмъ неслѣпымъ очевидно, что болѣе бездарной, безсмысленной и безцѣльной революціи еще не было въ исторіи. Это программа и рѣчи школяровъ, какъ всегда, не приготовившихъ урока. До сихъ поръ они еще ничего не сказали, потому что имъ нечего сказать, потому что у нихъ нѣтъ ничего за душою. Они не знаютъ, зачѣмъ они ведутъ „къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти", но знаютъ, что ведутъ именно къ этому, и ихъ мертвая совѣсть не возмущается преступностью безумнаго фанатизма.

„Новый водворяющійся порядокъ долженъ являться не только мечемъ рубящимъ, но и силой хранительной. Нанося ударъ старому міру, онъ не только долженъ спасти все, что въ немъ достойно спасенія, но оставить на свою судьбу все немѣшающее, разнообразное, своеобычное. Горе бѣдному духомъ и тощему художественнымъ смысломъ перевороту, который изъ всего былаго и пережитаго сдѣлаетъ скучную мастерскую, которой вся выгода будетъ состоять въ одномъ пропитаніи и только въ пропитаніи. Но этого

и не будетъ. Человѣчество во всѣ времена, самыя худшія, показывало, что у него potentialiter больше потребностей и больше силъ, чѣмъ надобно на одно завоеваніе жизни. Развитіе не можетъ ихъ заглушить. Есть для людей драгоцѣнности, которыми они не поступятся и которыя изъ рукъ у нихъ можетъ вырвать одно деспотическое насиліе—и то въ минуты горячки и катаклизма. И кто не скажетъ, безъ вопіющей несправедливости, чтобы и въ быломъ и въ отходящемъ не было прекраснаго и что оно должно погибнуть вмѣстѣ съ старымъ кораблемъ?" (V, 444).

Красивыя, хорошія слова,—добрыя человѣческія чувства. Но въ дни катаклизмовъ—это сантиментальныя иллюзіи, поднимающіяся надъ грязною дѣйствительностью. Въ дни нашего катаклизма не новый, а старый міръ послалъ своихъ бойцовъ къ баррикадамъ. Они борются за *свою* свободу, за *свои* права, ищутъ власти *себѣ*. Новый—по дѣятельности, а не по историческому существованію—міръ еще молчитъ и ждетъ. Дружины революціонной рутины, сами того не подозрѣвая, только торопятъ свою гибель. Ихъ преступленія и должны быть чудовищными и исключительными, чтобы разбудить этотъ міръ. Герои бури сѣютъ новую бурю—себѣ на голову. Надо было, чтобы идейное безуміе приняло присущія ему безобразныя и отвратительныя формы, чтобы понять всю его убогую несостоятельность, младенческую непрактичность, хаотическую безформенность. Это подгоняетъ процессы грядущаго освобожденія отъ ига идейнаго одичанія и оподленія.

Но пока, праздникъ—на ихъ улицѣ. И здѣсь уже нечего ждать ни такта, ни пощады, ни ума. На почвѣ мнимаго мозгового равенства торжествуетъ банда идейныхъ дикарей, опьянѣвшихъ отъ крови и насилія и истребляющихъ все, что имъ не по нутру. Если бы они были піонерами новаго міра, они бы знали и мѣру, и пощаду. Но это худшіе рутинеры стараго міра и въ этомъ тайна ихъ судьбы. Чтобы посадить человѣка въ сумасшедшій домъ, нужно рѣзкое проявленіе сумасшествія. Въ этомъ ихъ историческая миссія, въ этомъ ихъ историческій смыслъ...

LIV.

Теперь мы знаемъ основную мысль Герцена и это даетъ возможность перевести ее на литературный языкъ нашего времени.

Человѣчество все еще ходитъ въ отложныхъ воротничкахъ à l'enfant. Юноши не растутъ и не зрѣютъ и до смерти остаются неопытными, мечтательными и сантиментальными юношами. Они „дѣлаютъ политику" и очень скверно дѣлаютъ, а „жизни не дѣлаютъ", потому что жизнь дѣлается въ другомъ мѣстѣ и другими руками. Поколѣніе философствующихъ паразитовъ и въ области философіи ничего путнаго не дѣлаетъ, потому что судьба по строгой справедливости двуногихъ паразитовъ обрекаетъ на безплодіе.

Вся софистика и декламація на темы о прогрессѣ и эволюціи—жалкій идейный вздоръ. Никакого прогресса—нѣтъ. Побѣды точныхъ и техническихъ наукъ—дѣло совсѣмъ другое и не о нихъ говорятъ, когда говорятъ о прогрессѣ въ примѣненіи къ общественной жизни. Было время, когда люди пламенно вѣрили въ свои отвлеченныя мечты и гордо несли на плаху голову за свои убѣжденія. Время обличило ихъ легковѣріе. Ихъ мечты были красивы, но неосуществимы и безжизненны, т. е. глупы. Теперь это развѣнчанныя тѣни прошлаго. Смѣшно и глупо мертвецовъ считать вождями и пророками. А они мертвы и никакой гальваническій токъ не вернетъ имъ былой жизни.

Дѣтски-кичливой и легкомысленной интеллигенціи, конечно, лестно отожествлять себя съ человѣчествомъ. Но это младенчески-наивный вздоръ. Интеллигенція сама по себѣ, а человѣчество само по себѣ. При всей притязательности, не она *дѣлаетъ* человѣчество, природу и исторію. У нея слишкомъ мало ума даже для того, чтобы понять жизнь, а не то, чтобы *дѣлать* жизнь. Она копошится и пакоститъ на поверхности, отвернувъ лицо отъ народной „океаниды". Интеллигенція—это „сонъ въ майскую ночь", послѣ котораго даже у многихъ ремесленниковъ и рабочихъ, какъ у Основы, на плечахъ оказываются ослиныя головы. Это оргія паразитовъ, послѣ которой наступаетъ тяжелое похмелье.

Она вышла на арену съ гордой увѣренностью, что у нея много ума, слишкомъ много ума,—много для отдѣльнаго народа, много даже для всего человѣчества, много для нашей планеты, много даже для солнечной системы—и стала придумывать новое солнце. Но историческій опытъ до очевидности доказалъ, что ума у нихъ не хватаетъ даже и для того, чтобы во время бросить гимназическія и студенческія бредни и она до смерти смотритъ на жизнь тупымъ молочнымъ взглядомъ новорожденнаго теленка.

Отъ слова не станется.—Вотъ ихъ завѣтное вѣрованіе и убѣжденіе. И они понимаютъ свободу безсильнаго и безплоднаго слова, но совершенно не понимаютъ свободы честнаго и разумнаго дѣла. Вся ихъ психологія и логика, весь ихъ умъ и вся ихъ совѣсть, все ихъ сознаніе и все ихъ бытіе—только въ словѣ и внѣ слова для нихъ нѣтъ жизни и дѣла. Мужикъ бы пропалъ, если бы усвоилъ обѣ систему и мораль этого исключительно словеснаго существованія. Но онъ не пропадетъ, потому что умѣетъ работать и имѣетъ для этого нужный запасъ мускульной силы. Словесное

или, что тоже, бумажное существованіе возможно только на почвѣ чужеядности и паразитизма и является софистическимъ оправданіемъ лѣнивой праздности и комфортабельной ненужности. Спасаютъ человѣчество на словахъ, чтобы въ мирѣ совѣсти заѣдать чужой вѣкъ. Величіе и благородство книжныхъ и словесныхъ призраковъ взмылено до баснословныхъ размѣровъ, чтобы фальшивымъ козыремъ сорвать крупную ставку на жизненномъ пиру. Это всегда не масло, всегда маргаринъ, отъ котораго постоянное разстройство желудка и мозговыхъ функцій. Это безтѣлесныя тѣни Аида, которыя Улиссу приходилось отгонять мечемъ отъ дымящейся крови жертвеннаго барана.

Весь прогрессъ на словахъ, эволюція—на словахъ, ростъ личности—на словахъ, ростъ правоваго сознанія—на словахъ, а на дѣлѣ—всѣ недоучки, михрютки и коекаки. Музыкой словъ очарованы толпы идейной черни и, какъ тѣни въ лимбѣ, въ припрыжку бѣгутъ за знаменемъ, которое движется, мѣняя направленія, пока, совершенно неожиданно для себя, не свалятся въ бездну, на которой погребальнымъ монументомъ будетъ только осиновый колъ. Ничтожные по духу и сердцу, великіе по аппетиту и жаждѣ, они философски отлыгаются отъ живой жизни и, какъ изнѣженные квириты, встрѣчаютъ кимвровъ и тевтоновъ кудрявыми рѣчами шаблонной казуистики и грубой лести.

Каждый годъ, каждый мѣсяцъ, каждый день—„жизнь творитъ", т. е. проще и вѣрнѣе сочинительствуетъ періодическая печать, что общество съ вершины на вершину шагаетъ въ сапогахъ-скороходахъ, на коврѣ-самолетѣ улетаетъ въ свѣтлыя области идеала, на скатерти-самобранкѣ находитъ олимпійскій нектаръ и божественную амброзію. А кругомъ будничная настоящая жизнь — бѣдна и сѣра, никто не знаетъ своего дѣла, никто не учится и не хочетъ учится, во всемъ и всегда авось и сверхъ-человѣки, которыхъ послѣдній номеръ газеты величалъ полубогами, скидаютъ сапоги и распоясываются. Боги на словахъ, лѣнивые дикари въ жизни.

Жизнь идетъ въ два этажа въ одномъ и томъ же общественномъ слоѣ. Наверху—волшебная сказка, которой, разинувъ ротъ и не успѣвая подхватить слюну, внимаютъ маститыя и не маститыя дѣти, доктрина, льстящая кліенту отъ глотки до пятокъ, безшабашный и закутившійся оптимизмъ, золотыя розсыпи угодливой теоріи, въ бенгальскихъ огняхъ идеи, феерическія процессіи и апоѳеозы,—а внизу дома, полное непониманіе своего прямаго дѣла, уклончивая и хитрая лѣнь, тайная забастовка, суетливая праздность и грязь по всѣмъ статьямъ домашняго обихода. Еще ниже, уже въ другомъ пластѣ—бѣдность, нищета, непосильная работа, но простой и здоровый умъ, простая и здоровая совѣсть, энергія, готовность помочь и поддержать, жалость и человѣчность.

О какомъ-же прогрессѣ идетъ рѣчь? Новый Горькій сочинитъ новыхъ босяковъ? Новая оперетка поразитъ новымъ безстыдствомъ? Новый фельетонистъ найдетъ новую манеру льстить идейной черни? Новый портной пуститъ совершенно неправдоподобные костюмы? Новый Розановъ залѣзетъ по уши въ еще болѣе вонючую порнографическую микву?

Да, современный прогрессъ, какъ его нынѣ понимаетъ современная „мыслящая Россія", проявляется именно въ этихъ „идейныхъ" пустякахъ. Все сегодняшнее много превосходнѣе вчерашняго, только потому, что это сегодняшнее. Идейный босякъ, каждый день засѣдающій все въ томъ же дорогомъ ресторанѣ, каждый день идетъ все выше и все впередъ, напиваясь совершенно такъ же и по тому же прейскуранту, какъ напивался годъ тому назадъ. Каждый новый скандалъ въ политической или общественной жизни дѣлаетъ эру, полагаетъ начало новой эпохѣ.

Кто этого не видитъ? Кто этого не знаетъ? Вѣдь человѣчество, культура, цивилизація, прогрессъ, эволюція—это парадный фракъ, чтобы на минуту появиться и поблистать внѣшнею порядочностью въ обществѣ и потомъ скинуть его съ жилетомъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, замѣнить халатомъ для всенощной партіи въ винтъ или совлечь со всѣмъ прочимъ убранствомъ для идейной оргіи въ модныхъ отрепьяхъ торжествующаго босячества.

Тутъ пріобрѣтаетъ вполнѣ законное право мысль не о прогрессѣ, а о регрессѣ,—точнѣе, о духовной смерти. И Герценъ далъ не мало матеріаловъ для постановки этого вопроса. Пора сбросить розовые идейные очки и посмотрѣть на подлыя формы подлой жизни простыми глазами, безъ телескопа и микроскопа. Смѣшно, имѣя глаза, изъ лицемѣрія и угодливости казаться слѣпымъ и близорукимъ. Правда давно глаза колетъ—и только идейный цинизмъ прикрываетъ собою печальную дѣйствительность. Видя живыхъ людей и не идеи, а факты жизни,—вѣровать въ прогрессъ—дѣло совершенно мертвой совѣсти, недостойнаго самоослѣпленія, безсмысленнаго словоизлінія, гнойной чесотки языка. Поэтому горьковскому „человѣку" кажется, что онъ идетъ впередъ и выше, все впередъ и все выше. Трезвымъ и простымъ людямъ пора убѣдиться, что современный идейный человѣкъ идетъ назадъ и ниже, все назадъ и все ниже.

LV.

Герценъ, припомните, находилъ злобное удовлетвореніе въ сознаніи, что слѣдующее, т. е. наше поколѣніе, будетъ глупѣе и подлѣе того, къ которому онъ принадлежалъ. Это отчасти понятно: Герценъ всегда былъ эгоистъ и баринъ до мозга костей. Въ насъ нѣтъ этой герценовской злобы. Мы не ищемъ ни „безпредѣльной свободы“, ни „самодержавной независимости“ личности. Мы готовы были бы утопить свою личность въ честномъ и строгомъ общемъ дѣлѣ. Но все-же мы считаемъ себя вправѣ повторить вопросъ Герцена и для нашего времени.

Чего ждать отъ поколѣнія, которому суждено смѣнить насъ? Будетъ-ли оно умнѣе и честнѣе нашего?

Даръ прорицанія и предвѣдѣнія—предоставимъ гг. Розановымъ, Меньшиковымъ и Милюковымъ. Это не наша спеціальность. Но въ нашемъ распоряженіи имѣются уже неоспоримые факты, которые обнажаютъ самую сущность смѣняющихся генерацій.

Лить слезы платоническаго покаянія теперь, конечно, поздно. Всякій теперь знаетъ, что наше время было временемъ самой постыдной лѣности и самой ребяческой мечтательности. Идейность доводила людей до полной потери здраваго смысла и явнаго сумасшествія. Тамъ, гдѣ по ходу дѣла слѣдовало говорить о глупости и невѣжествѣ, говорили объ идейности и ростѣ личности. Самыя простыя дѣла и отношенія—стали вопросомъ, апокалипсической книгой за семью печатями, „проблемой будущаго“. По экономическимъ дѣламъ написаны груды книгъ и газетныхъ статей. Всѣ притворялись величайшими спеціалистами по политической экономіи. И все это было бахвальство и плагіатъ. Идейная тупость была средостѣніемъ между легкомысліемъ интеллигенціи и дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Въ финансахъ—воочію совершалось вавилонское столпотвореніе. Властители думъ и вожди человѣчества не понимали самыхъ простыхъ мѣръ, не видѣли неизбѣжныхъ послѣдствій самыхъ крупныхъ распоряженій. У русскихъ денегъ сгустился какой-то мистическій туманъ, непроницаемыя облака самой тройной жестокой философіи и политической экономіи, самой высокопробной научности и профессорски-авторитетной экспертизы. Но сквозь идейные узоры чувствовался какой-то хитрый подвохъ, какой-то лукавый разсчетъ. Не нашлось ни одного человѣка, который поднялъ бы завѣсу надъ подозрительной тайной. Страна бѣднѣла. Мужикъ голодалъ. Теорія—торжествовала. Истинные и насущные интересы народа принесены были въ жертву... чему?

Народъ—разоренъ. И въ этомъ виновата только одна бюрократія? Кто-же былъ настолько уменъ и сообразителенъ, чтобы предвидѣть и предотвратить бѣду? Кто подалъ предостерегающій голосъ? Развѣ не въ угоду интеллигенціи стали вываривать мужика въ капиталистическомъ котлѣ? Развѣ не считали разореніе мужика огромнымъ шагомъ впередъ, ступенью къ вожделѣнной пролетаризаціи всего рода человѣческаго? Интеллигенція была достаточно идейна, т. е. глупа, чтобы заблудится въ трехъ соснахъ, и безчестна, чтобы привѣтствовать позорное преступленіе, какъ актъ высшей государственной мудрости. Если бы интеллигенція перехватала съ идейнаго неба всѣ идейныя звѣзды, ей нѣтъ ни оправданія, ни прощенія, разъ она сознательно и по убѣжденію допустила разореніе мужика. Этотъ историческій грѣхъ самымъ позорнымъ и несмываемымъ пятномъ лежитъ на совѣсти нашего поколѣнія. Были, конечно, вполнѣ сознательные дѣльцы себѣ на умѣ, которымъ было выгодно разореніе Россіи. И они одурачили цѣлое поколѣніе. Неопровержимое доказательство того, что оно было глупо и безчестно.

Теперь позорныхъ дѣлъ мастера уже оперируютъ надъ искусственно созданными „массами“ пролетаріата. Наверхъ со дна и изъ бездны тянутъ людей искусственной нищеты, искусственнаго озлобленія, искусственной вражды. Самые низменные и ничтожные элементы общества почувствовали силу и ищутъ власти.

Во внѣшней политикѣ на словахъ усердно работали ради великой „идеи“ всемірнаго братства народовъ, на дѣлѣ орудовали дѣльцы низшей пробы, хищники и авантюристы. Въ сознаніи идейной зрѣлости, сверхъ-человѣческой утонченности натуры, огромныхъ шаговъ прогресса и эволюціи, всѣ забыли, что бываетъ война, что это еще не призракъ прошлаго, что для войны нужно оружіе, нужны люди. Достойные поклонники слезливой карамзинской Лизы, оказавшись подъ пулеметами, проливали потоки идейныхъ слезъ и демонстративно жалѣли японцевъ, которые ихъ били, какъ скотъ на бойнѣ. Исторія говорила, что нельзя вѣчно быть малыми ребятами, что надо учиться и умѣть дѣлать свое дѣло. Но у интеллигенціи были свои идеалы. Интеллигенція размышляла, что ей дѣлать,—

Идти-ли въ храмъ молиться Богу,
Иль въ лѣсъ прохожихъ убивать.

Возникалъ серьезный и новый вопросъ, нельзя-ли жить безъ исторіи, быть передовымъ интеллигентомъ ничему не учась, кутить за чужой счетъ и за кутежомъ накормить весь человѣческій родъ до послѣдняго рта.

Въ сознаніи поколѣнія были на лицо всѣ элементы, которые могли погубить и государство, и народъ, и саму интеллигенцію

Огромное большинство не умѣло прочесть это „мани, факелъ, фаресъ". Немногіе понимали смыслъ загадочной надписи, но не имѣли мужества говорить. Дѣло казалось идейными пустяками, великолѣпною забавою передовыхъ умовъ. А здѣсь-то и было авернское болото, изъ котораго подземная галлерея вела въ адъ Виргилія. Никто не думалъ, что эти низменныя и дикія начала возьмутъ верхъ, что идейное оподленіе проникнетъ глубоко, что проповѣдники умственнаго одичанія поведутъ за собою идейную чернь. Но теперь, когда сбылись худшія опасенія, гнилость образованныхъ слоевъ общества—стала неоспоримымъ фактомъ. Оставалась надежда, что внѣ идейныхъ юродивыхъ есть простые и честные „мѣстные" люди, въ первую голову земцы. Оказалось, что не вывезла и эта кривая. „Мѣстные" люди и на мѣстѣ были сильно трачены идейною молью и предпочитали списывать тексты резолюцій съ идейныхъ книженокъ, чѣмъ наблюдать, изучать и думать.

Теперь итоги подведены. Интеллигенція не знаетъ себя и не вѣритъ себѣ, т. е. не знаетъ, что ей надо думать и дѣлать, такъ какъ въ нужную минуту у нея никакихъ „убѣжденій и вѣрованій" не оказалось. А внѣ интеллигенціи, по суду интеллигенціи, ничего нѣтъ, кромѣ черной сотни: одна ширь поднебесная, да солдатъ съ ружьемъ.

Вотъ нашъ историческій моментъ. Полное духовное банкротство. Всякіе сорта интеллигенціи—и періодическая печать, и университеты, и земства—выдаютъ правительству testimonium paupertatis, сами изнемогая отъ духовнаго голода и требуя и для себя testimonium paupertatis въ закоснѣломъ убѣжденіи, что правительство все должно сдѣлать за нихъ. Сами не могутъ ударить палецъ о палецъ а сильны только критикою, оппозиціею, отрицаніемъ и разрушеніемъ.

Худо было и прежде, но несомнѣнно, что будетъ еще хуже, чѣмъ прежде.

Слишкомъ много идейнаго вздора накопилось въ головахъ и пока онъ весь, до послѣдней соринки не исчезнетъ, будетъ все хуже и хуже. Здѣсь зерно разладицы, борьбы и, можетъ быть, гибели.

LVI.

Логика и психологія всякаго терроризма—просты до глупости. Меньшинство хочетъ навязать свою волю большинству. Пока это въ теоріи, средства для этой цѣли имѣютъ видъ пристойности и легальности. Разъ дѣло доходитъ до практики, само собою является правило: цѣль не только оправдываетъ, но и освящаетъ средства. При нравственной и умственной распущенности общества эта простая схема принимаетъ комическій и наивный оттѣнокъ. Приступая къ насилію, меньшинство выговариваетъ себѣ безотвѣтственность, непремѣнную амнистію подъ предлогомъ стихійности.

Если ясно себѣ представить эти простыя истины и оглянуться назадъ, съ удивленіемъ придется сознаться, что часть русской литературы и почти вся журналистика за послѣднія сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ была проникнута началами терроризма,—упорно и методически доказывала права меньшинства распоряжаться правами большинства по своему произволу. Пока не было возможности выступить сообща, но анонимно, съ оружіемъ въ рукахъ, но не въ открытомъ бою,—единственнымъ орудіемъ убѣжденія и пропаганды была грубая и дешевая лесть идейной черни. На этой почвѣ создалась смѣшная терминологія, заманчивая только для людей неопытнаго мышленія и чванливаго сердца: „мыслящая Россія", „лучшая часть интеллигенціи", „сознательные элементы", „дѣти солнца" „властители думъ", „вожди человѣчества", „учители жизни" и сотни другихъ узорныхъ изворотовъ идейной лести туманили пустыя, но высокомѣрныя головы. Ни доказательствъ, ни фактовъ, ни мысли за этою ветошью—не было. Ихъ замѣняла лесть. И на эту грубую приманку шла идейная чернь.

Терроризмъ—и теоретическій, и активный,—послѣдняя ступень въ разложеніи логики, чувства общественности и морали. Это возвращеніе къ первобытному кровопролитію клановъ и маленькихъ племенъ въ первобытный періодъ исторіи. Онъ возможенъ только тамъ, гдѣ у верхняго слоя общества не было ни историческаго опыта, ни культуры. Такую именно школу и проходило русское общество. Помѣщики не добились правъ: права имъ были даны. И въ своихъ правахъ они убѣждены не были. Потомъ, упустивъ изъ-подъ ногъ землю, образованное меньшинство всею своею тяжестью оперлось на науку. Казалось, что наука выручитъ: она *все* знаетъ и *все* можетъ. На самомъ дѣлѣ наука знала мало и руководить общественною жизнью не могла. Это не мѣшало некультурному обществу сдѣлать изъ невѣдомой науки фетишъ. Настоящей культуры и быть не могло: она вся цѣликомъ выходила на книжки и вся цѣликомъ уходила въ газетную статью, въ трескучую лекцію, въ публичную болтовню,—и въ жизнь совсѣмъ не проникала. Дикарь по наслѣдству, по воспитанію, по привычкамъ и инстинктамъ, искалъ самъ себѣ идейнаго оправданія и успокоенія и ему казалось, что рыночная наука будто бы оправдала скотскіе инстинкты мнимо-образованнаго человѣка.

Для воинствующаго террориста уже нѣтъ ни христіанства, ни настоящей науки, ни проникающей въ жизнь культуры. Есть только прогрессъ и эволюція, понятія покладистыя, искательныя и угод-

ливыя, которыя оправдаютъ всякое излишество „самодержавной", хотя и не всегда трезвой личности. Лесть, обычное оружіе террориста, теперь не нужна. Явилась возможность угрозы и устрашенія. Задерживающихъ центровъ — нѣтъ. Природа ими обдѣлила, воспитаніе ихъ не дало, мнимая наука ихъ отвергла. Создалась торричелліева пустота. Сзади—ничего и впереди—тоже ничего. Необозримый просторъ для опрощенія, для отрицанія и для разрушенія.

Это, по логическому смыслу понятій, по жизненному смыслу людей, по свидѣтельству исторіи—неоспоримый признакъ близкой катастрофы. Такъ жить нельзя. То, что останется отъ жизни, уйдетъ на конвульсіи агоніи. Это симптомъ неизлечимаго недуга и никакими средствами медицины и психіатріи ему не поможешь. Онъ дойдетъ, онъ не можетъ не дойти до своего конца. Онъ чувствуется только въ одномъ классѣ населенія. Другой—по крайней мѣрѣ этимъ недугомъ — не одержимъ. И самъ недугъ состоитъ собственно въ полной неприспособленности частей другъ къ другу.

Вотъ почему пріобрѣтаетъ такую страшную убѣдительность то, что мы свалились на плоскость, на которой уже нельзя удержаться, что съ каждымъ днемъ мы станемъ падать все ниже, съ каждымъ шагомъ жить будемъ темнѣе и хуже. Факторы и двигатели паденія слишкомъ упруги и сильны.

LVII.

Наука перешла на сторону рынка и черни. Политика, т. е, мертвыя формулы базарнаго педантизма, заняла мѣсто широкаго мышленія, точнаго знанія и свободы изслѣдованія. Терроромъ профессора превращены въ террористовъ. Имъ нѣтъ мѣста на каѳедрѣ, если они не обнаружатъ холопскаго усердія льстить уличной толпѣ. Это недобрый признакъ, что люди улицы въ храмахъ знанія заняли мѣста людей науки. Имя науки запакощено на много лѣтъ и долго будетъ будить брезгливость среди людей серьезныхъ и чистоплотныхъ. Найдутся, быть можетъ, достойные представители науки, которымъ талантъ и работа дадутъ возможность употребить всѣ усилія, чтобы поднять изъ грязи на прежнюю высоту имя профессора. Но всѣ усилія ихъ пропадутъ даромъ. Общій духъ, духъ заискивающей лести и служенія низменнымъ инстиктамъ идейной черни, сломитъ одинокія усилія отдѣльныхъ ученыхъ. Уже и теперь малосвѣдущіе слушатели съ высоты легкомысленнаго величія судятъ своихъ учителей и властно предписываютъ имъ свои взгляды и убѣжденія.

Разъ такъ пошло, такъ пойдетъ и дальше. Тутъ ни поворота, ни остановки быть не можетъ. Въ глупости, безсознательности, невѣжествѣ есть дѣйствительно стихійная сила, не укрощенная разумомъ, не просвѣщенная знаніемъ. Терроризмъ требователенъ и фанатически педантиченъ. Онъ не потерпитъ ни живой личности, ни живого слова. Онъ произведетъ въ свѣтила науки такихъ юркихъ болтуновъ, которые сумѣютъ польстить надменнымъ паразитамъ еще неслыханною ложью.

Тамъ, гдѣ терпимъ, допущенъ, дозволенъ терроризмъ, гдѣ онъ справляетъ побѣды и торжествуетъ, не остается мѣста для знанія и науки. Съ каждымъ годомъ оффиціальная и профессіональная обязанность лгать и льстить толпѣ будетъ становиться постыднѣе и унизительнѣе и будетъ отталкивать отъ каѳедры людей правдивыхъ и честныхъ. Угождать улицѣ не легко, а улица будетъ множиться и рости. Подъ такими-же побужденіями русскіе адвокаты потеряли доброе имя. Въ нихъ давно уже видятъ софистовъ XIX и XX вѣка. И основаній для этого не мало. Они искали популярности, т. е. льстили толпѣ, и *своей* цѣли достигали, хотя эта цѣль съ правосудіемъ ничего общаго не имѣетъ. Та же участь ждетъ и профессоровъ. Чтобы стать любимцами толпы, имъ сразу-же придется поступиться многимъ. Ихъ преемникамъ придется идти на дальнѣйшія уступки и падать со ступеньки на ступеньку.

Послѣдніе друзья обезчещенной науки и опозореннаго знанія будутъ сторониться отъ каѳедръ и университетовъ въ тишину своихъ одинокихъ кабинетовъ, въ тѣсные предѣлы небольшого дружескаго кружка унесутъ свои нерыночныя думы, свои просвѣщенныя убѣжденія. На университетской улицѣ имъ будетъ сиротливо и стыдно. Тамъ мѣсто для другихъ учителей, для другой науки. И эта угодливая наука станетъ могучимъ факторомъ дальнѣйшаго одичанія и дальнѣйшаго оподленія.

А не легко было наукѣ свалиться съ своего, вѣками воздвигнутаго пьедестала! Сколько великихъ побѣдъ, сколько неожиданныхъ завоеваній записано на ея священныхъ скрижаляхъ! Сколько сильныхъ умомъ, сколько благородныхъ сердцемъ отдавали свою жизнь на служеніе въ таинственномъ храмѣ, полномъ великой тишины и глубокаго спокойствія. Вѣками создавалось уважаемое имя университета и профессора. И на нашихъ глазахъ наука сдалась на копье улицы не сразу. Ей иногда было стыдно; она упиралась, она протестовала и наконецъ сдалась: съ улицей бороться ей было не подъ силу!

За прессою нѣтъ такихъ великихъ воспоминаній и традицій. Она съ тѣмъ и появилась, чтобы служить толпѣ. Въ этомъ весь смыслъ ея существованія. Это только кажется, что она кого-то куда-то ведетъ. На самомъ дѣлѣ ее ведутъ и ея вожаки такъ часто

мѣняются! Толпа капризна и прихотлива и ей надо съумѣть угодить. Ея символъ—не аудиторія, не каѳедра, а уличный оборвышъ-продавецъ съ самыми дикими и нелѣпыми зазываніями. Наука дойдетъ до этого еще не скоро. Пресса уже дошла. Это не Пенелопа, которая отказываетъ буйнымъ женихамъ и терпѣливо ждетъ своего Одиссея. Это уличная фея, которая хватаетъ за фалды уличныхъ жениховъ, когда они готовы убѣжать отъ нея. Трудно по прессѣ судить объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ страны и народа, потому что народъ еще мало читаетъ газеты, а если и читаетъ, то все толкуетъ по своему. Для него это чужая рѣчь о чужихъ дѣлахъ. Но во всякомъ случаѣ, это лучшее мѣрило уровня каждаго идейнаго движенія въ верхнихъ слояхъ общества, потому что какъ тиражъ, такъ и построчная плата опредѣляется степенью отзывчивости на злобы дня. Тамъ, гдѣ это движеніе бѣдно духомъ и бездарно, пресса не можетъ быть талантливой и оригинальной. Въ глубокихъ слояхъ народа, можетъ быть, и таятся еще безмолвныя залежи совѣсти и честности. Но въ розничной продажѣ на нихъ нѣтъ спроса. Улица не дорожитъ этимъ товаромъ. А извѣстно, что выставляютъ на продажу лишь то, что покупается. Наука, зардѣвшись, пѣла свою первую уличную пѣсенку. Пресса другихъ пѣсенъ и не знаетъ. Напротивъ, она должна идти впереди общественнаго движенія и угадывать, на какую удочку можно уловить новыя толпы покупателей. Льстить и угождать толпѣ—ея религія и она съ нею освоилась съ полнымъ успѣхомъ.

И здѣсь мы не видимъ задерживающаго центра. Напротивъ, это Сирена, которая заманиваетъ уличныхъ Улиссовъ то къ Сциллѣ, то къ Харибдѣ. Языкъ, понятный улицѣ, доказательства, обычныя на улицѣ, чувства, волнующія улицу, думы, поднятыя на улицѣ,—съ каждымъ днемъ будутъ падать ниже и ниже, не исключая и почтенныхъ хулигановъ изъ сферы своего просвѣщеннаго вниманія.

Поэтому, правъ былъ Герценъ, когда онъ утверждалъ, что паденіе, разъ оно началось, скоро не кончится. Надо ждать дна. Близко это дно или далеко, сказать не легко. Но, кажется, что бездны еще остается большой кусокъ, а дно—слишкомъ глубоко. Но регрессъ—остановиться не можетъ. Это законъ для всякаго неизлѣчимаго недуга.

На языкѣ нашего времени я повторилъ основныя убѣжденія Герцена. Я приводилъ и его слова, чтобы не было сомнѣнія въ подлинности его главной мысли.

Чей же Герценъ? Берутъ ли его въ свою компанію наши западники и радикалы?

Н. М. Соколовъ.

Одинъ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НЕУДАЧНИКА).

I.

Сижу одинъ въ убогой квартиркѣ убогаго Рыковскаго поселка на страшномъ, какъ сама смерть, островѣ Сахалинѣ.

Осеннее солнце давно закатилось. Вѣтеръ свищетъ жалобно и отчаянно, охватывая со всѣхъ сторонъ мой бѣдный домикъ и пробираясь, куда только можно пробраться: въ обтянутую рогожей дверь, въ небрежно замазанныя окна, въ широкія щели некрашенаго и покатаго пола.

До слуха моего доносится густой, величественно-дикій и меланхолическій шумъ раскачиваемой вѣтромъ тайги.

Страшно, холодно, дико... Вотъ призраки сейчасъ соберутся и начнутъ стонать, взвизгивать и нашептывать въ ухо свои безпорядочныя рѣчи.

Тяжело жить въ сообществѣ каторжника, въ его домѣ, подъ одной кровлей съ нимъ. Но въ эти одинокіе, непреодолимо тоскливые и жуткіе часы я желалъ-бы видѣть и его, лишь-бы хоть что-нибудь напоминало о жизни.

Хозяинъ мой, Иванъ Егоровъ Лаевъ, давно отбывшій срокъ каторги и успѣвшій обзавестись кое-чѣмъ, уѣхалъ въ Корсаковскій постъ за товаромъ въ свою жалкую лавченку, все содержимое которой никогда не превышало стоимости 50-ти рублей.

Въ домѣ остался я, да его пятнадцатилѣтняя дочь, Параша, которая давно спитъ въ другой половинѣ жилища.

Подхожу къ окнамъ, приглядываюсь въ мутную осеннюю